

Усвятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №13 апрель 2016 года

«О исторической правде в истории»
читайте на стр. 53-56;

Учредитель и издатель: ООО Редакция «Литературно-художественной газеты альманах «Усвятская россыпь».

Свидетельство о регистрации «ПИ ФС 12-1286», выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Адрес редакции: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, дом – 56.

Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, дом – 56.

Директор/гл. редактор: Гуляев А.Н. (м.т.: 8 906 987 1955).

Технический редактор: Танкова Л.А. Корректурa: Острых Е.Н.

Время сдачи в печать 22.04.2016 г.: по графику – 14.00; фактически – 14.00. Дата выхода в свет 30.04. 2016 г.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ТРК «Киселёвск». Адрес типографии: 652070, Кемеровская область, г.Киселёвск, ул. Унжакова, 14.

Газета распространяется в основном на территории Кемеровской области, частично в других регионах РФ и ближнего зарубежья.

Объём 15.0 п.л.; Заказ № 2176; Тираж 1000 экз.

Цена договорная.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

+16

- 1 - Иван Кожемяко: «Портрет Сталина», «Брат», «Пся крив!», «Полицай» - проза, стр. 2-7;
- 2 - Дамир Ибрагимов: стихи, стр. 8-9;
- 3 - Вера Третьякова: «Жизнь прожить - не поле перейти» - проза, стр. 10-11;
- 4 - Раиса Гальцова: стихи, стр. 11;
- 5 - Иван Горбаченко: стихи, стр. 12-13;
- 6 - Зоя Гулишевская: стихи, стр. 14-15;
- 7 - Николай Нагорнов: «Прощальный шорох листьев» - стихи, стр. 16;
- 8 - Дина Нагорнова-Сабынина: стихи, стр. 17;
- 9 - Сергей Загнухин: «Родное приволье», «Покорительница Сибири» - проза, стр. 18-21;
- 10 - Анатолий Гуляев: «Цель вижу, разрешите пуск!», «Полный расчёт, до копеечки», «Красиво жить не запретишь» - проза, стр. 22-27;
- 11 - Людмила Лукьянцева: стихи, стр. 28-29;
- 12 - Александр Васюнов: «Жизнь как она есть» - проза, стр. 30-33;
- 13 - Сергей Пряниц: стихи, стр. 34;
- 14 - Людмила Любобенкова: «Страх современной женщины» - проза, стр. 35;
- 15 - Геннадий Бурлаков: «С улыбкой о серьёзном» - стихи, стр. 36-37;
- 16 - Николай Миронов: «Битва за Берлин» - стихи, стр. 37;
- 17 - Людмила Танкова: «Память жива, пока мы помним!» - публицистика; «Семяночка», «Дура я, дура...» проза, стр. 38 – 41;
- 18 - Дмитрий Семенов: «По щучьему велению» - фантастика, стр. 42-43;
- 19 - Владимир Халтурин: отзывы; Александр Пресняков «К Дню Победы» – поэзия, стр. 43;
- 20 - Елена Острых: «Притча о ловце жемчуга», «Продавец из Черного города» - проза, стр. 44-45;
- 21 - Надежда Калашникова: «В зоопарке», «Шахматы», «Он» - фантастика, стр. 46 – 47;
- 22 - «Размышления на тему о «Запрещённой Руси» - публицистика, стр. 48-52;
- 23 - «О исторической правде в истории» - публицистика, стр. 53-56;
- 24 - «ЛиТетта» - земля кузнецкой литературы», стр. 56;
- 25 - Эльвира Шелестовская: стихи, стр. 57;
- 26 - Светлана Черемисина: стихи, стр. 58;
- 27 - Лариса Митюшкина: стихи, стр. 58,
- 28 - Литературный калейдоскоп, стр. 59-60.

Иван КОЖЕМЯКО

Иван Иванович Кожемяко - автор многих книг - профессиональный военный, академик, профессор, всю свою жизнь посвятил служению Отечеству, Великой, Единой и Неделимой России в рядах Вооруженных Сил, генерал-майор.

Родился 29 февраля 1948 г. Детство и юность прошли в Крыму. Окончил Вильнюсское военное радиотехническое училище в 1969 г., Белорусский государственный университет в 1980 г., Военно-политическую академию им. Ленина в 1985 г.; служил в Вооруженных Силах СССР и РФ на различных должностях. 1992—1998 г. г. — помощник начальника Главного штаба Сухопутных войск.

Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, семнадцатью медалями, а также двумя орденами Демократической Республики Афганистан. Имеет дочь и трех внуков.

ВОЙНА - КАКОЙ ОНА БЫЛА

(из рассказов отца)

Несколько вступительных слов:

Я не знаю насколько у меня хватит сил, но мне так хочется то, что в своё время было рассказано отцом фронтовиком, положить на листы бумаги и вынести на Ваш суд, дорогие друзья.

Я умышленно отделил в этих историях громкие и славные батальи, а их было немало у полкового, а затем дивизионного разведчика, и предлагаю Вам ту будничную и страшную суть войны, которая, в первую очередь, калечила людские души, меняла до неузнаваемости их внутренний мир. А сил ведь надо было жить, возрождать разрушенное, растить детей.

Портрет Сталина

История первая

У моей бабушки, то есть у тёщи отца, рядом с Божницей висел красивый портрет Сталина. Это не тот портрет, который стал всем известен после войны, где Сталин был в маршальской форме, торжественный и даже мало похожий на реального человека. У бабушки на стене большой комнаты висел редкий портрет, чёрно-белый, на котором Сталин был в будёновке, молодой и уверенный, красивый, во время боёв за Царицын, в годы гражданской войны.

Красивую рамку из дубовой доски сделал дед, большой мастер по дереву, и этот портрет, даже при моей жизни, вернувшись на прежнее место, украшал опрятную стену дома. И не мешали они друг другу — старинные иконы и портрет Сталина.

Но историю о нём мне рассказал отец.

Как-то у бабушки не дошла до него речь или привычной настолько стала эта история, что она и не посчитала необходимым мне об этом рассказать...

Стояло жаркое лето 1941 года. Немецкие войска наступали по всему фронту. Дед и отец были призваны в Красную Армию, как и мои дядюшки Максим и Иван, уже в первые дни войны. В доме осталась одна бабушка и моя будущая мать, молодая девушка семнадцати лет от роду. В один из дней, когда раскаты канонады были уже слышны так, что звенела и посуда в шкафу, бабушка неожиданно всполошилась:

— Дочь, а куда же мы Вождя денем? Немец ведь идёт, видать, не достаёт сил у наших, чтобы его остановить пока...

И она заметалась по дому. Но все места, которые предлагала ей моя будущая мать, да и она сама приценивалась, куда запрятать портрет Сталина, ей, в конечном счёте, не нравились. И, наконец, она придумала:

— А ну-ка, дочь, замести теста, да покруче, чтобы клейким было.

Через несколько минут мать подала ей в миске тесто, так как ни о каком клее тогда речи и не могло вестись. Бабушка вынула портрет Сталина из рамки, протёрла его передником, густо, не жалея теста, намазала обратную сторону портрета и наклеила прямо на большую икону, с обратной стороны.

Тут же придавила портрет табуреткой, на которую в качестве груза поставила ведро с водой и оставила высыхать на ночь. Утром, оценив результаты своего труда, осталась им вполне довольной и водрузила икону на её старинное место.

А гвоздик, на котором висел портрет, аккуратно выдернула и даже замазала дырочку известью, которая стояла в ведре в сенях.

Буквально через несколько дней в селе появились немцы. Чувствовали они себя хозяевами. Бесцеремонно входили в каждый дом, требовали еды, и громко при этом что-то говорили на непонятном сельчанам языке.

Дом у бабушки был видный, большой, с аккуратным забором, огороженным штакетником огородом, на заднем плане которого был прекрасный сад. И хотя яблоки и груши ещё не дозрели, но ветки гнулись под тяжестью плодов до самой земли. Поэтому к ней пришёл толстый немец, и как мог втолковал, что у неё будет жить господин капитан, и тут же потребовал освободить большую комнату, а самой, с моей будущей матушкой, перебраться в маленькую.

— Порядок, матка, всё мыть, — и он даже показал, что надо убрать из комнаты.

Минуло несколько часов, к дому подъехала машина из которой вышел немецкий офицер. Он внимательно осмотрел весь дом, зашёл в покои, отведённые для него, где толстяк, видно, его ординарец, уже успел прибить к стене ковёр, второй ковёр лежал на полу. У окна стоял

раскладной стол, на котором водрузили графин с водой и несколько стаканов. Неожиданно офицер обратился к бабушке на вполне понятном русском языке:

— Вы не тревожьтесь, живите спокойно. Единственное, о чём прошу, утром стакан молока и пару яиц. Свежих. Яйца мыть с мылом. Мыло вам выдаст вот, он, — и офицер показал на толстяка. — Я часто буду уезжать, поэтому вас стеснять никто не будет. Он, — офицер вновь указал на толстяка, — будет оставаться здесь.

Действительно, рассказывал отец, как ему говорила бабушка, немец беспокоился им с матушкой моей не причинял. В доме появлялся редко, переночевав и позавтракав, тут же уезжал, в сопровождении мотоциклистов.

А вот толстяк бабушке и моей будущей матери жить не давал. Постоянно требовал прибираться, вытирать несуществующую пыль, мыть ежедневно окна...

Однажды распорядок немецкого офицера нарушился. Он долго слушал патефон, бабушку удивило, что среди мелодий на немецком языке слышались и русские песни. И где-то перед обедом зашёл в комнату, где ютилась бабушка с моей матерью, и позвал бабушку за собой.

— Садитесь — указал он ей на стул.

Бабушка в растерянности присела на уголок какого-то роскошного стула с обивкой, и от волнения стала перебирать свой простой, но всегда чистый фартук.

Немец наклонился к столу и положил перед бабушкой старинную икону, которой, только тут бабушка заметила, на стене не было. Насладившись растерянностью бабушки, он перевернул икону лицевой стороной вниз, и показал рукой на приклеенный портрет Сталина:

— Это и есть Сталин? Хороший портрет, я его таким не видел никогда. Но так нельзя, мать. На моём месте мог быть совершенно другой человек. И тогда...

Он не договорил. Но бабушке и так было понятно, что было бы тогда. Немец

протянул немецкую газету и сказал:

— Заклейте портрет газетой и повесьте на прежнее место пока мой Курт отсутствует...

У бабушки тряслись руки. Она от волнения прижала икону к груди и вышла из комнаты. Как уж они там с матерью моей заклеивали портрет Сталина немецкой газетой, я не знаю. Немец вышел на улицу, бабушка зашла в его комнату и повесила икону на место. Больше к этому вопросу немец не возвращался.

Ничего не говорила ему и бабушка, подавая, поутру стакан молока и два вымытых мылом яйца на завтрак. А скоро немцев погнали на Запад. И в одну ночь, ничего не говоря бабушке, немец съехал из её дома. А через два-три дня в село вошли наши войска.

По счастливой случайности, дом бабушки остался целым, его не сожгли.

И к ней на постой пришли три молодых офицера уже при погонах, чего бабушка не знала и не видела с той поры, как в таких погонах и с крестами пришёл с той ещё войны мой дед. Старший из них поздоровался с бабушкой и попросил:

— Мать, не стесним, если на несколько дней остановимся?

Бабушка захлопотала над столом, собрала на него всё, что только могла — хлеб, кусок сала, картошку в мундирах:

— Ещё тёплая, в печи стояла, садитесь, сынки, ешьте. Может кто и моих накормит...

— А кто воюет, мать, и где?

— Сыны мои, двое воюют, старика даже моего призвали, её отца, — указала она на мать. — А где они сейчас, не знаю, сыночки. Вы же знаете, что под немцем всё время были.

— Знаем, мать. Виноваты мы пред народом, что на поругание оставили. Теперь будем гнать до самого Берлина.

Достали фляжку, налили по кружкам что-то остро пахнущее, бабушка же не знала, что так пахнет спирт, и предложили бабушке и мой матери понемножку.

— Я выпью, сынки, с вами, чтобы вы вернулись домой живыми. И мои сыны с мужем чтоб тоже вернулись, а ей, — она указала на мать мою, — ещё рано, не надо.

Когда она выпила спирт первый и последний раз в своей долгой жизни, сердце её остановилось, и она стала усиленно глотать воздух.

— Ой, мать, прости, не предупредили. Вот, вода, запей...

И когда бабушка, наконец, пришла в себя и даже зарумянилась, старший из офицеров показал на портрет Сталина, который уже висел на своём привычном месте, и спросил у неё:

— А как же ты, мать, Вождя нашего сберегла?

И бабушка рассказала им всю историю, связанную с портретом Сталина.

Офицеры долго смеялись, и, налив по второй в свои кружки, бабушке уже не предлагали, так как она и стакан свой убрала со стола, дружно поднялись, и, повернувшись к портрету Сталина, провозгласили здравицу в его честь и выпили за его здоровье. Так и завершилась эта история, связанная с портретом Сталина в бабушкином доме.

Менялись времена, приходили новые вожди, деду, который вернулся с войны живым, даже рекомендовали его снять во времена правления Хрущёва, но он этого не сделал.

И две истории произошли уже у меня на глазах, связанные с этим портретом, когда я был курсантом военного училища и приезжал к деду в отпуск.

К деду два-три раза в году приезжал первый секретарь райкома партии, черноволосый, небольшого роста, в офицерском мундире без погон, синих бриджах, с красным кантом, до блеска начищенными хромовыми сапогами и внушительной колодкой орденов и медалей, которых он был удостоен за годы войны. Я даже запомнил его фамилию — Марьяш. Имени-отчества не помню.

Не знаю, что его связывало с дедом, но они долго и неспешно беседовали, в основном на темы хлебобобовые, дед был большой мастер в этом деле и к нему все прислушивались в округе. Бабушка всегда накрывала богатый стол, ставила настойный на смородиновых почках самогон во внушительной ёмкости и вводила нас, своих внуков, из комнаты.

А вот, когда секретарь райкома увидел меня уже курсантом, то сам пригласил за стол, испросив разрешения у деда, долго меня расспрашивал об учёбе, сам налил рюмку дедовского самогона, больше не наливал, и почему-то мне, пацану ведь по сути, задавал вопросы о международном положении. Где-то уже на подпитии, он подошёл к портрету Сталина, поднял свою рюмку высоко и выпил её до дна, поклонился. Но не говорил при этом ничего.

И вторая история, связанная с этим портретом, меня поразила ещё больше. К деду в Пасхальные дни, всегда приезжал священник. В селе церкви не было, она была в районном посёлке, поэтому я не знаю — в ней ли он служил или где-то в другом селе. Священник был огромного роста, говорил раскатистым басом, всегда осенял нас крестным знаменем, поздравлял с праздником, одаривал крашеным яйцом и куском кулича.

А затем неизменно крестился на обрза, широко, вдохновенно, и так же подходил к портрету Сталина и тоже крестился и отвечивал ему поклоны. Так и я за-

помнил этот портрет на стене рядом с иконами. И очень жалею, что не додумался попросить его на память, когда бабушки уже не стало. Следом за ней ушёл и дед, по самой длинной и невозвратной дороге... И дальнейшей судьбы портрета Сталина я уже не знаю.

Брат

История вторая

— Нет, ты со мной не спорь, сын. Но в Сталинграде нам было легче, да, уцелеть не было надежды ни у кого, но мы знали, вот они, а здесь — мы.

...Правда, я и не думал даже спорить с отцом, а только заинтересованно слушал его воспоминания уже поздней ночью. Весь день мы работали, и я помню с каким вождением отец ждал вечера. Пока он прибирал инструмент, которым мы пользовались, заливая в этот день отток у дома, я готовил ужин.

И часто очень эти наши посиделки, как он их называл, продолжались до ранней зари под раскидистым абрикосом, где было так уютно и тепло.

Тем более что я усовершенствовал эту летнюю столовую, поставив аккуратную, углом, стенку из листов шифера, и соорудил крышу из нескольких слоёв толстой и прочной плёнки, которая закрывала нас по вечерам от свежего морского ветра.

Свои первые слова, с которых и началась эта история, он произнёс тогда, когда блаженное тепло от рюмки холодной водки разлилось по телу, и мы закусили только что нарезанным мною салатом из свежих помидор, лука и огурцов.

— Ты не думай, что я сошёл с ума, говоря о Сталинграде. Среди кромешного ада мы твёрдо знали, что назад не сдвинемся. Погибнем, но не уйдём. А вот легче было, сын, это точно.

Мы же не видели, что натворил фашист на оккупированных территориях, многие из нас не имели никаких вестей из дому, так как всё родство находилось на временно оккупированной нашей земле.

И самое главное, под Сталинградом мы встречались в бою только с немцами, венграми, румынами, несколько раз итальянцев брали в плен, то есть, встречались с тем врагом, который пришёл к нам с гитлеровскими войсками.

А вот когда пошли вперёд, сердца наши обуглились и не все смогли это выдержать. Ожесточился даже народ. И нам, офицерам, приходилось немало сил приложить к тому, чтобы люди не своевольничали, а блюли закон и совестью солдатской не торговали. Я своим разведчикам прямо говорил, что никакие былые заслуги не буду принимать в расчет, если потеряют честь воинскую.

...Он выждал, пока я вновь наполнил рюмки водкой, тяжело встал из-за стола и обратился ко мне:

— Давай, сын, помянем моих товарищей боевых... Да и твоих тоже, свою войну пережил и ты. Но мы хотя бы на своей земле воевали. И боронили её, а тебе же пришлось на чужбине кровь проливать, подчинённых на смерть отправлять... Не бывает войны без крови, к сожалению...

Мы выпили, и отец продолжил свой рассказ, не забывая и об ужине, нахваливая меня за его приготовление.

— В руинах вся страна лежала на оккупированной фашистом территории. А когда мы оказались в Белоруссии, тут и

комиссаров не надо было — клокочущая ярость просто разрывала наши сердца. Не видели мы ни одной уцелевшей деревни. В небо только сиротливо смотрели печные трубы. И что поразило особо — практическое отсутствие людей.

На пепелищах, кое-где крайне редко, копошились до времени постаревшие женщины, нищенски одетые, с безысходной тоской на своих восковых лицах.

Мне показалось, что они не способны были радоваться даже нам. И только безучастно, остановившимися глазами смотрели на нас да прижимали к высохшей груди буханки хлеба и банки консервов, которые каждый из нас норовил им вручить...

Отец закурил, жадно затянулся дымом сигареты, и я заметил как у него дрожали руки. Он сам взял бутылку с водкой, налил, молча наши рюмки, прикоснулся рукой к моему плечу и сказал:

— Ни один народ таких страданий не перенёс. И все мы, кто проживал до войны на тех землях, которые захватил враг, утратили покой и сон. Потому что каждый знал, что и наши родные прошли через этот ад. И я тебе скажу, дорогой сын, никому и никогда не говорил этого. Сказал я своим разведчикам, что если доведётся быть в бою, а такое часто бывало, не всё же время мы по тылам фашистов шастали, в бою пленных не брать.

Холодок былых воспоминаний передрнул его плечи, он продолжил:

— Поверишь, мы жаждали боя. Мы хотели встретиться с врагом лицом к лицу. Но не знали, какое испытание нам приготовил Господь. Дело под Мозырем было, знаешь такой городок в Белоруссии.

— Да, отец, красивый, утопающий в зелени, окружённый лесами и озёрами, белый и нарядный город сегодня.

— А тогда — мы не видели единого, целого здания. Всё было уничтожено и разорено. Мы слышали, конечно, о власовцах. Знали, что нечестивцы такие появились. Шкурники и предатели, но видеть их не приходилось ни разу.

А тут — звонит комдив и кричит в трубку: «Капитан, всю роту — в ружьё, на наш медсанбат вышли власовцы, прорываются на Запад. Там суший ад, капитан, прошу тебя, поторопись...»

Мы запрыгнули в машины, которые стояли у штаба и понеслись туда, откуда раздавались выстрелы в ночи...

...Замолчал надолго, жестом показал чтобы я наполнил рюмки, и, выпив водку, застыл молча за столом, даже сгорбившись как-то.

— Такого боя, сын, не помню за всю войну. Мне чудится или так и было, но мы и не стреляли почти. Обойма в моём «ТТ» осталась не расстрелянной, это я хорошо помню и сейчас.

Нож, приклад, сапёрная лопатка — только и были в действии. А ещё — русский мат над полем боя с обеих сторон. Власовцы понимали, что пощады им не будет и дрались, как обречённые. Нас даже не интересовало сколько их.

Мы твёрдо знали, что несколько минут такого боя — и они побегут. Потому что такой ярости и такого напора я не пережил более ни разу за всю войну. Научились мы воевать, и воевали расчётливо, не спешили подставлять фашистам свои головы. Здесь же всё было по-другому. Каждый из нас стремился уничтожить врагов как можно больше.

Поверишь, после боя я боялся и посмотреть на строй своих ребят, которые кучно стояли подле меня, но когда всё же поднял глаза, увидел всю свою роту, раненых было много, почти все, но ни один человек не погиб. Не погиб никто! Это было невероятным. Но это было так.

Обливались кровью мои герои, все были живы и даже не спешили оказать друг другу помощь, а только поддерживали тех, кому досталось больше нежели другим. И подоспевшие наши бойцы с недоумением оглядывали поле боя, на котором в страшных позах застыло множество трупов власовцев.

Даже не знаю сколько их мы уничтожили. Выживших было мало.

И не их, а нас наши солдаты и майор, который ими командовал, всё норовили усадить в машины и отправить к месту дислокации как можно скорее. Мыслью, что на нас было страшно смотреть и им.

...Он снова закурил, устало как-то поковырялся в тарелке, и продолжил:

— Так бы эта история и завершилась. Да, страшный бой. Но ничего более. Но тут мимо нас несколько пехотинцев, лучше бы подождали, вели человек восемьдесят власовцев. Это были те живые, кто не успел убежать.

Когда они поравнялись с машиной, в которой я сидел в кругу своих бойцов, не хотел оставаться в кабине, любимец разведроты Сашка Крылов как-то неестественно взвизгнул, перекинул своё тренированное тело через борт, уже в полёте выдернул из-за голенища сапога нож и всадил его, по самую рукоять в щеку одного власовца.

Самое страшное, что он при этом не отпустил его, притянул за ворот мундира к своему лицу и прохрипел: «Ну, что, братка, вот и свиделись?» И тут же оттолкнул уже умирающее тело от себя. Не стал вынимать из шеи поверженного врага и свой нож. Мой старшина роты, степенный донской казак уже в летах, Малахов, под мышку втянул завядшее тело Сашки в кузов машины и прохрипел:

— У кого водка есть, дайте фляжку...

Не глядя, взял одну из них, открутил колпачок и поднёс к Сашкиным губам:

— Пей, сынок, пей. И забудь об этом. Не думай и не вспоминай. Не попался же он, гад, кому-то другому. Не тебе бы его жизни лишать... Но ты сделал всё правильно. По правде высшей. По чести...

Сашка совершенно пьяный на его руках и уснул. Мои разведчики отнесли его в дом, укрыли шинелью и оставили возле него на всякий случай незаменимого Лукича, совсем старого, даже не знаю, как тебе и объяснить, кем он был при нас, пристав к нам ещё под Сталинградом.

Наверное, и ангелом-хранителем роты, и печалователем нашим, заботливым и преданным нам, каждому беспредельно.

Рано утром с повязкой на голове через которую всё ещё проступала кровь, я пошёл к Сашке. Он не спал.

Выжженными от бессонницы глазами, молча смотрел он в потолок и только подносил к глазам руки чёрные, сбитые во вражеской крови. И удивлённо разглядывал их. Мы-то успели привести себя в порядок, помыться, переодеться в чистое, а Сашка был в том, в чём его и уложили в кровать заботливые руки старшины Малахова и Лукича. Я молча сел возле него на кровать. И сжал его руку:

— Сашка, я ничего говорить не буду.

Прошу тебя, не казнишь, и не вини себя ни в чём. Ты поступил так, как тебе веле-ла совесть твоя. По-иному нельзя было. В этом бою нельзя было, Сашка...

И он, как-то вздрогнув всем телом, заплакал, отвернувшись к стене. Я ему не мешал. И когда он затих, перестал хлюпать носом, я сказал:

— Всё, Сашка, поднимайся, приводи себя в порядок. Комдив едет, будет награждать отличившихся...

Не стал я говорить молодому солдату, что я упрямил комдива приехать в роту в этот день и отметить героев не за этот бой, не упоминать о нём даже, а за предыдущие подвиги. Комдив поблагодарил роту за спасение раненых в медсанбате и за проявленное мужество и героизм в боях по освобождению нашей Родины, вручил мне орден Александра Невского, которым, я знал, был награждён за Сталинград ещё, вся рота дружно закричала:

— Ура нашему командиру! Качай его, ребята!

Тепло при этом улыбался комдив, я видел, подлетая вверх от дюжих рук моих разведчиков, не стоял в стороне и Сашка. Норовил тоже подбросить моё тело, хотя бы к нему прикоснуться. И когда строй вновь застыл перед комдивом, он вызвал из строя Сашку и вручил ему орден Славы III степени. Сердечно обнял и сказал:

— А это тебе, Крылов, за того немца, который очень важные дал нам сведения. Спасибо, солдат! Много ты жизней наших воинов этим немцем своим спас. А это, Крылов, от меня лично. Важнейший немец оказался.

И комдив, сняв с руки часы, вручил их смущённому солдату.

— Будь здоров, солдат! Доживи до Победы! Как отец — желаю тебе этого. Ради матери своей — доживи...

Сашка погиб смертью героя.

— Мне, мне, сын, предназначалась пуля офицера, которого мы посчитали убитым при захвате языка в последние дни войны. Один Сашка увидел, как тот прицеливался в меня из «Вальтера». Сдёрнуть с плеча автомат он не успевал, и тогда в прыжке бросил своё тело ко мне навстречу. И только успел встать впереди меня, фашист нажал на спусковой крючок...

Я подхватил Сашку, его обмякшее тело. А мои разведчики тут же, до второго выстрела пристрелили фашиста. Сашку мы вынесли к своим и похоронили во взятом только что Кёнигсберге. К слову, это было единственное захоронение наших воинов, на братской могиле которых уже в сорок пятом победном году был водружён величественный памятник.

Настоящий Пантеон Славы Победителям! Особый. Такого нет более нигде. Материалом для него послужили заготовки фашистов, которыми они хотели увенчать свою победу над нами. Не сбылось.

Да и не могло сбыться, так как вся наша армия состояла из таких Сашек Крыловых, непобедимых. Пока и будет существовать наша Родина. Отечество наше.

Пся крив!

История третья

Я радовался тому, что в этом году от-пуск выпал к круглому юбилею Победы. Знал как ждёт встречи с моими детьми, его внуками, отец. Великий труженик, он всё время работал бригадиром тракторной бригады до самых преклонных лет. Я часто думал, что он хлебом, который вы-

растил с товарищами, не один миллион человек накормил.

Я купил ему новый костюм в подарок, хотя он и не любил их, и всё ходил в моей армейской форме — и в будни, и в дни праздников. Как я смеялся, когда он стал сокрушаться, что много хлопот с моей новой формой:

— Ну, не буду же я с лампасами ходить, сын, а пока их спорешь, хорошо их тебе пришивают, замучаешься...

После суety встречи, мы накрыли хо-роший стол, выпили за Победу нашу Ве-ликую и приступили к неспешной бесе-де. Я попросил сына принести дедушки-ны награды, чтобы их по всем правилам закрепить на новом пиджаке.

Сын расспрашивал деда — за что ему были вручены ордена и множество ме-далей. И хотя я прекрасно знал историю каждой награды отца, слушал с большим вниманием его пояснения внуку.

Более всего он дорожил орденом Алек-сандра Невского за Сталинград, который ему вручили уже в Белоруссии. Долгая дорога, порой, была у наград, особенно в 1941-1942 году, а многие герои их не до-жидались вообще, к несчастью.

Не случайно Высшим военно-полити-ческим руководством страны и было при-нято решение о праве соответствующих командиров награждать отличившихся от имени Советского Правительства государ-ственными наградами.

Помните, как в фильме «Горячий снег» командующий армией награждает отличившихся героев-артиллеристов орденами Красного Знамени. Всё, что было из наград, до ордена Красного Знамени включительно, имел право вручать имен-но командующий армией. Комдив — имел право награждать всеми медалями и ор-денами Славы III степени и Красной Звез-ды. Отец никогда не числил в числе на-град седьмой орден, который у него был — Отечественной войны I степени, кото-рый вручался фронтовикам в честь 40-летия Победы.

— Нет, ты этот значок мне не крепи, сын, разве можно такое допускать, чтобы орден вручался тем, кто и немца-то живого не видел? В боях не участвовал?

Когда сын мне подал диковинный крест, не наш, на другой колодке, не такой как у наших орденов и медалей, я заулыбался, знал, что отец не преминёт и расскажет внуку историю этой дорогой для него награды.

— А это, внучек, поляки меня отмети-ли, орден их Крест Храбрых. Ты уже боль-шой и должен знать что в составе наших войск воевали и две польские армии. Ска-жу прямо, гонористые были «панове». Всё «Пся крив!», да «Пся крив!» — это они так ругались, но воевали достойно, му-жественно и бесстрашно.

— Дедушка, а почему «панове»?

— А у них было официально установ-лено такое обращение к своим команди-рам — пан поручник, пан пулковник... Так именно они говорили.

Хорошо, как-то по-молодому засмеял-ся, и сказал внуку:

— Несколько дней и я «паном» капита-ном побыл...

— Дедушка, дедушка, — заторопил его внук, — расскажи эту историю.

И отец начал рассказывать историю, которую я уже не раз слышал, но с вели-ким удовольствием слушал её и сегодня.

— Польские армии не случайно были в составе I-го Белорусского фронта, кото-

рым при освобождении Белоруссии ко-мандовал чтимый нами полководец Кон-стантин Константинович Рокоссовский.

Со Сталинграда его знаю, где он Дон-ским фронтом командовал. Видел его не-сколько раз, так поодаль, но весь фронт знал всю историю командующего войс-ками фронта и уважали его все, так как более корректного воинского начальни-ка такого масштаба армия не знала.

Мы выходили после освобождения Белоруссии на границу с Польшей. Кому же родную землю освобождать, если не самим полякам? Вот мы и крепили брат-ство по оружию, как это позже стали на-зывать, с поляками, начиная с Белорус-сии. Первое своё боевое крещение на нашей земле они получили под Ленино в Могилёвской области.

Меня поразила осведомлённость отца. И он сказал внуку, сыну моему:

— Была, внучек, и третья польская ар-мия генерала Андерса. Но это — шкурни-ки. Они слушали, что им диктует их бур-жуазное правительство из Лондона, ко-торое бросило истекающую кровью Польшу и бежало в эмиграцию. На фронт они так и не выступили. Хотя и были воо-ружены нашим оружием. Ушли в Иран охранять для англичан нефтяные приис-ки. Поэтому — что о них говорить? А вот армии, которые были в составе наших войск со своим командованием, есте-ственно, формой, знаками отличия, Бое-выми Знамёнами, воевали достойно.

Много горя принесли фашисты на польскую землю, и у простого народа были к ним свои счёты.

Много боёв мы провели вместе, и твёр-до были убеждены, что на поляках мож-но положить. Не предадут, не побегут...

А орден, думаю, что за дело был вру-чен советскому офицеру. Не моя чисто это награда, а всех солдат моей роты. Но им я горжусь, так как за реальное боевое дело даден.

Когда мы освободили Белоруссию, и вышли на границу Польши, продвигать-ся дальше сил не было. Немец силен ещё был. Да и то — не один же он с нами вое-вал, вся Европа.

Я как-то посчитал, что мы в плен за годы войны кроме немцев, румын, венгров (ма-дьярами мы их называли) брали неоднок-ратно и французов и датчан. Испанцев, итальянцев — вот и посмотри, кто на нашу землю пришёл вместе с германцем?

Поэтому — потери мы понесли боль-шие. Не хватало сил на освобождение Польши, надо было перегруппироваться, пополнить войска личным составом, тех-нику и вооружение поставить обескров-ленным частям и соединениям.

Сколько у нас состоялось жарких споров с поляками по этому вопросу! Что греха таить, были и у них горячие головы, которые винили нас и призывали идти, незамедлительно, освобождать их Роди-ну. Вот орден этот и связан с одной такой историей.

Нашлась горячая голова среди поля-ков, и без ведома своего руководства, ув-лёт своих подчинённых командир польского батальона на совершенней-шую глупость — он в одиночку решил освободить Польшу.

Да не тут-то было, немцы пропустили этих отчаянных авантюристов за линию фронта, обложили таким кордоном, что и голову не высунуть. А вот почему они не уничтожили артиллерией этот баталь-он танками, я не знаю.

Какие-то задумки у них на этот счёт свои были. Они хотели весь этот батальон взять в плен, какую-то свою каверзу за-мышляли. Наверное, и предателей польского народа привлекли к этому. Поляки держались до последнего патро-на, до последнего сухаря...

Помню тот вечер, когда меня пригласил к себе командир дивизии. У него си-дел и польский полковник, которого я не встречал до сей поры. И комдив, кратко обрисовав обстановку, сказал прямо:

— Прошу, капитан, надо спасти людей. Наступать даже дивизией мы не можем. Надо придумать что-то неординарное и вывести людей из пекла. А уже они сами пусть потом разбираются в том, кто там виноват в этой авантюре, — и он красно-речиво посмотрел на польского полков-ника, который при этом даже покраснел.

— Сколько тебе времени надо на подго-товку? И когда соображения свои доло-жить сможешь?

— Часа два-три, товарищ генерал. Об-мозгуем с людьми, посмотрим, что воз-можно сделать.

— Хорошо, иди, буду ждать тебя, — он посмотрел на часы и назвал время.

Прибыв в расположение роты, я по-просил дежурного собрать всех офице-ров. Обрисовал им положение с польским батальоном и спросил, что будем делать? Началось бурное обсуждение.

Я внимательно выслушивал всех сво-их боевых товарищей, помечая в блокно-те все ценные предложения, чтобы при-нять решение. По завершению совеща-ния, попросил офицеров поговорить с подчинёнными во взводах и доложить мне их предложения. Родилась, на мой взгляд, заслуживающая внимания общая идея, с которой я и направился к комдиву.

Разложив свою карту у него на столе, где уже были сделаны пометки каранда-шом, я просил комдива отвлечь внима-ние немцев, нанести по их передовым частям удар дивизионной и полковой ар-тиллерией, имитируя подготовку к на-ступлению в строго определённом райо-не, сосредоточив весь огонь именно там.

Начать передвижение частей дивизии к этому району, а мы, пользуясь сумяти-цей в рядах фашистов и ослаблением их внимания к окружённому польскому ба-тальону, попробуем к нему пробиться, прихватив побольше боеприпасов и не-много пищи, хлеб, сало, чтобы подкре-пить их силы.

Комдив решение моё утвердил, и тут же отдал соответствующие распоряжения начальнику штаба, лично — начальнику артиллерии дивизии. Мои разведчики ждали моего возвращения от командира дивизии и уже были готовы к выполне-нию боевой задачи, навьюченные боеп-рипасами.

— Ты знаешь, внучек, наверное, Бог есть. Нам повезло. Немцы не на шутку всполошились нашим артогнём. Пони-мая, что у поляков закончились боеп-рипасы, сняли значительную часть своих подразделений, которые держали в коль-це поляков. Оставили в охране исключи-тельно венгров. Свои же части спешно направляли в район активности русских, предполагая, что там будем наступление.

Какие из венгров вояки мы знали ещё по Сталинграду. Мародёры, палачи и ка-ратели в отношении мирного населения. Нередко и фашистов превосходили по жестокости. А при встрече с нашими вой-сками, как правило, всегда трусливо бе-

жали. Немцы им не доверяли. И никогда за равню не принимали, относились к ним брезгливо и презрительно.

И мы воспользовались этим военным счастьем в полную меру. Мои разведчики, — он посмотрел на внука, и тихо, скорее для меня, сказал, — их секреты перебили ножами, без единого выстрела. Продвигаясь без звука влево и вправо от места соприкосновения с венграми, мы расширили приличный коридор.

Я оставил в этой своеобразной «горловине» по взводу, а сам с третьим взводом, в сопровождении поляков, которые были прикреплены к моей роте, ринулись навстречу обречённому и обессиленному батальону. Нас встретил молодой майор, командир батальона, представился мне и на хорошем русском языке заявил:

— Я всё понимаю, пан капитан, что мой поступок не имеет оправдания. Я бесчестно не поступлю... Не имею права... А за спасение людей огромное Вам спасибо.

Я не придавал серьёзного значения словам польского офицера, и только торопил его, пока враг не опомнился. Тем более что у нас за спиной, в той «горловине», которую удерживали мои разведчики на левом фланге, раздались звуки шквальной стрельбы.

Передав полякам боеприпасы и продукты на бегу, мы устремились на звуки стрельбы. Конечно, нашего удара венгры не выдержали, да и наша артиллерия начала гвоздить по их позициям, по переданным мною координатам так, что они и головы поднять не могли. На одном дыхании мы пробежали эти несколько километров.

Артиллерийский огонь, который в спешке, стали вести немцы ли, венгры — мы не знали, был явно запоздалым и никакого вреда нам не причинил. Навстречу нам бежали наши солдаты и офицеры, много поляков, которые обнимали на ходу своих товарищей.

За общей кутерьмой я не увидел, об этом мне доложил комиссар роты, как я по старинке называл своего заместителя по политчасти, как командир батальона чётко доложил полковнику о происшествии. Тот только чопорно поморщился и отрывисто бросил:

— Пан майор, не мне будете давать пояснения по своему безобразному поступку, а суду.

И отвернулся от майора. Тот побледнел и отошёл в сторону. Сухой щёлкнул выстрел, и майор упал замертво.

Конечно, мне очень жаль этого офицера. Мужественный человек, но на столь опрометчивые поступки права он не имел. И не мог так распоряжаться судьбами подчинённых.

Мои разведчики похоронили майора, почему-то поляки его оставили и ушли в расположение своих частей. Буквально на следующий день меня вызвал комдив. У него находился и уже знакомый мне полковник.

Кратко доложив командиру дивизии итоги нашей особой боевой деятельности, о которой он, разумеется, всё уже знал от начальника разведки дивизии, я тут же, с разрешения комдива, обратился к польскому полковнику:

— Товарищ полковник, естественно, это Ваше право, но напишите родным майора после освобождения Польши, что он погиб, как герой, прошу Вас, как солдат — солдата. Это будет справедливо, он не

трус. А тяжело ошибся, но за это расплатился сполна.

Польский полковник молча подошёл ко мне и пожал руку:

— Спасибо, капитан. Благодарю Вас и за спасение людей, и за эти слова. Они мне очень дороги.

А назавтра, прямо ко мне в роту прибыл польский капитан и передал приглашение от своего комдива посетить их дивизию, встретиться с разведчиками.

— Не тревожьтесь, пан капитан, — обратился он ко мне, заметив моё замешательство, — с Вашим руководством этот вопрос согласован. Возьмите с собой несколько особо отличившихся человек в этой спасательной операции. А мы покурим и Вас подождём.

Уже через полчаса мы в новом обмундировании, которое хранилось у старшины ненадёжным, сидели в машинах и ехали в расположение соседей — польскую дивизию. Конечно, я позвонил начальнику разведки дивизии и испросил позволения на эту поездку.

— Едь, едь, герой, комдив разрешил. Хвалил он тебя на совещании...

Принимали нас как героев. Сам командир дивизии, я и не видел до этого польского генерала, холёный и чопорный пригласил нас к столу, и тут же после первой рюмки, которую он поднял в нашу честь, огласил приказ согласно которому я и мои боевые товарищи награждались орденами и медалями Польши.

Так мне и был вручен этот высокий орден. Особо памятный, видишь, на нём выбита дата — 1943 год. Таких крестов было очень мало, они вручались полякам за первое боевое крещение под Ленино, в Белоруссии. Потом этот крест уже чеканили без этой даты. А этот — видишь, — не без гордости, показал внуку свою награду отец, — с этой датой, хотя и вручен мне был гораздо позже.

И, обращаясь уже ко мне, сказал:

— Да, тогда мы шли в одном строю. К одной цели, выше которой и не было — сокрушить фашизм. И Берлин брали вместе, и на Параде Победы были вместе, а вот сейчас что-то я не пойму, сын, куда клонит нынешнее руководство Польши?

Оно что забыло о наших жертвенных утратах за свою свободу? Шутка ли, более шестисот тысяч человек нашего брата в польскую землю легли! А они уже сейчас глумятся над нашей Победой. Видишь, даже судить Ярузельского хотят, который и спас их от страшных беспорядков и смуты великой.

К слову, он ведь тоже служил в составе Польских войск, сражающихся на нашей стороне с фашизмом. Заслуженный человек, честный солдат, был министром обороны, до президентского поста дошёл, а они его, видишь ли, за союз с нами и хотят судить.

— Да, отец, многое изменилось с тех пор, когда Польша вышла из состава социалистического лагеря. Вдруг все «прозрели», что это мы их угнетали. Не давали свободы сколько они хотели. Вольности неограниченной, только за наш счёт. Опять же — эта бессовестная возня вокруг Катюши.

Несусветная глупость, доказательств более чем предостаточно, даже свидетели ещё живы, которые видели, как фашисты расправлялись с польскими офицерами. Ан нет, на нас вешают этот несуществующий грех — и всё тут.

Придумали, что Сталин их расстрелял

за тринадцать месяцев до начала войны, и ждал, что фашист дойдёт до Смоленска и будет использовать этот жупел в борьбе с Советским Союзом. Даже дневник Геббельса проигнорировали наши демократы, который писал об этой чудовищной провокации, которая взорвётся в будущем против Советского Союза...

А утром следующего дня мы все, вместе с моим отцом и дедом моих детей, шли на торжественное собрание, посвящённое Великой Победе. И глаза моего сына светились гордостью за своего деда. Ни у кого не было столько наград, как у его деда. И внизу, под советскими наградами, сиял и польский Крест Храбрых.

Полицай

История четвертая

Редко я видел отца в столь скверном расположении духа. Придя с покупками из магазина, он дрожащими руками никак не мог прикурить — ломались спички, и от этого он ещё больше нервничал.

Я сел рядом, щёлкнул зажигалкой, и мы оба стали затягиваться душистым дымом. В ту пору «Давыдофф» были весьма приличными сигаретами, с табаком, не суррогатными ароматизаторами, как это делают сейчас. Выкурив одну сигарету, он попросил ещё, и, жадно затянувшись, наконец, заговорил:

— Ты представляешь, кого я сегодня встретил у магазина?

— Нет, конечно, отец, рассказывай...

Надо учесть, уважаемый читатель, что это происходило уже давно в 1993 году, последнем году жизни отца. Крым был под украинским началом, самый ослепительный пик разгула «вольности и независимости» от Великой России.

«Пан» Кравчук, бывший секретарь ЦК КП Украины, вместе с нашими проходивцами и Шушкевичем учинил в Беловежской Пуше предательство великое и повёл линию на «незалежность» Украины. И уже в первые годы этой «незалежности» в Крыму стала активно разыгрываться татарская карта. Власти Крыма не были готовы к столь стремительному возвращению татар, да ещё и в таком количестве, из республик Средней Азии, куда они были депортированы в ходе войны.

Начался вселенский хаос, самозахваты земли приобрели катастрофический характер, резко увеличилось число преступлений. Можно уже прямо сказать сегодня, что активизировалась Турция и всё делала для того, чтобы обострить обстановку на полуострове.

Много копий сломано вокруг этого вопроса, и вся демократическая рать винит в этом «кровавого тирана» Сталина, не принимая во внимание никаких иных аргументов, пусть они и были основаны на правде, суровых реалиях того страшного времени. К несчастью, крымские татары поголовно служили в фашистских формированиях. Разумеется, дееспособная часть мужского населения.

И те зверства, которые они чинили в отношении не только крымчан, а следы их кровавого произвола обнаружены и в других южных областях нашей Великой страны, заставляют содрогаться и сейчас.

Поэтому — не надо винить в одностороннем порядке Генералиссимуса, он защищал своё Отечество, будучи его отцом и главой нации.

За татарами потянулись и все иные

авантюристы, преступный мир, и даже те, кому в этих местах и объявляться бы не следовало.

— Ты представляешь, в одном классе учились с этим мерзавцем. И вот встретились, не испугался, приехал, негодяй, на ту землю, которую он залил кровью.

Как-то жёстко усмехнулся и произнёс:

— Так и сказал ему, дорогой сын, что если ещё раз протянет свою поганую руку, прикончу гада. Нет права у таких людей ходить по земле. Жалею, что не свела судьба в годы войны, — и он даже передёрнул плечами, как от холода.

А вечером за поздним ужином он и рассказал мне эту историю.

Уже в первые дни войны, они, мальчишки совсем, правдами и неправдами приписавшие себе года по два, это точно, рвались на фронт. Весь их класс. Я знал, что отцу к началу войны не было и семнадцати лет, когда он попал в разведшколу, так как успел к этому времени завершить девятый класс школы. По тем временам это было серьёзное образование.

— Но не торопился сделать это лишь один человек, хотя он и был старше нас всех года на два, так как по причине плохой успеваемости учился в одном классе по несколько лет. Звали его Фомой. Он как-то растаял, мы его так и не увидели, отправляясь на фронт...

А уже всё остальное отцу рассказали его мать и сестра, тётюшка Ефросинья, жгучая красавица, которую помню и я, приезжал к ней в село, будучи ещё курсантом военного училища.

Слава о её трудовых делах гремела по всему району — шутка ли, она была награждена тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Почёта и множеством медалей.

Фома объявился сразу же, как только в этих краях объявились фашисты. В чёрном мундире с серым воротником, повязкой на рукаве, на которой было написано «Полицай», и с автоматом на плече. В первый же день появления он заявился к тётюшке, сел, как хозяин, за стол в красном углу и сказал тётюшке:

— Ну, что, Ефросинья, новая власть нынче. И навсегда, запомни это. Навсегда! Зря твой братец и мои одноклассники к красным подались, жить им осталось очень немного.

Ты думай, Ефросинья, знаешь, что лоба ты мне. И если ты согласишься стать моей, жить будешь, как в раю. Не обижу, не думай. А я многое могу, назначен помощником начальника полиции. Я не тороплю, обдумай всё хорошо. Но и не затягивай.

И тут же, словно походя, бросил:

— А то немцы приказали отбирать самых здоровых девок для работы в Германии. Зачем это тебе? Мы и здесь будем жить, как люди.

Попросил, не приказывал в этот день, самогону, и, выпив, не отрываясь целый стакан, тяжело пошёл из дома.

На пороге остановился и повторил:

— Думай, Ефросинья, до завтра думай, а я к вечеру и зайду, за ответом...

Ночью моя бабушка, собрав вещи тётюшки в узелок, отвела её на дальний хутор, к своей старшей сестре, которая жила одиноко. Мужа давно не стало. И она доживала свой век в лесу, за горами. Сюда-

то и в доброе время никто не заглядывал, а сейчас и подавно, перестал народ без нужды в лес ходить, немцы запрещали.

Отец продолжил свой рассказ.

– Житья моим Фома не давал. Он бесновался, что исчезла Ефросинья, и прямо угрожал моей матери, твоей бабушке, расправой. Каждый день заявлялся в дом матери и требовал выпить, а напившись, не церемонился с угрозами:

– Ты, что, старая, со мной шутики шутишь будешь? Так овраг – он большой, там не только евреям места хватает, а ты упокоись, с этой малой, – и он указывал на тётушку Ольгу, которая его страшно боялась и пряталась от него на печи.

– И мать, осознавая, что угрозы мерзавца в любой день могут быть выполнены, собралась в грозовую ночь и ушла из села с младшей сестрой моей, Ольгой. Та совсем маленькой ещё была.

Как уж они там выживали в лесу, где обосновалось немало таких бедолаг, одному Богу известно. А Фома зверствовал так, что весь район его помнил. Большого зверя не было.

Не осталось ни одного цыгана, а у нас, до войны, целый колхоз был из оседлых цыган. Все они, кто остался на оккупированной территории, нашли свой конец в балке, где с утра до поздней ночи трещали выстрелы.

Практически было уничтожено всё учительство. А как-то так сложилось, что подавляющее большинство из них было евреями, ты же понимаешь, что это значило для таких нелюдей?

Фома и его подручные лишали жизни любого, кто даже косо посмотрел в их сторону. Особенно же ожесточился палач, когда всем стало понятно, что дела у немцев плохи. Дошли, дошли до народа слухи и о наступлении под Москвой, нашей победе под Сталинградом.

И когда немцы стали отступать, с ними пропал и Фома. Сельчане вздохнули и стали ожидать своих освободителей. Кто, конечно, выжил.

О Фоме больше никто ничего не слышал. После войны представители НКВД расспрашивали местных жителей о зверствах, которые чинили фашисты и их сообщники. Бабушка твоя и тётушка Ефросинья рассказали им всё, что знали и чему были свидетелями сами.

...Отец вновь закурил и тяжело, с хрипотой даже, заговорил вновь:

– Когда я вернулся с войны в пятьдесят шестом году, после победы над бандеровцами в Западной Украине, было не до Фомы. И я как-то его не вспоминал даже. Правда, твой крёстный, мой одноклассник, с которыми мы вместе и ушли на фронт, Иван Тихонович, как-то сказал, что Фому пленили и приговорили двадцать пять лет лагерей.

Почему не расстреляли, мерзавца, я не знаю. Наверное, не было свидетелей в тех местах, где его взяли в плен, но отсидел он полной мерой. И вот объявился, негодяй. Да ещё и с таким форсом, что у меня и сердце чуть не остановилось – рожа хоть прикуривай. И знаешь, что он мне сказал:

– А ты на меня не смотри так, Иван. Я за грехи свои по полной отсидел. А сейчас – не ваше время, слава Богу. Дожил.

Из Киева самого новые веяния идут, и нас, ты же это знаешь, борцами за вольную Украину именовать стали. Поэтому – всё, старого мне не поминай. Новую жизнь начал, может, поживу ещё...

Не смирился мой отец с этой неправдой великой. Не мог старый солдат простить фашистскому прихвостню той праведной крови, которая за ним тянулась страшным следом. Собрал всех фронтовиков у себя на подворье, матушка ещё в силе была, стол им накрыла, и под добрую чарку стал говорить с ними о появлении Фомы:

– Не могу жить я рядом с фашистским холоумом. Я просто завидую вам, друзья дорогие, что не видели вы, что творили такие нелюди на Западной Украине.

Поэтому давайте решать, что будем делать? Иначе возьму грех на душу, да и лишу мерзавца жизни. Не ходить ему по одной с нами земле.

И решили фронтовики идти к районной власти и изложить главе района всю ситуацию с этим палачом. Не всё, не всё ещё вытравил Украина в Крыму, не всех причесала под свою гребёнку.

Всё же где-то лишь только витала идея пресловутой «незалежности», позже эта беда придёт, но в Крыму влияние националистических кругов, особенно в среде творческой интеллигенции, было недостаточным для окончательного оглушения народа. Сильной оставалась прежняя связь с Россией.

Глава района понял фронтовиков, уверил их, что всё предпримет для того, чтобы Фомы следа не осталось на благословенной и святой земле, столь щедро политой кровью и народа, и наших солдат.

– Не знаю, дорогой сын, что он там делал, что предпринял, но Фома исчез. И больше его я не видел, не знаю, что с этим мерзавцем приключилось. Не скрою, и я сам не выдержал, а встретился с начальником райотдела милиции и всё ему об этом Фоме.

Заулыбался подполковник и говорит:

– Спасибо, товарищ капитан, я всё это уже знаю от главы района. И Фомы след простыл... Живи спокойно, фронтовик...

И не знал я в ту пору, что эту историю придётся завершать уже мне. Вот ведь какая жизнь сложная штука – даже не знаешь, как она повернёт, и какие колёна выкинет. Не мог я уже этого рассказать отцу, не стало гвардии капитана, разведчика, орденноносца. Ровно на год пережил матушку и ушёл к ней...

Я об этом уже писал в своём рассказе «Цыганский платок». И чтобы не создавать лишних проблем для читателя, перенёшу его на эти страницы.

Передалось от бабушки – но я всегда чувствую внимание к себе со стороны неведомых мне людей, даже их взгляд издали или брошенный мне в спину.

А тут, словно напасть какая-то, незнакомый мне мужчина, по возрасту ровесник моего отца, просто караулил меня на улице, такое складывалось впечатление, и, как только я направлялся по поручению деда в магазин ли или к его родству, позвать кого-либо к деду, какое-то у него к ним было дело, он вырастал у меня на пути, и, сняв шапку, приторно кланялся:

– Здравствуй, Иван Иванович. Доброго Вам дня...

Глаза же его, как буравчики, сверлили меня просто насквозь, и мне становилось как-то даже нехорошо, подступала тошнота, я бледнел и от той жизненной эне-

ргии, которая всегда во мне бурлила, не оставалось и следа.

Моя прозорливая бабушка заметила эти перемены во мне и утром в один из дней моего отпуска, когда я вернулся после покоса, после завтрака, поднесла мне на блюдечке стакан воды и сказала:

– Выпей, сыночек (к слову, она меня никогда не называла внуком, а именно – сыночком, так как и приняла в буремную февральскую ночь меня в эту жизнь, и, завернув в свой тулуп, так и принесла домой, поддерживая ослабевшую мать), пусть он боится твоего взгляда, а не ты его.

Я выпил воду и почувствовал, как ко мне вернулось прежнее состояние уверенности, радости жизни и оптимизма. Вода чуть горчила и была солёной.

– Иди, иди, Христос с тобой, – и бабушка, как это она делала всегда, перекрестила на дорогу и поцеловала в висок и в лоб, для чего мне пришлось к ней изрядно наклониться, так как она была маленькой и даже тшедушной.

И когда перед загоном, по первой росе, мужики столпились у речки, откуда решили зачинать укос, на первый перекур, я почувствовал, как сломался в пояснице мой неожиданный знакомец, который всегда первым норовил меня поприветствовать, и отошёл в сторону.

Даже лицо его как-то забугрилось и покрылось тяжёлыми каплями пота, которые сразу же оросили его нательную, не первой свежести рубаху.

А мужики, наперебой предлагали мне кто сигарету, кто папиросу, а дед Михаль, его так и звали все, душистого самосада из выцветшего кисета, расшитого в давние годы, хотя все знали, что я не курю.

– Да не берите Иван Иванович Вы их сигарки поганые. Вы – моего попробуйте. С чабрецом и донником, от него и дышать легче.

Я поблагодарил всех за внимание, приложив руку к сердцу. И встал в стороне.

– Не, Иванович, Вы сюда, посерединке вставайте, да расскажите нам, что там в мире творится...

Это уже был своеобразный ритуал, и они, зная, что к Фёдору Ефимовичу приехал внук, майор в ту пору, что для них было сродни недостижимо высокому начальнику, всегда десять-пятнадцать минут слушали меня внимательно, изредка задавая вопросы.

Они были самыми разными, но все обращались ко мне настолько почтительно, что мне было даже неловко.

Более всего их занимало «международное положение», так как подавляющее большинство мужчин были фронтовиками, и ё меня спрашивали, надёжна ли наша Армия, не повторится ли сорок первый год, «и что им, этим американцам, неймётся, отчего по миру развернули столько войн, крови пролили столько»...

И чем больше я увлеклся рассказом этим честным труженикам, тем больше мрачнел незнакомец и старался спрятаться за людские спины. Но, так как был роста огромного, тушистый, это у него не получалось, и я видел его всегда, что радости мне не приносило. Но с этого дня, когда бабушка отпоила меня особой водой – я почувствовал, что он сторонится моего взгляда и боится перестреться со мной очами. Так шли дни, и я был счастлив, что могу чем-то помочь деду, так как за косовицу выдавали сено на подворье колхозников.

И он с бабушкой радовался, что в этом году покупать сено не придётся. Утром, подавая мне завтрак, в один из дней, бабушка, словно мимоходом, проронила:

– Ну, что, Фома перестал душу мутить. Успокойся, теперь он будет тебя бояться.

– Бабушка, а кто он такой?

– А ты вечером придёшь с косовицы, я тебе всё и расскажу.

И, поцеловав меня, как всегда в висок и лоб, проводила до улицы, по которой тянулись мужики с косами на плечах, а женщины и девушки – с граблями.

Не одна красавица, повязанная наглухо белым платком, поглядывала на молодого военного, коим был я, и нарочито вздыхала. А самые бойкие умышленно, чтобы я это слышал, громко говорили:

– Не, Настя, не смотри даже на него, его Анна Романовна не то, что в клуб, а вечером и из дому не выпустит...

– Ой, а ты, Татьяна, что это новую кофту надела... Никак не даёт покоя гость Фёдора Ефимовича...

– И, девки, да у него такая краля, помните, приезжал несколько лет назад, что он на нас и не смотрит...

Я мучительно краснел, но не находил, что ответить красавицам, которые себе цену знали, и дурачились надо мной.

А когда начиналась косовица, не одна торопились с ведром воды ко мне, подавая запотевшую кружку и, будто нечаянно касалась меня своими пальцами. Даже голова кружилась от их бездонных глаз и начинало учащённо биться сердце.

Вечером все уставшие, но довольные результатом работы, шли по домам. И местные красавицы – ещё более ядовито, но по-доброму вышучивали меня:

– А что, Галина, ты больше всех с ведром подбегала к майору, взяла бы, да и на ужин пригласила...

– Ох, а я сейчас в баньку, – продолжала кареглазая хохотушка, – может, кто бы попарил, – давась смехом, напирала на меня своим загорелым и очень красивым, в расцвете женской красоты, плечом.

Мужики молча улыбались, так как знали цену этим байкам и понимали, что и их молодые жёны просто заигрывают с молодым военным, беззлбно дразня его и вышучивая.

Дома у деда было необычайно торжественно. Стол ломился от яств, на котором – невиданное дело, стояла бутылка коньяка. Бабушка была в нарядном платочке, а дед (тот всегда ходил в моей форме) в новой гимнастёрке, на которой горели святые для моего сердца четыре Георгиевские креста, высокая солдатская награда – медаль «За отвагу» уже за эту войну и несколько иных медалей «за взятие и покорение», как я их называл.

– Что будешь, внук, это, – и дед показал на бутылку коньяку, – или моей, – после того, как я умылся и переоделся.

– Давай, дедуля, твоей, на почках смоудиновых настоянной...

Он довольно заулыбался и поднял из-под стола бутылку с чуть зеленоватой жидкостью. Пил он очень мало, самое большое две рюмки, и то – в несколько «присестов». Не было и у меня тяги к этому зелью, но сегодня я с радостью выпил всю рюмку сразу и почувствовал, как уходит дневная усталость, перестают болеть от напряжения руки и живот.

Бабушка всё норовила мне подложить на тарелку самые отборные куски мяса, помидоры, которых я более ни у кого и не видел – почти чёрные, и аромата необык-

новенного. Выпили и по второй... И дед, отодвинув рюмку от себя, что означало «Всё, моя норма соблюдена...».

– Дедунь, а я ещё выпью. Наливай...

И когда голод был утолён, а на сердце лёгло мягкое и приятное состояние расслабленности, дед, не дожидаясь моих вопросов, заговорил:

– Так, говоришь, Фома не даёт проходить? Так это он от страха, внук. Это полиция. И ты его не знаешь, хотя он почти ровесник твоего отца. Как пить дать – с двадцатого или девятнадцатого года. Даже будучи переростком, в один класс с ним ходил, до войны.

– Дедушка, – вскричал я, – так я эту историю знаю. Мне отец об этом некогда рассказывал.

И дел продолжил свой рассказ:

– Только и сыны мои, двое и я, хотя уже и в летах был изрядных, отец твой – сразу оборонить Отечество пошли, а он отсиделись. А дождавшись прихода немцев, первым в полицию подался. И лютовал страшно. Причём, самое мерзкое, что не от обид на советскую власть, никто у него не пострадал во всём роду, никто не был репрессирован, а от корысти и жадности. Убивал людей, а затем всё добро их, самое ценное что было, домой к себе возил.

Конечно, как и положено, после войны нашли подлеца. А он и недалеко укрывался, у какого-то дальнего родственника, но у нас же в районе. Нашли и судили. Не знаю, почему не расстреляли, но получил он по полной. Двадцать пять лет отсидел от звонка до звонка. Вот почему ты его не знаешь.

И тут в разговор вступила бабушка:

– Со страшным грехом живёт не только он, но и вся их семья, сыночек. Была у нас учительница красавица, умная, молодая. Она твою мать и его, изювера, дочь учила. И ходила всегда нарядной. Как та куколка. А зимой всегда носила цыганский платок – яркий, с бахромой, по алому полю – броские красные розы, крупные, красивые.

А была она еврейской нации, чёрненькая, но приветливая и сердечная, что дочь родная – всегда и поздравляется, и спросит, что да как в доме, царство ей небесное, – и бабушка перекрестилась, повернувшись к образам. – Мне кажется, что ей нравился наш старшенький, в честь кого и тебя нарекли.

Часто они говорили о чём-то мудрёном, а он учился в институте у нас, – уже с нотками гордости продолжила бабушка. – Но тут война. И как ушёл он в армию, так больше мы его и не видели, и ни одной весточки не получили.

Сказывал парень из соседнего села, что Иван, он это видел сам, поднялся за командиром первым. И побежал к траншее фашистов, да и упал замертво. Больше ничего о нём не знаем.

Она фартучком чистым, в вышивке, вытерла свои уже бесцветные губы, и продолжила:

– А зимой пропала учительница наша. Никто не знал и не видел, где она подделась. Только Фома и нам не давал проходить, всё приходил в дом, сядет, как хозяин, и всё ждёт, чтобы я стакан самогонки налила, да сала на закуску нарезала.

– Я, Анна Романовна, – говорил он мне, – не зверь какой-то. Другие уже давно бы вас... за то, что и Фёдор Ефимович и мои дружки – сыновья твои, в армии, советской.

Скоро конец придёт всем. Немец, вон, под Москвой уже. А я же помню, что твоя Татьяна с моей Катериной, учились в одном классе. Бывайте пока... А там – как начальство прикажет. Я человек маленький...

А через несколько дней вновь заявлялся, вновь вёл эти же разговоры, пока я не наливала стакан самогону, да еды какой-нибудь на стол не ставила.

А зимой, как только погнали наши немцев из-под Москвы, я даже не знаю, как об этом и узнали люди, стал приходиться реже, но был как-то подавлен и пребывал в растерянности:

– Ничего, сейчас немцы закрепятся на новых рубежах, и Сталину придёт конец...

И вот в эту пору к твоей матери пришла его дочь, Екатерина, не ходила ни разу за всю войну. Вошла, а мы и обомлели, на её голове был повязан тот цыганский платок, что носила учительница. Увидела, что мы смотрим на платок, полыхнула жаром и говорит:

– Это отец был в районе, купил мне ко дню рождения. А что, только этой еврейке носить такие платки...

Я встала из-за стола и сказала ей: «Ты, Катерина, к нам больше не ходи. Кровь на этом платке учительницы твоей».

Выбежала та из нашего дома, а вскорости, и Фома пожаловал. Злой, как чёрт.

Я не стала наливать ему самогон в этот раз, а смотрела прямо в глаза изюверу.

– Так что, Романовна, собирай Татьяну. Поедет в Германию. Завтра отправка от сельсовета...

И вышел за порог, сильно грохнув дверь. Мы не стали ожидать, а собрались с твоей матерью, бросив всё в доме, хозяйство всё, да и ушли ночью в лес. Сказывали люди, что там был целый лагерь таких бедолаг. С собой привели корову, она нас, голубушка, и спасла от голодной смерти.

А тут, месяца через три, и освободили наш район, и мы вернулись домой. Конечно, всё было разграблено, но дом не сожгли, видишь, целым остался.

И мы с твоей матерью всё вымыли, убралась, да и стали ждать весточек от наших. И вскорости они пришли – и от деда твоего. И от сыночка Максима.

Он выучился. Офицером стал. А совсем ведь мальчонка, только семнадцатая весна пошла в сорок первом году. Но десять классов имел, вот его и направили учиться. Писал, что всё у него хорошо, воюет. От отца далеко. Его не видел ни разу, но я сообразила, и ему бабушки твоего адрес отправила. Так они и переписывались всю войну.

Поощади меня Господь. Кроме Ивана, старшенького, более никого не забрал. Дедушка твой вернулся, с войны сразу же, в сорок пятом, как мы, значит, победили германца. А дядюшка Максим – не скоро пришёл, да и то – лишь в отпуск.

Строгий, я бы его и не узнала. Полная грудь орденов, в таком же чине, как и ты, сейчас майор, значит. А стал умываться, я и зашла в рыданиях: там же живого тела не было, всё в шрамах. А мне так и не написал ни разу, что раненным был...

И слёзы полились у неё из глаз.

– А службу не бросил. Так и остался в армии.

Тут в разговор вклинулся дед:

– Две академии после войны осилил, дивизионным командиром сын стал. Шутка ли? Да я за всю войну и не видел-то ни разу командира дивизии, а тут – родной сын до генеральского чина дослужился.

И они оба замолкли, и только слёзы не переставали струиться из глаз моей милой бабушки, да и дед стал что-то потирать рукой свои глаза.

Дальнейшую историю дяди Максима я уже знал. Десять лет после Победы он ещё воевал с бандеровцами. Вся его дивизия воевала.

Там он уже стал командиром полка и встретил местную красавицу. Я один раз пацаном видел тётку Галю. Более совершенного создания я не видел за всю свою жизнь. Была красоты неопишуемой.

И, как это часто бывает, крайне ограниченного ума. У неё, по-моему, мать говорила, было лишь несколько классов начальной школы. И дядюшка, уже будучи комдивом, неожиданно приехал домой. И застал её в объятиях любовника.

Зашёл к себе в кабинет и застрелился из наградного «ТТ», которым и мне в детстве позволял поиграться, вынув, предвзвительно, обойму.

Старики мои надолго замолчали, а потом дед, налив нам по рюмке, а бабушке – чуть прикрыл доньшко в её рюмке, встал из-за стола и сказал:

– Помянем, внук, всех, кто ушёл в мир иной, особенно – до срока. За сыновей моих, за память им вечную, Ваше Высокоблагородие.

Я, к слову, не оговорил это – дед только так меня называл, до майора – Благородием, а после – только Высокоблагородием. Мы сели и я, чтобы отвлечь их от грустных мыслей, спросил:

– Ну, а что с этим Фомой случилось?

К слову, и в моей жизни этот Фома сыграл разрушительную роль. К нему из Донбасса на время отпуска приехал старший сын. Помню, что его звали Лёней. И у него были две дочери ослепительной красоты. Фомы, жаль что забыл его фамилию, ещё не было, и они приезжали к его матери, жене этого Фомы, отца Леонида, в отпуск. Думаю, что Леониду было известно прошлое его отца, так как он был чуть моложе моего отца.

И вот я, будучи ещё курсантом, влюбился в старшую дочь Леонида, внучку этого Фомы. Звали её, помню, Нина. Если сказать, что это была красивая девушка, значит, ничего не сказать – она была просто ослепительна. Но я помню, как моя матушка, ничего мне более не говоря, сказала единственное:

– Сыночек, вижу всё, девушка очень красивая, и умная, но не надо тебе её в сердце своё впускать. Не выдержишь ты, когда всё узнаешь...

Великое счастье, что я через день уезжал в училище, а у Нины тоже что-то образовалось неотложное, и мы встретиться не смогли...

И дед продолжил свой рассказ:

– А что, внук, с Фомой?! Когда победил фашист, он где-то затаился, да нашли голубчика. И судили. Суд был открытый. Судили не одного его, а с подельниками. И один из них рассказал, как Фома учительницу, в его присутствии, расстреливал. Уж больно ему приглянулся её платок. Так он, мерзавец, подошёл к ней и сказал: «Ты, дочка, прости, не я это решаю. А вещь-то добротную зачем портить? Ты сними платок этот...»

Она сняла платок, бросила ему. Он и выстрелил прямо в это ангельское лицо, чтобы обезобразить его до неузнаваемости. Много на руках его оказалось крови, поэтому и срок такой дали предельный.

Не расстреляли почему – не знаю.

А вернулся – не скажешь что из тюрьмы, никакая рубашка не сходилась у него на шее. Дюжий, краснолицый... Да и леньги были, так как сразу же стал строиться, и видишь, какие хоромы отстроил, ни у кого такого дома нет, даже в округе.

Думаю, припрятано у него было много, так как во всём районе он расстрелял многих евреев, а они были людьми состоятельными – врачи, учителя...

В один из дней моего отпуска что-то мне понадобилось по просьбе деда в сельсовете. И как только я подошёл к входной двери вросшего в землю здания, на котором синела вывеска «Сельский Совет...», кровь мне ударила в голову.

Перед входом в здание красовалась Доска почёта, на которой в центре висела фотография этого Фомы с подписью, что это лучший конюх колхоза.

Я взбежал по ступенькам и рванул на себя дверь председателя сельсовета, Ивана Тихоновича, по счастливой случайности – моего крёстного. В его кабинете никого не было. Он постарел, и как-то уменьшившись в размерах, встал мне навстречу.

– Что случилось, Ваня? На тебе лица нет...

На его пиджаке были заслуженные солдатские награды, вернее, орденские колодочки их знаменующие.

Среди них я разглядел ордена Красной Звезды, Славы III степени и нескольких медалей.

– Дядя Ваня, – в горячке выпалил я, – Вы же фронтовик, вместе с отцом моим всю войну прошли, как же так можно? Почему Вы врагов Отечества нашего всем напоказ выставляете? Да ещё и равняться на них призываете?

– Не понял тебя, сынок, ты мне внятно скажи, что случилось?

И я кратко изложил ему историю, которую он знал лучше меня. Сел рядом со мной, закурил. И как-то устало, сострадательно сказал:

– Прости меня, сынок. Привыкли... Забыли о цене нашей Великой Победы.

Тут же, вскочил со стула и выбежал на улицу. Когда я вышел следом за ним, увидел как он собственноручно отдирает от доски фотографию полиция и душегуба. Назавтра я уезжал от деда.

И на автобусной остановке меня явно поджидал Фома. Огромный, обрюзгший, самогоном от него разило на версту. И такая звериная ненависть выплеснулась у него из глаз, что даже дед мой повёл плечами, словно от холода, но тут же опомнился, поднял свою самодельную трость, и сказал:

– С дороги, нечестивец. Не доводи до греха, а то я и трость эту сломаю у тебя на заливке. Пошёл вон...

И Фома сразу уменьшился в размерах, как-то постарев на годы на наших глазах, торопливо пошёл по улице что-то бормоча себе под нос. Больше я его не видел. Но из села, где жил мой дед, весь его род выехал неведомо куда...

А перед этим, как написал мне дед в письме, сгорел его новый, только что отстроенный дом.

Думаю, что это было праведным делом рук родства его жертв в годы войны, так как даже на той косовице, которая мне запомнилась на всю жизнь, я неоднократно слышал от мужиков:

«Спать гада надо. Нельзя допустить, коль власть у нас такая добрая, чтобы душегуб жил промез нас...»

Дамир ИБРАГИМОВ

Концерт Ольги Танагашевой

Мы внимаем гортанному голосу,
Диковатую песню поющему;
Он сродни задрожавшему колосу,
древний стон на ветру издающему.

Стон в глубокую пропасть срывается,
Где бурлящие реки в волнении;
Он в их яростном ритме купается,
Заряжается в их исступлении.

В племенные наряды одетая,
Вся нездешнею тайной укрытая,
У костра колдовского согретая,
Ты поёшь, воскрешая забытое.

Актёру

Чудовищ, набитых соломой,
Круша бутафорским мечом,
На сцене, до дрожи знакомой,
Ты снова под алым лучом.

С чужою судьбой ты сживался,
В ней тысячу раз умирал.
Но занавес вновь поднимался,
И зритель слезу вытирал.

Прожитые судьбы и роли –
Святые, рабы, короли –
Бывало, заплакать от боли,
Смеяться заставить могли.

Не важно, что трон из фанеры,
Не страшно, что сцена мала, –
Достаточно зрительской веры,
Что вновь их к тебе привела.

Мелодичный таинственный танец.
На щеках смугловатых румянец;
Изгибаются стройные руки
В упоении сладостной муки.

В единении с царственной ночью
Проникаясь ритмической мощью,
Ты танцуешь со взглядом влюблённым,
От страданий земных отстранённым.

Опьяняешь, подобно дурману,
Не прибегнув ко злу и обману;
Разжигает глубинные чувства
На огне неземного искусства.

В сердце безмолвно кричала
Страсть ненаписанных книг,
Память так громко молчала,
Что оглушила на миг.

Мысль за орлами взлетала,
Шла по пути черепах,
Вместе с оленем бежала
В шепчущих что-то лесах.

Разум с утёсов срывался,
Где в тишине отдыхал,
В звёздном молчании крался,
В солнечном свете пылал.

Сердце ритмичней стучало
В этот пылающий миг,
Страстно безмолвно кричало
Текст ненаписанных книг.

Возле застывших ресниц
Образы тихо пронесит
Ветер, и шелест страниц
Снова внимания просит.

То, что рукою не взять,
Песней в душе нарастает,
Вместе с героем искать,
Плыть за мечтой отправляет...

В гавань встают корабли,
Близок момент эпилога.
Шёпот: «Теперь мы дошли,
Вместе стоим у порога».

Мимо усталых ресниц
Тихую песню пронесит
Ветер, и шелест страниц
Словно прощенья просит.

Комната. Гулы ночные
В хриплую музыку слиты.
Мысли – гуляки шальные –
Сумраком серым укрыты.

Шорох – монах-заговорщик,
В замыслах – тайные битвы,
Крадучись, старый притворщик
Шепчет в пространство молитвы.

Матовых окон глазницы –
В хаос беспечные дыры.
Сине-прозрачные птицы
С улиц влетают в квартиры.

Время ночное бесценно, –
Я очарованный зритель.
Тихо нисходит на сцену
Магия тайных наитий.

Потускневшее золото,
Предзакатные мысли,
Там, над крышами города
Паутиной нависли.

Я усталому голосу
Голубой электрички,
Перейдя лесополосу,
Подсвистел по привычке.

И закату знамени
Так немного осталось,
На алеющем пламени
Догорает усталость.

Украина 2014

Как по улицам Киева-Вня
Ищете мужа, не знаю, чья жинка.
О. Мандельштам

Так повелось меж ворами:
С честью совсем не знаком,
Чёрную руку Абаме
Вальцман целует тайком.

Рвутся в Донецке снаряды,
Слёзы в глазах матерей;
– Тише! Король шоколадный
Снова звезда новостей.

Рапорт о громких победах
Киев послал в Вашингтон,
Вновь в кулуарных беседах
Лживо приподнятый тон.

Брызжут слюной и сарказмом
Губы нацистских вождей,
А где-то с садистским оргазмом
Твари сжигают людей.

Наци за мойщины гривны
Жизнью рискуют в бою,
Страшен кровавый и длинный
Путь их в восточном краю.

Совесть глупцов за купюры
Ловкий купил олигарх;
Разве такие натуры
Гоголь искал в земляках?

Разве за это их деды,
С нашими в общем строю,
В пламя великой победы
Душу бросали свою?

Запада подлая шутка,
Или Майдан с головой?
В Киеве власть-проститутка
Лихо торгует собой.

На дорогах у разных селений
За реальностью счастья и мук,
За границами снов и видений
Мы встречались с тобою, мой друг.

В гуле самых свирепых сражений,
Слыша сердца неистовый звук,
Словно духи, лишённые тени
Мы летали с тобою, мой друг.

Возле древних как память строений
Одинокое пахаря плуг
Ворошил прах былых поколений.
Ты был плугом, я пахарем, друг.

Память подвигов и преступлений,
Лица преданных жён и подруг
Выплывали из снов и видений,
Сновидений, где шёл со мной друг.

В океане, с мечтой о спасенье,
Я, вцепившись в спасательный круг,
Плыл по воле ветров и течений,
И спасителем вновь был мой друг.

За обманом земных наслаждений
Я тянулся, не чувствуя рук.
Но упорно, сквозь тьму искушений
Прорываясь, будил меня друг.

У далёких и близких селений,
Возле древних и новых строений,
В наслаждениях и гуле сражений
Мы встречались с тобою.... мой друг

Запылённые книжные полки,
Сокровенную пищу души,
От несметных вселенных осколков
Нам писателя разум внушил.

За сокровищем вечных наитий
Мы бросаемся в книгу глубины,
В хронотоп, где идей и событий
Океан поднимает валну.

Кто плывёт на старинном корвете
По страницам прозрачной ночи,
Чтобы цели достичь на рассвете
И услышать, как чайка кричит,

По жёлтой китайской равнине,
Где солнце меж пагод встаёт,
Как путник к далёкой святыне
Усталое войско идёт.

Под древней великой стеною
Мы гуннов рубили сплеча;
Пуст рваный колчан за спиною,
Иззубрен клинок у меча.

Последнюю горсточку риса
Рука достаёт из мешка,
А в воздухе резкий и чистый
Призыв боевого рожка.

Со славой подходим к столице,
Где площадь народом бурлит,
На троне с нарядной царицей
Сын Неба, сияя, сидит.

И скажет нам всем император:
«Доволен я, дети мои.
Вы запад – исчадьё заката –
Омыли во вражеской крови».

Но север, что плавит морозы
В мерцание белых ночей,
Страшнее готовит угрозы
Империи диной моей...»

Мы рисом наполним котомки,
Отчизне и клятвам верны –
И в сердце вольются потёмки
Предчувствия долгой войны.

Ирландия. Дикого клевера
Побеги глядят сквозь туманы.
Мелодии кельтского севера
В волынках безумны и пьяны.

Вот кажется: всадник появится
В доспехах и шлеме косматом,
И в солнечном диске расплавится,
Сольётся с багряным закатом.

Зелёных холмов наваждение
В реке отраженьем горбатым;
Поля, где кипели сражения, –
Приют пастухам бородастым.

В далёкие годы, воспетые,
Развалины тихо вздыхают,
Что славой когда-то согретые –
Сейчас лишь гуляк привлекают.

Спешат по делам равнодушные
Потомки чудесных безумцев,
Заботам житейским послушные,
По тропам певцов-вольнодумцев.

Про тяжёлый гарпун китобоя,
Рассекающий рёбра кита,
Что в агонии волны приборя
В брызги крошит тараном хвоста.

Кто бредёт по лесам ирокезов,
Лет уж двести по следу вперёд?
Двести лет синяки и порезы
Не проходят, а он всё идёт.

На алтарь свою вечную жертву,
С пожеланием всяческих благ,
Посвящённую солнцу и ветру,
Возлагает задумчивый маг.

За мечтой очарованный странник
Устремляется к звёздным краям,
Приближаясь к святыне и тайне,
Человеку, деревьям, зверям.

Хоббит с тварью играет
в загадки:
Вот уже целый мир на кону;
Вот бежит он с кольцом
без оглядки,
Вот томится с друзьями в плену.

Просветлённые вымыслом
страстным,
На мгновенье, а может на час,
На свиданье с опасно-прекрасным
Приглашают писатели нас.

Тишина предвещает опасность:
Вот крадёт тигрица-тоска,
Чьи глаза – беспощадная ясность
Предстоящего к жертве броска.

Тишина проступает в картине
Вместе с ветром и морем песка;
В подсознании спящей пустыни
Молчаливые дремлют века.

В тишине – сенокосной долине –
Вырастают стихи, как трава;
Мошкаркой в золотой паутине
Прорываются к людям слова.

Тишина – бесконечное небо,
Где скитается птица-мечта
И кусочки абстрактного хлеба
Подбирает с ладони Христа.

Погружаюсь в безмолвие леса.
Окружённый сосновой страной,
Просветлённый, не чувствую веса,
Словно крылья растут за спиной.

На поросшей крапивой тропинке
Я вполголоса песню пою,
Что на дедовой слышал пластинке,
Про «усталых в далёком краю».

Неохватное хвойное царство –
Для усталых пушистый навес;
От душевных ушибов лекарство
Предлагает задумчивый лес.

Девушка в офисе
По-калмыцки широкие скулы,
По-славянски льняная коса;
И компьютера хриплые гулы –
Это древних Богов голоса.

Настороженно-чуткие пальцы
По квадратикам клавиш скользят
В такт мелодии старого вальса.
И куда-то уносится взгляд.

Фантазии на стекле
Юленьке
В феврале на Россию морозы
Наступают косматой стеной:
Распускаются бледные розы
На окне живописной волной.

На стекле – утончённых фантазий
Древнерусский застывший сюжет,
Тут танцуют деревья в экстазе,
Излучая языческий свет;

Там взмывает волшебная птица
Над лесной заповедной страной
И серебряный месяц глядится
В полынью, где живёт водяной.

Где же ты прячешься тайна,
Синяя птица – мечта?
Может быть в небе бескрайнем
Путь твой сейчас навсегда?

Может на старую Землю
Ты прилетаешь порой,
Синей прозрачною тенью
Тихо скользишь надо мной.

Пахучим полынным настоем
Дохнуло с туманных полей.
В закат оперённой стрелой
Уносится клин журавлей.

Невидимым людям маришрутом
Плывут над землёй холода.
Застыли в предчувствии смутном
Деревьев густые стада.

В красивых чеканных морщинах
Листочек, как мудрый старик,
С трепещущей клёна вершины
Склонил свой задумчивый лик.

Там ржавчиной, тут позолотой
Осыпала осень поля.
Пернатых с родного болота
Зовёт долгий крик журавля.

1185 год
Сурово на Дикое поле
Бойцы удалые глядят:
За Доном по княжеской воле
Их резвые кони пылят.

В степи то и дело засады,
Сверкает булатная сталь
И идиолов каменных взгляды
Бесстрастно уносятся вдаль.

Туманы, как дым суеверий,
Над Игоря стягом кружат.
Знамена, ветры и звери...
Вперёд, и сам чёрт нам не сват!

Отвагу язычников-предков
Прикрыв православным крестом,
В ковыльных степях половецких
Мы смерть и бессмертье найдём.

.....
Уводят остатки полоня...
Чужая гортанная речь.
Мечталось шелоном из Дона,
О, лучше бы сердцем на меч!

От страшного сна бы проснуться...
На Русь!.. но дружина моя!..
Не многие смогут вернуться...
Простит ли родная земля?

Решился! Сегодня с Овлуром
Помчимся, как волки в ночи.
Над степью тревожные гулы,
О память, прошу, помолчи.
.....
Костров остывающий пепел,
Уснули в шатрах степняки;
Он скачет, серьёзен и светел,
И мысли, как в детстве, легки.

Апрельские мифы о снеге
По улицам с талой водой
Струятся в распущенной неге,
Сплетаясь змея со змеей.

Вот тёплые ветры в ладонях,
Слова необдуманых клятв,
Влюблённых святое бессонье
С мечтой, увлажняющей взгляд.

Свинцовых сосуллек лоскутья
Теряют суровость свою,
Земле обновлённую сутью
По капле себя отдают.

Мелодию буйную вёсен,
Спеваясь с капелью в лесах,
Ревут отошавшие лоси,
С земли провожая свой страх.

Прохладные чаши оврагов
Скрывают остатки снегов;
Местами в них плещется влага –
Невнятная песня без слов.

На шёпот калик переходжих,
На вещую пляску волхвов
Забвение счастья похоже
В руладах звенящих ручьёв.

Из недр тишины потрясённой
Былинный восстал Святогор,
Услышав земли разорённой
Печальный безмолвный укор.

Восставший от сна и покоя,
Бессмертья вкушивший с лихвой,
Оружие ближнего боя
Сжимает тяжёлой рукой.

«Вцепилась духовная хилость
В потомков мозучих славян...
В потёмках подкравишись, вцепилась», –
Так сетует вещий Боян.

Илья посмотрел исподлобья,
Готовый на праведный бой:
«Вокруг человечьи подобья!
Где люди с живою душой?»

«Где лютое зелье варилось?
Безумие – ведьмин настой...
Во сне что ли это приснилось?» –
Алёша потрянул головой.

Задумчиво молвил Добрыня:
«Где воин? Где пахарь с сохой?»

Чей пепел по этой пустыне
Ветрище гоняет лихой?»

.....
Дружина спешит на подмогу,
Заоблачной скачет тропой
С молитвой к разящему богу,
Одега святою грозой.

Ведическая Русь
Молились насущному хлебу
И верили в солнечный свет,
Ветрам и всеильному небу
Шептали склоняясь: «Привет».

Всё было сложнее и проще,
Как летом посыпавший снег;
Входя в заповедные рощи,
Встречался с собой человек.

В укрытых лесами селеньях
Ведической песней текла
В труде и совместных молениях
Жизнь рода вне страха и зла.

За стройностью древних обрядов –
Живучая память славян
И где-то священные клады
Под мхами у волчьих полян.

Ватаг гулевы?х атаманы
Дерзали, хмельные слегка.
Ни стрелы, ни вражьи арканы
Смутить не могли казака.

Ждала впереди неизвестность:
Сибирь, чьи суровы леса.
В страданиях грубая честность –
О Родине милой слеза.
Звон сабель и песня кручины,

Достойные мужа дела
И горькая радость дружины:
Тропа, что к востоку вела.

Ветка омелы в руке у друида,
Чётки и посох в монашских руках;
В споре религий вспенула обида,
Вылившись схватками
в древних лесах.

В рыжие волосы юной британки
Рано проникла тоски седина;
Идолы смотрят в глаза христианки –
В тайне о прошлом жалеет она.

Рядом с Артуром в могучей твердыне
В чести и славе за круглым столом
Рыцарь сидит,
лжесмиреньем гордыни
Сущность язычника скрыв под крестом.

Глядя печально в туман Альбиона,
Мерлин Великий Артуру сказал:
«Истинной веры не сыщешь у трона...
Логрис конец свой уже предсказал».

г. Новокузнецк.

Вера ТРЕТЬЯКОВА

Жизнь прожить – не поле перейти

«Жизнь прожить – не поле перейти», – говорит она. Потом, сделав небольшую паузу, добавляет: «Но сапёр скажет: «Нет, поле перейти труднее!»»

Александр Леонидовне в январе этого года исполнилось девяносто четыре. На фронтах Великой Отечественной ей воевать не пришлось. Труженица тыла, она в военные годы работала учительницей в сельской школе. И после Победы продолжала учить детей арифметике и чтению, любви к Родине и родному языку.

Родилась Шура Мешкова в городе Новосибирске. Если точно, то в старинном селе Бугринском (до сих пор это место зовётся Буграми), которое впоследствии стало частью Кировского района города. В селе в царские времена была церковь, и при ней церковно-приходское училище. После Октябрьской революции церковь закрыли, а школа под новым названием продолжала принимать и обучать местных ребятишек и детей из окрестных деревень...

В этой школе Шура Мешкова успешно училась и мечтала стать учительницей. Окончила школу в 1940 году и поступила в педагогический институт. Но высшее образование оказалось не «по карману». Пришлось поступить на годичные курсы, а именно, немецкого языка. В военные годы в селе Катково Коченёвского района Новосибирской области преподавала детям немецкий язык, а также вела уроки пения. Работала затем в районном отделе образования методистом. После Победы вернулась домой и продолжила свою учительскую деятельность в родной школе как учительница начальных классов. Через несколько лет вышла замуж и переехала в город Новокузнецк, где также работала учительницей начальных классов до выхода на пенсию и где проживает и поныне.

Воспоминания Александры Леонидовны Мешковой были записаны в 2010-2011 годах к 150-летию юбилею Бугринской школы. Вот несколько отрывков из её рассказов о военных годах.

В июне 1941 года я закончила курсы немецкого языка при Новосибирском пединституте. В облОНО мне дали направление на работу в Коченёвский район Новосибирской области. В отделе кадров сказали: «На место явиться двенадцатого августа». Вот я пришла домой и маме говорю: «Двенадцатого августа мне нужно быть на месте в Коченёвском районе». Ну, что надо? Чемодан купили, пальтишко демисезонное (первое пальто было у меня), чёрный берет, туфли парусиновые. Мама сшила мне платье черное с белым горошком. Сама думаю: «Вся в чёрном!». Наладили мне два чемодана: в одном – книги неподъёмные, в другом – мешо-

чек сухарей, чугунок на всякий случай, пальтишко...

Приехали с мамой на вокзал. Моя крёстная Анастасия Максимовна пришла меня проводить. Поезд должен идти в десять часов вечера. Вот десять, вот одиннадцать... В половине двенадцатого объявили: «Посадка на 501-й поезд (его ещё называли «пятьсот весёлый») в двенадцать часов ночи». Погрузили меня в вагон. Темнота, глаз коли – ничего не видно. Потом кто-то огарок зажег, воткнул его у окна. Чуть засветилось. Я чемоданы поставила, посмотрела в окно: стоят моя мама и крёстная. Какое-то у меня было состояние, что трудно описать. Ну, в общем, я поехала.

И вот я с двенадцати часов пятьдесят километров ехала до трёх часов ночи. На каждом полустанке стоим и стоим. Приехали на станцию Коченёво. Надо выгружаться – два чемодана у меня. Народ вышел, пока я спустилась – ни души. Никакого вокзала нет, товарный поезд стоит. Полезла под вагоны. А все платформы закрыты палатками, значит, орудия везут.

Спустилась по лесенке к станции, захожу. Там народ кто лежит, кто стоит, кто у кассы. Билеты не дают, потому что пассажирские поезда не пропускают. Я села на чемодан и до утра просидела, даже спать не хотела. Ночь прошла, день прошёл, а я всё на чемоданах. Мне же надо искать райОНО, а чемоданы девать некуда, камеры хранения нет. Утром приходит следующий поезд и забегает моя однокурсница Саша Дорофеева, с которой учились вместе. Только она исторический закончила. Нашла какого-то путевого сторожа, который перрон метёт: «У тебя есть какая-нибудь комната? Нам надо чемоданы поставить. Нам в райОНО надо!». Поставили чемоданы, и пошли искать райОНО. Женщина-инспектор нас приняла. Я говорю: «Мне заведующего райОНО надо». «Он добровольцем на фронт ушел. Я завтра тоже уезжаю. Вы поедете в Катковскую школу. Вот вам направление. Поедете до станции Чик, потом от станции ещё 18 километров и будет ваше Катково».

Саша говорит: «Я сейчас в Новосибирск обратно поеду, я не все вещи с собой взяла». У неё с собой один маленький чемоданчик. Пришли на станцию. Стали этого старика искать, а его нет. Наконец, пришёл: «Ну, девки, берите свои чемоданы». Открылась касса, купили мы билеты. Пришёл поезд. Доехали до станции Чик, она дальше поехала, я вышла. Зашла в здание станции, села на чемодан и повалилась мертвецким сном. Сколько времени я проспала – не знаю. Проснулась – ни души. К кассиру пошла: «Мне надо в Катково». «В Катково сегодня уже попутчиков нет, уехали все, но в «заготзерно» приезжают катковские колхозники, зерно сдадут».

Нашла я «заготзерно». Стоят подводы, два мужика на телеге сидят. Говорю: «Мне надо в Катково. Вы не туда едете?». «Туда. Ну, не совсем туда, но туда». «А меня довезёте?». «На бутылку дашь – отвезём». Две подводы у них. Погрузили меня с чемоданами на первую, а сами на второй едут. Лошади, видно, знают, куда идти. Доехали до сельмага, дала им деньги. Они купили бутылку, сели на вторую подводу, достали лук, хлеб. Едут, пьют и закусывают. Я на первой подводе сижу. А лошади всё бегут и бегут, видно привычные... Еду и смотрю кругом – спать почему-то не хотелось.

Наконец, остановились где-то на дороге. Один мужик мне говорит: «Видишь, вон там, на горе, дома. Это Катково. Нам в деревню ехать нельзя, нам на поля надо. А ты до первой избы дойдёшь – там живёт колхозный агроном Кальнишевский. Он добровольцем на фронт ушёл, но у него баба хорошая, она с ребятишками там живёт. Ты заходи в эту избу, ставь свои чемоданы и иди искать сельсовет». Вот я с этими чемоданами пять-шесть шагов шагну – стою. Нету сил, не евши и без сна. Прошагаю несколько шагов – опять не могу идти.

Не знаю, сколько времени я шла... Наконец, дошла. У ворот стоит девочка с ребёнком на руках. Вышла хозяйка. Я ей объяснила, кто я и что я. Поставила

чемоданы и дальше – ни шагу. Когда она мне дерюжку постелила? Сколько я проспала на этой дерюжке? Проснулась утром. Она ушла на колхозные работы, дома одни ребятишки. Хорошие дети такие. Двое потом у меня учились... Пошла искать сельсовет. И как раз там сидит директор школы. «Не могу ничего вам сказать, куда поселиться, я здесь новый человек». Он, оказывается, сам только приехал. И заходят две девушки. Босиком, лихие, здоровые. А я думаю: «Вот так учительницы! Босиком-то почему?». Потом я с ними сдружилась.

Поселили меня в доме Трудаевых. Хозяйка – Наталья Николаевна, её дочь Нина (училась у меня в пятом классе), и сын Александр. Он работал на станции Чик, а это 18 километров от Катково. МТС там была, машинно-тракторная станция. Домой редко приходил. Один раз, вскоре, как я приехала, он пригласил меня на «точок», танцплощадку по-нашему. Пришли. Местные девчонки говорят мне: «А ты чего с ним пришла? Ведь сейчас он к своей Марусе побежит». И точно, стою я одна, а уже темно, куда идти – не знаю. Тут подошли местные парни и успокоили: «Мы сейчас к себе домой пойдём и тебя до твоего переулочка проводим». Вот только один раз и ходила на этот «точок». Потом учебный год начался, больше не ходила, я же учительница была.

1 октября 1941 года начался мой первый учебный год в школе. Вела я немецкий язык в пятых-седьмых классах. Война идёт, похороны приходят, а я учу детей языку врагов. Пол-урока мы там чего-то поучим, а потом пол-урока «Пионерскую правду» читаем о подвигах пионеров, комсомольцев на фронте... Звонок прозвенел – ауфидерзейн! Я не знаю, чему я их научила. А ученики все были такие большие – я была девчушка против них. Особенно в седьмом классе. Я и не вставала во время урока, ученики все ростом с меня и выше, по 15-16 лет. На второй год я ещё начальные классы взяла. В две смены работала. Да, ещё пение вела. Спасибо Александру Сергеевичу Гордиенко, учителю музыки, он меня в школьном хоре всяким песням обучил. Вот их и пела с учениками.

Когда мне исполнилось двадцать лет, на мой день рождения, мы собирались в доме у Шуры Куксовой. Хозяйка моя дала блюдо квашеной капусты, а Люба Евдокименко с Валей Осинной драников настряпали. В сельпо купили банку самодельного вина – в бочках продавалось, там градусов-то было всего ничего. Пили мы это вино и ели драники с капустой. О-ой, весело было! Молодые были.

Песни пели, а брат Шуры Куксовой, Вася, на балалайке играл. А смеялся он как-то интересно, будто изнутри, из живота смеялся. Горб у него был. А морщины тогда стояли страшные, градусов под пятьдесят.

У нас в учительском коллективе было десять человек. Восемь девчонок и два парня (обоих Николаями звали) один, после девятого класса, вёл начальные классы. Другой, постарше, вёл труды в школе. Помню хорошо, как из Катково на первую учительскую конференцию мы ходили. У кого-то была тележка двухколёсная. Мы взяли с собой эту тележ-

ку, положили на неё сумки и двадцать пять километров шагали до районного центра на конференцию. А тележку зачем? Нам сказали, что там дадут всем по пять килограммов соли, по два куса мыла и по бобине ниток, да ещё керосину. Конференция была один день. Мы пленарную часть все отсидели. В столовой нас чем-то покормили, какой-то супишко там был. Слава богу, не дали нам керосину, сказали, дома получите. А соль, мыло и нитки дали. И мы назад отправились, опять – двадцать пять... А чтобы покорооче было, полем шли. Ну, этой конференции мне никогда не забыть, как мы с тележкой шли!

А как я в бор по дрова ездила? Это было, когда я первый год ещё работала в Катково, в конце 1941 года. Бригадир дал мне колхозную лошадь. Я поехала и со мной ещё две учительницы на своих санях. Заехали мы в бор рубить сухойстой. А берёзы были высоченные! Надо было рубить, а я что когда-нибудь это делала? И вот мы трое. Они привычные, местные, нарубили, нагрузили на своих лошадей. А мне надо было перерубить эту длинную, чтобы на сани положить. Пока я это перерубила – оглянулась, а их нет. Они взяли и уехали. А уже темнеет. Пока я всё сложила, связала – уже совсем темно. Села я на воз, держу вожжи. Топор бы не потерять – Николаевны, хозяйки моей, топор-то! Поехала. Темнота. Самое главное, думаю, – не отпустить вожжи. Если лошадь запутается, я её не распутаю. А она не шагом идёт, а так вот: трус-трус, трус-трус. И не быстрее, и не останавливается. Я только вожжи держу. Выехала из бора, смотрю: улица деревенская. Застучало по мосту. Ага, это мосток катковский!

Проехала колхоз «Майский», выехала ещё на одну улицу, смотрю – сельсовет. А от сельсовета рукой подать – и дом. И стоит Николаевна, хозяйка моя, у ворот, меня ждёт. Нисколько я не управляла лошадей, а она меня подвезла к самым воротам. Она из тёмного бора вывезла меня на дорогу. А я дороги той не знала. И сейчас, как кошмарный сон, эта рубка дров... Какая умная лошадь! И я этой лошади в пояс кланяться должна. Я вот сейчас думаю: легко лежать тому бригадиру, который мне умную лошадь дал.

Ой, а в колхозе как было тяжело! Учебный год начинался не с 1 сентября, а с 1 октября. Мы, учителя, на ферме солому, сено сбрасывали. А в поле, на огородах с учениками колоски собирали, пололи, свёклу рвали. Одно лето лён рвали.

Никогда раньше не видела, как лён растёт. Это был посев ещё мирного времени. В войну лён не сеяли, а нажимали на хлеб, на картошку. Сдавай, сдавай, сдавай! До последнего сдавай!

А похороны шли, а парней везли. Помню, один раз большой набор был в 1942-ом, и забрали самых сильных парней 1923-его, 1924-ого, 1925-ого года рождения. Человек восемь из села.

Как сейчас вижу, парни эти посреди улицы одной шеренгой идут. А один был – Ваня Сливкин – в розовой рубашке и в валенках, в середине этой самой шеренги шёл.

Как сейчас вижу, июль, жарыща, а он – в валенках. А лошади с подводами сза-

ди шли. Из деревни вышли, все назад вернулись, а их дальше повезли, в Коченёво. И не пришёл никто. Вот из того набора, где Ваня был, не пришёл никто. О-ох! Трудно мне было, но всё же не на фронте. Сколько людей забирали, мало кто вернулся. Мне жалко их было всех.

Два учебных года я проработала учительницей в Катковской школе. Летом 1943 года приехал уполномоченный из райОНО. А так как все уполномоченные останавливались у Николаевны, он туда и пришёл. Им нужен был инспектор по патронированию школ. «Поедете в Коченёво?». «Поеду». И я там проработала инспектором с 1 сентября 1943 года до самого конца войны. О-о! Инспектором! Горе луковое! Что я там инспектировала? Как сейчас помню, одна школа была в восьми километрах от районного центра, другая – в двенадцати. Я, конечно, пешком ходила. Помню, в самом начале моей работы, послали меня в Михайловку принимать школу на готовность к учебному году. А что я там понимаю, какие там ремонтные работы? К председателю колхоза пошла – он отмахнулся от меня, ему надо хлеб на фронт отправлять, а вы уж сами разбирайтесь со школой. И ушёл. Вот я постояла у сельсовета и бумагу всё же подписала. И пошла 12 километров назад отмерять.

А волков было много во время войны! Я слыхала про них, но ходила, и ни о чём таком не думала. Да, ходила, пока одну учительницу волки не загрызли. Родственники только по валенку узнали, что это она.

Я после того случая ходить пешком перестала.

Думаю, если никто не поедет туда, то и я не пойду. Вот, в районном центре и ходила по школам. Ещё ездила с комиссией от военкомата по селам проверять готовность призывников.

Я, как учительница, проверяла грамотность. Сейчас думаю, зачем надо было эту самую грамотность проверять? В комиссии, кроме меня, были два человека от военкомата, милиционер, два врача и медсестра. Мы ездили в кузове грузовика. Они все – люди в возрасте, я одна – девчонка.

В Коченёво мне приносили повестку на фронт. Пришла в военкомат и как раз в кабинете сидели военком и начальник первой части.

Я стою. Они посмотрели на меня, что от меня толку? Я там и солдата не уташу, и ничего я там не сделаю. Военком говорит: «Где повестка?». Я держу повестку. «Давай сюда!». Я отдала ему повестку. «Иди домой!». Так я на фронт и не попала.

Когда закончилась война, я – к Максиму, заведующему райОНО: «Максим Маркелыч, отпустите меня!». Написала заявление, он подписал.

Ой, я радехонька была! Собрала свои чемоданы. За мной папа приехал.

В 1942 году его в феврале призвали в армию, воевал на Ленинградском фронте.

В марте его ранило осколком в голову, четыре месяца пролежал в госпитале и пришёл домой. А я тогда не знала, что он с одним глазом.

Захожу в ограду – он идёт мне навстречу и повязка на глазу. Вот так.

г. Новокузнецк.

Раиса ГАЛЬЦОВА

Родилась в 1940 году в Новокузнецке. Работала учителем начальных классов в школе села Куртуково и лаборантом ВНИИ «Гидроуголь» Новокузнецка. На пенсии. Воспитывает внуков и правнуков. Во время перестройки начала писать духовные стихи.

Встреча с Господом

Царит всеобщее веселье.
Настала Пасха – день чудес.
Ликует Божие творенье:
«Христос Воскрес! Христос Воскрес!».

В сей праздник общего Спасенья
Варвара видит явь иль сон...
Ей было ночью той виденье –
Пред нею появился Он!

«Ты жди меня, - сказал Спаситель –
Тебя Я нынче навещу.
Я - твой Наставник, твой Учитель,
Спасенья твоего хочу».

«Я буду ждать Тебя, о Боже.
Радость мне в сердце сотвори.
Добрее стать Ты мне поможешь.
Любовь, надежду подари».

Глядит в окно и ждёт явленья.
И видит нищенка стоит –
В руках сума, в глазах моленье.
«Поддай, хозяйка», - говорит.

«Грязна ты, нища и убога.
Ты принесёшь в мой дом беду.
Не стой у моего порога,
Я Господа сегодня жду!».

И снова ждёт, уж с нетерпением:
«Ну, где Ты, Господи, приди,
Ослабь души моей волнение
И спящий разум разбуди!».

Вот дождь пошёл. Льёт, как из лейки,
По крышам яростно стучит.
А под окошком на скамейке
С ребёнком женщина сидит.

«Что здесь сидишь? Ребёнок мокнет.
Я не могу вас в дом впустить.
Вас много здесь бездомных ходит,
Всех ни согреть, ни накормить».

И снова ждёт. Вдруг замечает –
Парнишка в сад её залез,
В карманы яблоки пихает
И на ходу их жадно ест.

«Ах, ты негодный, злой мальчишка,
Как ты посмел залезть в мой сад?
Тебя, бессовестный воришка,
Давно уж ждёт крошечный ад!».

Вот день проходит,
А Варвара всё Господа сидит и ждёт.
Уж и надежду потеряла:
«Ну, почему Он не идёт?».

Вдруг от иконы Свет разлился,
Лик Иисуса осветился.
В испуге женщина стоит
И со слезами говорит:

«Ты, мой Господь, моё Спасенье,
Тебя люблю я всей душой.
В сей День Святого Воскресенья
Я так ждала... Ты не пришёл».

«Ты ропщешь зря, запомни это.
К тебе Я трижды приходил.
И от тебя любви, привета
Я ждал, да всё не находил.

Ты помнишь нищенку с сумою?
Ведь это Я тогда здесь был.
Смирно в день сей пред тобою
Я подаяние просил.

А женщину с ребёнком помнишь?
То Мать Моя со Мной была.
Её спросила ты: «Что мокнешь?»,
Но Нам приюта не дала.

Парнишке яблок пожалела.
А это тоже Я там был.
Кормить его не захотела,
Вновь был тобою Я гоним.

Себя ты любишь – не Меня,
И ближнего не любишь тоже.
Так проживёшь жизнь, не любя.
Кого на смертном встретишь ложе?

Ты жизнь свою пересмотри,
Её наполни добротой.
И щедро всем любовь дари.
Будь ближним любящей сестрою».

Рассказ о Боге

Хочу рассказать тебе, дочка, о Боге.
Прими с верой полной рассказы мои.
Верь: Бог наш
Творец сотворил без подмоги
Вселенную, землю, живой мир земли.

А Бог, Он какой? Как к Нему обратится?
И как мне узнать в каком месте живёт?
Хочу познакомиться с Ним, подружиться.
Быть может, Господь ко мне в гости придёт?

Бог - Троица. Он внутри и снаружи.
Он – Дух. И живёт Он, конечно, в душе.
В душе человека такого к тому же,
Зла силам который не служит уже.

К Нему как к Отцу обращаемся: «Отче».
Нам дарит Он мудрость, заботу свою.
Нас любит хороших, плохих и не очень;
Людей и животных, вселенную всю.

Ему надо чаще усердно молиться.
Общение с Богом - молитва твоя.
С любой можешь просьбой
к Нему обратиться.
Знай, дочка, Господь всегда слышит тебя.

«А, может, исполнить моё Он желание,
Если Его попрошу я о чём?».
А ты приложи своё, дочка, старание,
Чтоб Бог тебе в помощь был в деле твоём».

Его полюби ты, как близкого друга.
Поверь, что Он нам всё во благо даёт.
Избавит от бед и любого недуга.
Когда это пользу душе принесёт.

Будь Богу послушной, заботливой, верной.
Наполни сердечко своё добротой.
В делах и учёбе Ему будь примерной,
Чтоб Он в них участвовал вместе с тобой.

Иван ГОРБАЧЕНКО

Родился 26 декабря 1940 года в городе Салаир. В 1958 году переехал в Прокопьевск, где учился в горном техникуме, позднее окончил СМН. По образованию горный инженер. Вся его трудовая жизнь прошла на шахтах «Зиминка» и «Коксовая», в том числе более двадцати лет непосредственно в шахте, под землёй, прошел путь от горного мастера до заместителя главного инженера шахты.

Литературным творчеством занимался с юношеских лет. Свои стихи публиковал в различных литературных изданиях. Призёр поэтического конкурса «Союзники» (Кузбасс), дипломант поэтического конкурса Общероссийской организации Союз писателей Кузбасса. В 2011 году вступил в Союз Кузбасских писателей. В 2012 году Иван Иванович выпустил первый поэтический сборник «Я держу в ладонях свет», в состав которого вошло более 250-ти стихотворений, сгруппированных в три раздела: «Шахтёрская звезда», «Гимн любви» и «В моей душе светло и чисто...».

«Стихи Ивана Горбаченко отличает искренность и приятная простота, превращающая чтение в истинное удовольствие. Яркие образы и бесхитростные сюжеты, подсказанные самой жизнью, трогают до глубины души, то заставляя улыбнуться, то вызывая слёзы», - говорит, открывая книгу, во вступительном слове Евгения Романова.

Песня о России

Заелла заря на ветвях тополей
И земля, отдохнув, пробудилась.
Всколыхнула от дум синь морей,
ширь полей,
В день грядущий шагнув, закружилась.

Ты Россия моя, ты Отчизна моя,
Необъятна, как мир, и красива.
О тебе я пою и в едином строю
Я навеки с тобою, Россия.

Ты вскормила меня, ты растила меня,
Ты наполнила сердце надеждой.
Без тебя я прожить не сумел бы ни дня,
Как без матери доброй и нежной.

Ты Россия моя, ты Отчизна моя,
Необъятна, как мир, и красива,
О тебе я пою и в едином строю
Я навеки с тобою Россия.

Прокопьевск

У времянок, барачных построек,
Посредине таёжной глуши,
Вырастали леса новостроек,
Здесь Прокопьевск родиться спешил.

Поднимался он птицей крылатой
Над землёй, что богата углём
И сменялись домишки в заплатах
На красивый, устроенный дом.

Следом строились шахты, заводы,
Хорошел его жизни уклад.
Украшались церковные своды,
Словом, ширился, рос Углеград.

В бурном ритме житейских событий
Закалится он и возмужал.
И в забой, и в полёт на орбите
Он своих сыновей провожал.

По его сердцу милым просторам
Счастье шло и печаль пролегла
И на храме погибшим шахтёрам
Золотые горят купола.

Он уверенно в завтра шагает,
У него впереди добрый свет.
Молодеет он и расцветает,
Хоть ему и не так мало лет!

Шахтёрская доля

Я - шахтёр.
Неизменный беру тормозок,
Получаю наряд на работу.
И, вливаясь в шахтёрский
подземный поток,
Оставляю земные заботы.

Труд шахтёров, известно, -
особенный труд.

Кто шахтёр, тот со мной согласится.
Потому-то шахтёров и ценят, и чтут,
И в шахтёра нельзя не влюбиться.

Только в шахту работать
не каждый идёт.

Для опасного горного дела
Нужно мужество,
воля и сердца полёт,
Чтоб душа на работе горела.

Ведь возводят они с гор
под землю мосты
Эти сильные руки шахтёров,
Чтоб потом покорить золотые пласты
В лабиринтах горняцких просторов.

Вот и мой горизонт,
открывается клеть
До пласта в пассажирском вагоне.
И спускаюсь в забой, чтоб гореть,
а не тлеть,
Добывать свои трудные тонны.

Мне в работе подвластны
топор и сверло,
Мои руки привычны к мозолям.
Мне по жизни досталась,
и в том повезло,
Непростая шахтёрская доля.

Марии Косогоровой

(Первому начальнику шахты Зиминка)
Война, как смерч, внезапно народ
в тучину ввергла,
Ушли на фронт мужчины
чтоб защищать страну.
В лицо им смерть смотрела
и пушечные жерла -
Безжалостно, жестоко
стреляли в тишину.

А женщины вставали
на трудовые вахты.
Нужна была Победа на фронте
и в тылу.

И вот тогда Мария,
начальник крупной шахты,
Как Золушка, трудилась,
чтоб пир был на балу.

Её ценили люди, ей подчинялись горы.
Её упорство, воля лишь
сильных лиц удел,
Всегда присуши были
Марии Косогоровой,
Той женщине прекрасной,
творцу великих дел.

Шахтёру - поэту

(Памяти Виктора Савинкова)

Ушёл поэт, ушёл товарищ,
Ушёл от нас в расцвете сил.
И погасил огонь пожарщиц,
Что он в душе своей носил.

Жизнь для него была не тайна,
Он с ней сыграл открыто роль.
И вдруг - ушёл, хоть был не крайний.
В сердцах людей оставив боль.

Он приглашал друзей на встречи,
Как мог, всегда им помогал.
Теперь горят лишь в храме свечи,
Что он когда-то зажегал.

Была нелёгкою дорога -
Туда, где ангелы поют,
Чтобы в святылице у Бога,
Его душа нашла приют.

В лучах Библейского Завета
Он светит ярче всех огней.
Его звезда - звезда поэта
Зовёт, и мы идём за ней.

Солдат России

Я не был на войне, но мой отец -
Ушёл, когда мне было лишь полгода.
Я просто несмышлённый был, - малец
Входящий в мир, дарованный природой.

В боях жестоких смерть была красна.
Вслед за врагом брели людские беды.
Но шла войны четвёртая весна
И вместе с ней желанная победа.

Отец вернулся, хоть и ранен был.
Оставив руку там, на поле битвы.
И жизнь ему Бог, видно, сохранил
Для мирного труда и для молитвы.

Его война осталась далеко,
Но не имел он права расслабляться.
И, стиснув зубы, жил, ведь нелегко.
Растил детей, с хозяйством управлялся.

Он не дождал до наших светлых дней -
Война в окопах отняла здоровье.
Он был солдатом Родины своей,
И я горжусь, что сын отца героя.

Русь привольная

Святая Русь, испытанная временем,
От нищеты босая и голодная,
Сгибалась ты
под непосильным бременем,
Ведь для врагов была ты чужеродная.

Во все века тебя насильно грабили,
Вели на казнь, безвинно виноватую.
Тебя у плахи на колени ставили,
Хотели видеть на кресте, распятую.

Устала ты от войн порабощительных.
И, проявляя героизм немислимый,
Страдала от нашествий
ты сомнительных,
Но сохраняла дух свой независимый.

Земля твоя не раз была изранена,
Поля слезами горькими политые,
Но ты в боях не уронила знамени,
И подвиги остались незабытые.

Теперь живёшь во славу, Русь привольная,
Могучая, как Бог и справедливая.
Тебе к лицу и высь, и ширь раздольная
Под чистым небом самая счастливая...

Шахтёрская звезда

Взметнулась ввысь шахтёрская звезда,
Как монумент величия и славы.
Сюда она пришла через года
И своё место заняла по праву.

А рядом разместились цветники,
Переливаясь в праздничном убранстве.
Заполнили собой все уголки,
Найдя приют,
как путник после странствий.

Здесь словно дух эпохи затаён
И праздники и будни боевые.
Здесь фонари из пушкинских времён
Стоят по кругу словно часовые.

Здесь хорошо присесть и отдохнуть,
Предаться думам о земном и вечном.
И заново пройти свой долгий путь,
Нелёгкий путь в пространстве
бесконечном.

Шахтёрские аллеи

Когда в забой придёт непосвящённый,
Подумает, что окунулся в ад.
Но мне знаком тот мир потусторонний
И лица тех, что в том аду горят.

Они не ищут для себя подмогу,
Хотя задачи их не так просты:
Пробить в горе подземную дорогу,
Чтоб покорить коварные пласты.

И опускаясь вглубь на сотни метров,
Берут с собой тепло и свет земли,
Знакомых улиц шум и шелест ветра
И нежность губ, оставшихся вдали.

В забое их встречает шум и скрежет,
Как гром гремит бурильный агрегат.
Проходки вой до боли уши режет,
Но это для проходчиков не ад.

И ни о чём они не сожалели,
И прославляя весь горняцкий род,
Ведут свои шахтёрские аллеи,
Вгрызаясь в толщу вековых пород.

Огонь надежды

Ты казалась берёзкой тонкой
От других берёз отражением,
Словно где-то прошла стороной
И осталась в их окружении.

Я окликнул тебя негромко,
Подал руку, потом представился.
И от взгляда на незнакомку
Я едва со смущеньем справился.

Ты со мною была любезна,
Разговорам конца не виделось.
О здоровье и о болезни,
Словно мы – ну, сто лет, не виделись.

Так мы долго пробыли вместе,
Было радостное свидание,
И в душе, я скажу без лести,
Зародилось одно желание:

Чтоб нам стало светлей, чем прежде,
Пусть всё сбудется, как пророчество,
Пусть зажжётся огонь надежды,
Погасив огонь одиночества.

На шахте «Есаульская»

Не так давно в Осинниках на «Тайжине»
Взрыв отозвался горем и отчаяньем,
И надломился механизм отлаженный,
Как будто кто-то нить порвал нечаянно.

Теперь беда пришла на «Есаульскую».
Вновь грянул взрыв,
как гром в грозу весеннюю.

Смерть, заполняя выработку узкую,
Не оставляла шансов на спасение.

Лежат в забое парни бездыханные,
Никто не спас им жизнь
от этой пропасти.
Ну а живым достались нежеланные
Утрата, боль и слёзы безысходности.

В молчанье скорбном
все склонили головы,
А губы шепчут: «Царствие Небесное».
Ведь им бы жить, они же были молоды,
В дни будние любить и в дни воскресные.

Так кто же даст ответ, в каком
пришествии,
В обычные года или высокосные
Доколе будут траурные шествия,
Доколе будут взрывы смертоносные?

Город и я

Я тебе почти ровесник,
Шёл с тобой в одном строю.
Лихо пел шальные песни
Про судьбу и жизнь твою.

Много вёсен отзвенело,
Оборвалось много струн.
На висках моих снег белый,
Только ты как прежде юн.

Путь нелёгкий за плечами
И немало славных дел.
Я горжусь, что прокопчанин,
Что к тебе я – прикипел.

Ты для меня

Ты для меня уют и радость и забота;
Ты для меня уют и отдых и работа;
Я на тебя молюсь и за тебя болею,
Я у тебя лечусь и в холод душу грею.

Ты для меня хранишь всё самое святое,
Порой меня бранишь, того я, видно, стою,
Но, для меня любовь к тебе, всего дороже,
Так пусть она живёт.

Ты помоги нам, Боже!

Тебя не сравнить

Тебя не сравнить с днём ясным –
ты светлей,

Улыбка твоя прекрасна – нет милей,
Глаза твои излучают волшебный свет,
Так пусть они слёз не знают много лет.
Пусть рушатся мироздания – ты живи,
Пусть не угаснет пламя твоей любви.
Пусть только очарованье в тебе живёт.
Пусть жизнь твоя будет сладкой –
как майский мёд!

Когда я ушёл от тебя,
Земля уплыла из-под ног.
Душа разрывалась скорбью,
Но я возвращаться не мог.

В ушах всё звенело: «Процай».
Обида сжигала мой ум.
Лишь стоны лились через край
От горестных мыслей и дум.

Кому нужен был этот фарс,
Обидный упрёк сгоряча...
По чувствам – в который уж раз! –
Опять рубанули сплеча!

Теперь нам спокойно не спать.
Я снова один, ты одна!
Неужто придётся опять
Пить горькую чашу до дна?

Зачем тебе

Зачем тебе мои объятья? –
Объятья не всему конец.
Тебе бы свадебное платье,
Да в день осенний – под венец!

Тогда уж можно без стеснения
В глаза знакомым посмотреть.
А что мои стихотворенья? –
Они не стали душу греть!

Была любовь! Ну что ж такого? –
Она прошла, как белый день.
Но можно полюбить другого? –
Он будет рядом словно тень!

Ведь годы быстро пролетают,
Что будет завтра – не понять.
Здоровье помаленьку тает,
И кто-то должен пить подать!

Возможно, путь наш был напрасным,
Зачем о прошлом ворожить?
Ты расцветёшь под небом ясным,
А как же я то буду жить?..

Белокурой красавице

Пять лет назад, я думал – не забыть,
Те наши мимолётные, свидания...
И, продолжая по теченью плыть,
Порой хотелось возродить желания.

Но, все дороги дальше пролегли –
Дни исчезали за дождями хмурыми.
Ручьи журчали и снега мели...
Забывлась – та, с кудрями белокурыми.

С теченьем лет мной овладел покой.
В душе угасло чувство ожидания.
Но, вдруг, случайно, в суете людской –
Её я встретил, словно знал – заранее.

И заслонило солнце тень разлук,
И засветился луч небесной святости,
Замкнулся, наконец, счастливый круг,
В нём было место для любви и радости.

Мы разорвали цепи бытия –
Взрыв нежности, эмоции, объятия.
Я был с тобой; И ты была моя!
Мы шли для себя из счастья платья.

Ты вся прекрасна

Ты вся прекрасна, с головы до пят –
От имени до голоса певучего.
В глазах твоих два солнышка горят
И волшебство идёт от взгляда жгучего.

Твоя улыбка, как заря светла.
Красива, как сирень в момент цветения.
Ты рождена для ласки и тепла,
Ты так нежна в минуты откровения...

Объятья твоих рук так горячи,
Касанье губ твоих так соблазнительно,
А как чарует стон любви в ночи –
Жить без тебя и горько, и томительно.

Я не хочу иного от судьбы,
Лишь только б ты была моею нежностью.
Чтобы не боль, не слёзы, не мольба –
А наши встречи стали неизбежностью.

Край родной

Люблю тебя, мой край родной,
За необъятные просторы.
С тобой живу судьбой одной –
С тобой и в радости, и в горе.

Земного счастья уголок,
Под лучезарным небосводом.
Ты мой уют и мой порог
В просторах сказочной природы.

Твоих красот не описать,
Ты мне милей всего на свете.
И дорог, как родная мать,
Как пробужденье на рассвете.

И это не слова, не фарс,
Я весь проникнут этим чувством.
Мой край, ты чуден – без прикрас,
И я люблю тебя без грусти.

Мама

Наша мать не была героиней,
Просто женщиной доброй была
И мечтала о первенце сыне,
Только первую – дочь родила.

А потом – ещё четверо было
Синеглазых, красивых сынов.
Всем она беззаветно дарила
Радость жизни, тепло и любовь.

Много трудностей выпало маме,
Муж ушёл в сорок первом на фронт!
Провожала его со слезами –
Прогибаясь под ношей забот.

На руках были малые дети –
Боль и тяготы дней боевых.
И хлестали её горя плечи,
Ведь трудилась она за двоих.

Муж вернулся с войны инвалидом –
Правда жизни жестокой была...
И душевная боль, и обида –
Вновь на хрупкие плечи – легла.

Дети выросли все, как грибочки,
Всех сумела она обогреть.
Но, по осени – вянут листочки,
Стала мама всё больше стареть.

Может быть – мы её обижали,
Кто на это теперь даст ответ?
Но, когда в мир иной провожали,
Плакал, кажется, весь белый свет!

Путь у каждого свой за плечами,
Хороши были мы или плохи?
Но мы вновь обращаемся к маме:
«Ты прости нас, за наши грехи...»

Зачем

Ну, зачем, зачем всё это мне?
Кто мне скажет, так или не так ли?
Для чего на медленном огне
Прожигал я жизнь свою по капле!

Первые порочные шаги
Обрели потребность и привычку.
И, как неоплатные долги,
Привели к постыдной обезличке.

Я купался в сладостях утех,
С головой бросался в омут страсти.
Иногда сомнительный успех
Моё сердце разрывал на части.

Но меня тянуло к новизне,
Как дитя к хорошенькой обновке,
Я летел на взмыленном коне,
Забывая сделать остановку.

В жизни есть последняя черта,
За которой – не горят зарницы,
За которой – мрак и пустота...
Мне бы перед ней остановиться!

Мой юбилей

Семидесятый год с начала жизни
Подкрался незаметно, словно тень.
И я уже не юноша капризный
И на счету, пожалуй, каждый день.

Но разве это возраст
для мужчины?
Пусть юность улетела без следа,
Пусть седина и на лице морщины –
Душа-то, как и прежде молода!

Я не хандрю и не сижу на попе...
Валяться на диване не привык.
Я козерог в восточном гороскопе
И потому напорист, словно бык!

Проблем немало мне легло на плечи:
Готовка, стирка, масса разных дел...
Об отдыхе не может быть и речи.
Но что же делать, это мой удел!

А потому мне хочется, коль можно,
В житейских буднях не сгореть
отла.

Не кончить жизнь в канаве,
придорожной,
Не одинокой старость чтоб была...

г. Прокопьевск.

Зоя ГУЛИШЕВСКАЯ

Родилась в послевоенном 1944 году, выросла в Прокопьевске (бывшем селе Усыты) Кемеровской области. В настоящее время проживает в Белово. По образованию педагог, окончила Новокузнецкий педагогический институт - факультет Русского языка и литературы. Более двадцати лет проработала в различных городских и сельских школах, в ГОРОНО Белово. В редакциях городских и районных газет нескольких городов области трудилась в качестве литературного сотрудника, завотделом, ответственного секретаря и редактора газеты.

Мать четверых детей, бабушка семерых внуков и внучек. По жизни Зоя Николаевна активный и деятельный человек, в настоящее время возглавляет Совет ветеранов Белово, занимается литературно-творческой деятельностью, пишет прозу и стихи. Свои статьи, заметки и прочие литературные материалы на различные житейские темы публикует в городских, районных и областных газетах. В том числе и в областных газетах «Кузбасс» и «Земляки».

Недавно Зоя Николаевна выпустила первый сборник стихов с общим названием «Стихи разных лет» (Мы сами выбираем жребий свой).

Мы сами выбираем жребий свой

- Моим родным и друзьям: Я никогда серьёзно не относилась к своему стихотворчеству. Просто хотелось иногда зарифмовать какие-то мысли, наблюдения, ощущения. Бывало, запишу ночью что-то на бумаге, а утром самой стыдно читать те откровения. Это сродни чувству, как если бы вдруг вышла обнажённой, а обнажённую душу не всякому покажешь.

Прошли годы. Я привыкла к своим откровениям. Даже решилась показать их профессиональному поэту. Он навёл такую критику на моё «стихоплётство», что я подальше закинула свои листочки. Но потом как-то вновь перечитала записи одного листа, другого, кое-что подправила и решила: а чего стесняться? Я не претендую на совершенство и всеобщее признание. В своих откровениях я такая, какая есть. И выношу себя на суд. Просто посмотрите. Ваша Зоя Гулишевская.

Неумолим мгновений бег...
Искрась, пушистый белый снег
Над головой моей кружится.
И наяву, а не во сне
Под ноги медленно ложится.
Я знаю, снег пришёл от зорь
Далёких, ясных и лучистых.
Он весь, как вытканый узор,
В сиянии света чистом-чистом!
Меня, как много лет назад,
Закружит вновь он ворожбаю,
Оденет землю в свой наряд
И позовёт вслед за собою
Туда, где он ещё ничей
Лежит, в глаза бросая искры.
Весной пробьёт его ручей,
И с гор сбежит он быстро-быстро.
Я в звонкий тот ручей волью
Души своей огонь лучистый
И реки твои напою
Водой холодной, снежной, чистой...
И вновь, как много лет назад,
Мечты заветные воскресли.
В роскошный убрана наряд
Земля моей любви и песни.
Неумолим мгновений бег,
Снег над землёй кружит, мерцая...
Всё может быть, где даже снег,
Как свет - то ль ангелов, то ль рая.

Я мудрость обретаю в счастье.
А за окном опять весна...
И хоть прошло немало вёсен,
И нас коснулась седина,
Но в сердце не закралась осень.
С тобой мы молоды ещё,
И не вчера ли, не вчера ли
Ты сердце мне отдал своё
Без страха, грусти и печали?
И я храню твой нежный дар
У сердца - не хочу, чтоб стыло.
На трепетный души пожар
Я отвечаю тем же, милый.
А невниманьем не кори -
Бывают в жизни и ненастья.
Жена и мать детей твоих,
Я мудрость обретаю в счастье.

Цыганка, чёрная вестунья,
Ты зря беду мне в будущем сулишь,
Уводишь от людей и, как колдунья,
Скороговоркой что-то говоришь.
Спасти своей молитвой обещаешь
От злой хулы, от зависти людской...
И цепким взглядом в душу проникаешь,
Стараясь в ней посеять непокой.
Но не боюсь я глаз твоих лукавых,
В своё грядущее уверенно смотрю.
И день свой завтрашний
своими же руками
Упорно, терпеливо создаю.

Между делом

Пишу стихи во время стирки,
Когда варю семье обед,
Когда несу в ведре опилки,
Чтоб отразить палящий свет
Светила. Для посевов, грядок -
Росточкам влагу сохранить,
Как навозу в жилище порядок,
Ввожу скрепляющую нить
В кусочки ткани. Повсеместно
И ритм и рифму нахожу.
Просторно мысли, словам тесно -
По сему правилу сужу
Чужие и свои «творенья».
Так и идут мои дела...
Закончила стихотворенье
И белить комнату пошла.

Постигаю я жизнь каждой клеточкой,
Испытать хочу всё, что отпущено.
Мне на долю печаль
с горькой весточкой,
Следом - радость, любовь с новой балью.
Затеряюсь я в море песчинкой,
В море чувств, беспокойств и сомнений,
Отыскав чтоб в безбрежье тропинку,
Я могла стать сильнее и уверенней.
Чтоб как рыцарь,
пусть в женском обличье,
Я за честь постоять бы сумела,

Клеваете чтобы, сплетне, двуличию

Вызов бросить могла бы я смею...
Я хочу каждой клеточкой жить.
Чтоб самой испытать всё, проверить,
Чтобы верность могла я хранить
И могла беззаветно верить...

Не призываю к долгу,
Не бужу ответственность.
И совесть, как критерий.
На суд не выношу.
Любовь лишь судия
И помыслов и верности.
Но верность подаянем - не прошу!
Я морем чувств всего тебя наполнила,
Тем морем нам до горизонта плыть.
Хочу чтоб сердцем
всегда помнил ты,
Что в мире я одна -
Другой не может быть!

А, может, от бессонницы сей бред?
Ты не была моей соперницей
Лишь на мгновенье померк свет,
Заставив в лучшем разувериться,
Поверить в то, чего и нет.
Своей открытой беспардонностью
Ты обнажила суть свою
И помыслы, и обречённость их,
И то, что выше я стою.
Ты, как кукушка, но

не в том порочность.

Бедой своей обязана себе,
Чужое счастье цулаешь на прочность -
Я не завидую тебе.
Создать очаг семейный тебе хочется
Иль перемен каких-нибудь в судьбе?
А, может, просто
скрасить одиночество? -
Я не сочувствую тебе.
Ты - женщина, так
не теряй достоинства,
В грязь не сади по глупости себя.
А коли было что -
останется на совести -

Не уважаю я тебя.

Разговорилась вдруг под настроение.
А, может, от бессонницы сей бред?
Нет, вижу ясно есть стихотворение,
Тебя же не было и нет!

Кукушкины слёзки

Пой же, кукушечка, пой,
Жизнь беззаботную строй.
Нигде ты не строишь гнезда,
Живёшь одиноко всегда.
Знать бы, что в песне твоей.
Может, раздолье полей,
Может, журчанье ручья,
Иль горькая участь твоя?
Может быть в этом «ку-ку»
Скрываешь свою ты тоску?
«Слёзки кукушки» по краю полей
Не спрятать от взглядов людей.
Ярким сапфиром цветут у дорог
Так, чтобы каждый увидеть их мог.
Чудесные «слёзки» твои поутру
В букетик я соберу.

Затерялся солнышко в белых стволах.
В декабре до вершин не добраться.
Ясным взором окинет пустые поля -
И пора на покой отправляться.
Мне ещё далеко до того декабря,
Что седую пургою завьюжит.
Мне порою весеннею солнечный май
Ещё часто голову кружит...

Маме

Планеты, мама, мы,
Ты - наше солнышко,
Мы жизни совершаем круг
В галактике твоей.
Пока ты светишь нам
И греешь всех до доньшика,
Мы - молодые,
Мы - дети матери своей...
Не остывай, не меркни, не гаси
Лучей своих, душевного огня.
Огнём своим сердца нам засвети,
Чтоб мы смогли светить после тебя.

Надпись на подаренном самоваре
Семьдесят – разве это возраст?
Это лишь продолжение пути.
По торной дороге к скончанию века
Идти тебе, мама, идти и идти.
И там, на краю, восходящее солнце
С улыбкой и радостью снова встречай.
Будь, мама, здоровой, весёлой и бодрой.
Пей по утрам только свежий чай.

Злопыхателю

Во мне посеял ты привычку
Доброжелатель мой в кавычках.
К борьбе готовой быть всегда,
Не расслабляться никогда.
Ты приучил в любую пору
Иметь в душе своей опору.
А потому усвой тогда:
Верх не возьмёшь ты никогда.
Быть может, даже бросишь тень,
Как говорится, на плетень.
Но выйдет солнце – сгинет тьма,
Хитросплетений кутерьма спадёт –
И ты исчезнешь с ней...
Я стану во сто крат сильней!
Закалена житейской прозой –
С любой бедой справляюсь просто.
Я стала сильной не по книгам,
Благодаря твоим интригам.

Спасибо, жизнь,
Что ставишь мне преграды,
И заставляешь сердце
Волю закалять...

Письмо подруге

Не имей сто рублей,
а имей сто друзей.

С детства эту пословицу знаю.
А вот в жизни моей настоящих друзей
Лишь по пальцам руки сосчитаю.
Не хочу, не могу и не буду иметь
Я друзей на все случаи жизни,
Чтоб с одним поболтать,
А с другим побалдеть,
Ну а с третьим дружить из корысти.
Я к друзьям своим всею душою тянусь,
Сердцем близких людей выбираю.
А когда я одна и в душе моей грусть
В мыслях часто я к ним прилетаю.
Вдруг случится друзьям
моим станут нужны
Моя помощь, поддержка, участие –
Свои сердце и душу я выну до дна
И отдать посчитаю за счастье.
И к тебе я тянулась всем сердцем своим,
Только вдруг оно что-то зануло.
Показалось ему, что стремишься
к другим –
Ревность, что ли, к душе подступила?
Показалось ему – ценишь в людях не то,
Будто выгода дружбы дороже.
Душу я застегнула,
как в ненастье пальто,
Сердце дальше упрятала тоже.
Трудно стало мне вдруг быть
с тобою вдвоём,
Стала я тяготиться молчаньем,
Не искала участия в сердце твоём,
Не могла быть собою в отчаянье.
Но потом посмотрела тебе я в глаза...
Ты прости меня, милая, милая.
Всё, о чём промолчала
хочу рассказать –
Душу ты своим взглядом мне вынула.
Ты прости мне мою немоту, слепоту,
Глухоту и холодность душевную.
Мне подумалось будто сейчас и смогу

Здесь оставить тебя непременно я.
Ты прости, я заставила думать себя,
Что добро, дружбу ты покупаешь.
Ну а я бескорыстная в дружбе ценю –
И об этом ведь тоже ты знаешь.
...Пусть проходят года,
И наш дом – шар земной
Бесконечно кружится, кружится.
Помни только одно,
Что во всём и всегда
Можешь ты на меня положиться.

За слёзы чистые – благодарю!
За дружбу искреннюю – благодарю!
Неоценимое – благодарю!
Сердце ранимое – благодарю!
За недоверие меня прости,
В тебя неверие – меня прости.
Прости за то, что понимание
Ко мне приходит с запозданием...

Ты счастьем не завидуй моему,
От зависти твоё не станет краше.
Ни другу, ни заклятому врагу
Не дам и капли счастья моей чаши.
Я хлебом поделюсь и предоставляю кров,
Спасу в метель от холодной
снежной стужи.
Но с сердца своей зависти покров
Сорви сама. Поверь, не станет хуже.
Ведь каждый сам судьбы своей творец.
Мы раз живём. И, как сказал мудрец:
«Дни жизни даже горькие ценю,
Ведь навсегда уходят и они».

...И силы сыновей да не иссякнут пусть
Их с каждым годом меньше среди нас –
Войны священной славных ветеранов.
А где-то бомбы льют,
грозит удушьем газ –
И человечеству готова
смерть и раны...
Что я могу сегодня, просто мать,
Поставить против своры огалтелых?
В строй матерей-защитниц я встаю –
Им не сломить нас, не сломать,
не переделать!

Сердца детей своих отвагой закалить
Могу сейчас, мгновения не медля.
Сегодня мне, а завтра им хранить
Мир. А войну последнюю
Оставить так – последней.
Сегодня мне, а завтра им беречь
Всё человеческое в человеке,
Под корень зло косить
И утверждать достоинство и честь –
Всегда, во всём, навеки!
А коль случится мрак –
Настанет мой черёд –
Тревожно глянет вновь
Мать-Родина с плаката...
Что я смогу тогда?
Тогда я тоже мать.
Мать матери отдаст тогда
Защитника – солдата...
И силы сыновей да не иссякнут пусть,
И жизнь их да не станет скоротечной...
На том стояла Русь,
на том стоит сейчас,
И будет так стоять неколебимо, вечно!..

Мать в ответе за всё...
Если дети мои кому зло принесут –
Осудите меня за то, люди.
Если дети мои ложью подлой живут,
Это я виновата в том, люди.
Если дети мои и сильны, и умны,
И надёжны, и честные люди,

И плоды их трудов вам,
как воздух, нужны,
С ними рядом не трудно вам будет,
Если дети мои свет и радость несут
И добра никому не жалеют, –
Значит, люди, не зря появилась я тут
И живу, как могу, как умею.

Ну что тебе сказать хороший человек?
Чем удивить тебя,
обрадовать, утешить?

Сказать, что беспрепятственно
Ты проживёшь свой век?
Ведь это всё равно,
что байкою потешить.
Нет, нам препятствия
начертаны судьбой.

Подъёмы, спуски и
на прочность испытания.
Но мы ведь сами выбирали жребий свой,
И ни к чему теперь –

ни стоны, ни роптанья.
Ведь знаешь ты, и знаю я,
что правда, честь
Всегда вперёд шли под удары.
А изворотливость,
отсутствие стыда
В довольстве от бесчестья
не страдали.
И всё-таки я не меняю жребий свой –
Дорогою своей по-прежнему иду.
Настойчивость, душевный непокой
Я уважаю. Доброту люблю.

Случилось однажды –
разверзлись две вежды,
И мир улыбнулся явленью Надежды.
Надежда для мира,
Надежда для счастья,
Надежда любви, красоты и участия.
Надежда!
Живи, каждый день процветая.
Надежда! Люби, не сердясь и прощая.
Чтоб жить и любить,
и дерзать, и творить...
Пусть нас никогда не покинет
Надежда!

Святая грешница

Россия – мать моя,
Земля благословенная – Россия!
Ты столько тягот на себе
За все века переносила?
Зачем так долго терпишь ты
Злодейства, скверну супостатов?
Зачем встают твои сыны
Под иквалы пуль из автоматов?
Россия – женщина, зачем
Доверилась тем, кто без чести?
Они не ведают стыда,
Погрызли в алчности и лести.
Жена – Россия, на себе
Несёшь забот груз непомерный.
Зачем же растерялась ты
Пред ложью, подлостью, изменой?
Россия – милая сестра,
Прощаешь ты и защищаешь
И, бескорыстная в любви,
Не помнишь зла
И зависти не знаешь.
Россия – Родина моя,
Святая в помыслах
И грешная – в деяньях,
Зачем же ты, душа моя,
Свела меня до подаянья?
Псы алчные – временички,
Зачаты в сатанинском чреве,
Не дай им Бог, Россия – мать,
Тебя узнать в великом гневе.

Тридцать четыре зимы,
Тридцать четыре весны,
Тридцать четыре лета –
С нами всё было это.
Пришла тридцать пятая осень,
И ты меня, милый мой, бросил,
Ушёл в беспросветную тьму,
Оставил меня одну.
Вдовою меня оставил,
За всё быть в ответе заставил.
Иду я одна, где ходили мы,
Люблю я одна, что любили мы,
Рассветы одна я встречаю,
Закаты одна провожаю.
На вдовью постель опускаюсь,
Тебя ощутить там пытаюсь.
Тоскливо, мучительно, холодно
Душе моей. Пусто и голодно...

Души моей лучик
Как чёрный смерч,
Беда прошла,
Дохнула холодом сквозящим.
И сжалась я – ушла в себя.
Под её взглядом леденящим.
Померкло солнце,
Стёрлись краски –
Всё погрузилось в серый сон.
Лишь лучик светлый –
Чистый, ясный –
В душе моей остался он.
Случайный взгляд твой –
Сон прервался...
Из серости – на свет скорей!
В душе притихшей отозвался –
Ты эхом, юности моей!

Снова нас свели тропинки осени.
Мы ничем друг другу не обязаны.
Просто сад грустил
Олистьях сброшенных,
Этой светлой грустью
мы и связаны.
На тропинках чёрных
листья жёлтые,
Словно звёзды по небу разбросаны.
А ведь мы с тобой
весною встретились...
Прелесть есть своя
и в красках осени.

Я с тихой радостью по осени иду,
Мне нравится – не надо торопиться.
Я в юности взлетела к небу птицей
И добрый свет вбирала на лету.
Любила милого,
была ему любимой,
Одной дорогою по жизни
с ним прошла.
В любви, согласии
и ангелом хранимы –
Живите дети.
Для – счастья всех вас
Я, когда-то, родила.

Засохшие розы в зимнем букете –
Добрая память ушедшего лета.
Притушена яркость заката, восхода,
Прекрасно цветущей летом природы.
В них аромат минувшей весны,
Вселенский покой и звон тишины.
В них слышу я сердца любимого стук,
Заботу, тепло человеческих рук.
Любовь и нежность в букете том
Зимой согревают, мой тихий дом.

Дина НАГОРНОВА-САБЫНИНА

Родилась 11 февраля 1972 года в городе Прокопьевске.

Печаталась в коллективных сборниках, газетах, журналах, хрестоматиях и литературных альманахах Алтайского края, Кемеровской области, а также в Москве и Красноярске.

В 2004 году выпустила поэтический сборник «Полночная звезда», в 2008 – «Карусель мгновений», в 2013 – «А мы не знаем цену пустякам».

Активный участник и неоднократный дипломант поэтических конкурсов и фестивалей в Кузбассе и на Алтае, победитель литературных конкурсов в интернете.

Член Международного Союза творческих сил «Озарение», секретарь прокопьевского отделения Союза Кузбасских писателей, руководитель ЛИТО «Маяк». Организатор открытого городского поэтического фестиваля «Осеннее многоцветье».

Памяти мужа Николая Нагорнова

А знаешь, в этом что-то есть -
Презреть земные неудачи
И у костра с гитарой сесть.
Пусть в небе осень горько плачет...
По струнам пальцами летать.
Купив билет на поезд в вечность.
И нежных звуков безупречность
В заката всполохи вплетать.
И в переливах тёплых строк
Черпать весеннюю надежду.
Ты в этот миг не одинок,
На грани: дня и ночи между.
Так и останешься в веках
В объёмах музыки и рифмы
Сквозь шторм и каменные рифы
Искать свой рай на островах.

Унылые клёны молчали,
Поддавшись осенней печали.
Ворчливые ветры шумели,
Качая колючие ели.
Тревожа подмёрзшие льдинки,
Стучали по лужам дождинок.
И ёжился редкий прохожий,
Во все эти игры не вхожий.
Он клял уютную осень,
Что в небе отсутствует просинь,
Что грузны пузатые тучи
И серый пейзаж всем наскучил.
Что зимних сугробов охота,
Что снег задолжала природа.
А ветер смеялся игриво,
Трепал тополиные гривы.
Из рамок приличия вышел –
Срывал обветшалые крыши.
Метался медведем по клетке,
Ломал тополиные ветки,
С одеждой прохожих игрался,
Порывом в трамвай вторгался,
Кричал: что у осени много
Есть дел на промокиших дорогах,
Что белое и голубое
Не сможет прорваться без боя...

Но первые звёзды глядели,
Как в город крадутся метели,
Как в поле уже пролетают
Снежинок пушистые стаи.

Ноябрь

Ноябрь. Уныло. Пасмурно. Печально.
Сутулятся промокишие дома.
Деревья, как душа в исповедальной,
Ждут, что мессией явится зима.
Кропят снежинки серую дорогу,
Бушует ветер в кронах тополей.
И как-то бесприютно-одиоко

В плену у этих постосенних дней.
И как-то беспричинно-неуютно
Среди урбанистических картин.
То чахлый снег,
то дождик мелко-нудный.
Апатия, хандра и липкий сплин...
Ноябрь. Смута. Хаос. Лихолецье.
И плачет дождь о миновавшем лете.

Прощанье

Мы долго и нежно прощались
На богом забытом вокзале.
Мы столько всего прошептали
И столько ещё не сказали...
Я знала, что клятвы напрасны.
Нелепо делая надежды.
Мы вступим в неясное завтра
И больше не будет как прежде.
Но вот подошла электричка,
Я быстро взойшла на подножку.
Мне было немного печально
И странно-забавно немножко.
Ты всё говорил, суетился,
Тревожно сжимал мою руку
Был как-то по-детски наивно
Сердит на злодейку-разлуку.
Я, молча кивала, не споря,
Что верю в ажур твоих сказок.
Бесстыже глазели с перрона
Полсотни анютиных глазок...
Закрылись безжалостно двери.
Ты долго бежал за вагоном
И всё же остался в минувшем,
И слился с безликим перроном.
Так я и запомнила... Лето.
Твои виноватые ласки.
Унылая серость перрона.
И клумбы в анютиных глазках.

Раннее утро. Стрелы рассвета.
Птичье трели. Запахи лета.
Шорохи листьев. Слезы дождинок.
Образы-вспышки. Мир из картинок.
Сильные руки. Солнце улыбки.
Счастье находки? Или ошибка?
Слов твоих нежность.
Губ твоих сладость.
Ты в моей жизни. Ты моя радость!
Стрелок бесиумность.
Мыслей беспечность.
Миг пробуждения. Целая вечность...

В пучине вод погибла Атлантида,
Под пеплом спят Помпея
с Геркуланой.
Пред временем насуют пирамиды,
Народы, расы, города и страны.
Сменяет лето осень золотая,

Кружатся листья
разноцветной сказкой.
Людей невзгоды радостью латают,
И красят будни розовой краской.
А утро так мучительно-красиво,
И облака над крышей белой пряжей.
По дому бродят строки молчаливо,
Вплетая в стих переживанья наши.
Но с мудростью приходит понимание,
Что это утро только миг Вселенной.
И отсверкав сияющею гранью,
Всё новое обречено и тленно.
Я знаю, этот мир исчезнет тоже.
И стильные осенние рассветы
Останутся лишь холодом на коже
Меж звёздами бредущего поэта.

Если можешь, то не пиши.
А не можешь, – дерзай!
Наши стихи витражи,
В них потерянный рай.
Наши стихи корабли,
Что явились с иных планет.
В них только капля Земли,
В них космический свет.
Если можешь, то промолчи.
А не можешь, – кричи!
Наши стихи палачи
И они же врачи.
Наши стихи боль веков
И крупинки в песочных часах.
В них эликсир чудак
И философов страх.
Если хочешь, то напиши,
Если сможешь, – не лги!
Наши стихи миражи,
Канут в Лету круги...
Наши стихи выражи
Нами пройденных трасс.
Крик одинокой души.
Всё, что есть после нас.

Гонит нас вражья сила
С пламени в полях.
Боже, храни Россию!
Нынче не до себя...
Небо покрыто чёрным -
Каркает вороньё.
Русь не склонить покорно,
Не затравить её.
Правду мешая с ложью
В выгодном свете дня,
Нас очернить не сложно.
Как отбелить себя?!
В хижинах, не в хоробах, -
Проце Иван глядит.
Если враги у дома,
Кто ж его защитит?

Эту родную пашню,
С потом за пядью пядь.
Эту берёзку нашу -
Вечно хотят отнять.
Пыжится вражья сила,
Дыбит канаты вен.
Только стоит Россия,
Не преклонив колен.

Карточное королевство

Четыре короля в моей колоде.
Я их тасую с истинным азартом.
Особенно хорош червонный, вроде.
В нём страстность
необузданного марта.
В его глазах весенних листьев зелень
И сотни недостижимых желаний.
И хочется ему бездумно верить,
И уберечь от разочарований.
В бубновом нежный бархат
летней ночи
И синих глаз безоблачное небо.
В них сразу тонешь, хочешь ли,
не хочешь.
Космически эпитично и нелепо.
В крестовом – щедрость
осени злачёной.
Он весь – успех, движение, достаток.
И чёрных глаз разящие патроны
Несут расчёта чёткий отпечаток.
Пиковый тоже мне тревожит душу –
Холодным равнодушьем награждая.
И это лёд так хочется разрушить,
С ним в недомолвки ловкие играя.
И серых глаз смущая безмятежность,
В любовь войти, как
в яростную битву.
Чтоб белой птицей зарождалась
нежность,
Чиста и бестелесна, как молитва.
Пора бы выбирать – мелькают годы.
И стать женой, возможно,
даже мамой.
Но хочется господства над колодой,
Чтоб чувствовать себя
козырной дамой.

О творчестве

* В нашей глуши пишем лишь для души.
* Оставь эпиграф. Остальное – в мусор!
* Критику: «Ты не палач – к чему рубить сплеча?»
* Однообразье и бездарность строк
Слихвою окупалось самоменьем.
* Я десять лет была твоею Музой.
Да лучше бы в порту таскала грузы!
* Как мне понять, каков твой личный
взгляд, когда твои слова – набор цитат?

Сергей ЗАГНУХИН

ЛиТerra

Родился в октябре 1962 года в Кесовогорском районе Калининской (ныне Тверской) области. Окончил СМИ г. Новокузнецка. Три года отработал по распределению в Комсомольске-на-Амуре на заводе «Амурсталь».

Впервые написал заметку 1995 году для газеты «Сельский труженик». Более серьёзно Сергея взяться за перо побудила Лариса Павловна Савицкая – тогда ведущий журналист газеты «Кузнецкий рабочий». С её лёгкой руки в газете довольно регулярно стали появляться его заметки, статьи, путевые очерки, первый – о путешествии на Байкал 2005 года: «Хождение за три региона». Следующий поворот в писательской карьере нашего героя случился после того, как в библиотеке ему поручили курировать клуб любителей фантастики. Особая творческая атмосфера, созданная президентом «Контакта» Ником Калашиниковым и другими контактовцами, вдохновила Сергея к написанию художественных, зачастую фантастических, рассказов.

Ещё одно увлечение Сергея: участие в сетевых литературных турнирах, но только в последние годы некоторые его рассказы на литературных порталах «Фензин» и «Полки книжного червя» стали занимать призовые места в небольших литературных конкурсах, в частности: «Палеоконтактом по кумполу», «Невеста Кутха» и «Баба Юля» – первые; «Один день» и «Пиг, Ма, Лион и прекрасная Галатей» – вторые; «Рыцарские страдания», «Тайна Кровавой Мэри», «Ода врагу» и «Таких не берут в космонавты» – третьи. Любовь к малой родине побудила начать цикл «Ностальгия по детству». Ещё одна школьная страсть – увлечение историей, вдохновляет на написание исторических рассказов. Туристическая жилка тоже находит отражение в творчестве Сергея: после каждого похода появляются путевые заметки, рассказы и миниатюры.

Родное приволье

Глава из книги «Ностальгия по детству»

Предисловие автора

Пять лет назад я начал писать свою книгу «Ностальгия по детству». Так получилось, что пишется она только в деревне, а в городе всегда что-то другое оказывается более актуальным, поэтому и дело так затянулось. В этом году тоже не было в планах приехать в родные Поддёлки, но вдруг со всей серьёзностью подумалось, что годы идут и я, вполне возможно, просто не успею её закончить, поэтому бросив все другие планы на отпуск, пошёл брать билеты из Новокузнецка в Москву. Да и в плане отдыха малая Родина не уступит самым красивым и популярным местам России.

Мне есть с чем сравнивать, ведь за три года, прошедшие с последнего моего визита в Тверскую область, я побывал на Байкале, обследовав это «славное море» от Чивыркуйского залива на востоке до мыса Уюг на западе, совершил автопутешествие по Чуйскому тракту Горного Алтая до монгольской границы, исследовал новые для себя места Кузнецкого Алатау. В результате появилось два новых фильма «На Оке по Чуйскому тракту» и «Дневник одного похода, или Соус по Терень-Казырску». Знакомые с интернетом могут найти их в сети. Съёмки по Байкалу ещё лежат дома на монтажном столе.

Но куда бы меня ни забрасывала беспокойная натура, я всегда помнил о долге перед малым отечеством, который я сам на себя возложил. Поэтому в этом году решил написать основную часть книги и в ближайший год издать хоть небольшим тиражом.

И вот теперь выношу на суд земляков очень важную для меня главу о природе родного уголка. Всё это написано с опорой на мою детскую память и личное восприятие, поэтому очень субъективно и не претендует на окончательную истину.

Лес

Деревня наша, как вы помните, называется Поддёлки, и она полностью соответствует своему имени. На западной стороне от леса её отделяют только усадьбы и узкая полоска вспаханного поля, на котором колосится низкорослая пшеница. Раньше же со стороны Кесовы ельник подступал прямо к бабушкиному огороду, я сам этого не помню, деревья к тому времени уже спилили, но я отлично знаю это поле с пнями между которыми мы частенько играли во что-то. Несколько ёлок осталось только по канаве, начинавшейся сразу по краю бабушкиной усадьбы, и даже в них мы частенько в грибной год находили хорошие грибы. Да и сейчас узкий клин леса своими кустами подходит к деревне всего метров за пятьдесят. На другом конце деревни последние оставшиеся рощицы, в основном берёзовые, отступили чуть дальше – метров на триста.

Так что, как вы понимаете, леса мы не боялись с самого раннего возраста, ходили туда сначала со старшими за ягодами и грибами, а потом уже самостоятельно, сбившись в разновозрастные стайки. Всегда желательно было присутствие одной-двух девчонок постарше.

Самые первые ягоды, за которыми мы собирались в лес с родителями или ребячьим гамбузом, это земляника. Росла она на лесных вырубках, пока их не заплотняла молодёжь деревьев и кустарники, любит она солнышко, наливается от его света и тепла красной сладостью. До сих пор самым вкусным вареньем считаю земляничное, хоть за свою жизнь перепробовал самых разных. Зато и собирается земляничка с большим трудом, ибо ягодки маленькие и растут низко. Сколько приходилось поползти по траве или походить, согнувшись буквой зю между пнями, прежде чем наберёшь хотя бы половину литра. Поэтому и земляничное варенье я ни разу не видел в большой таре, всегда это довольно маленькие банки. Не помню уж в каком возрасте смог я насобирать на семь-

сотграммовую, так хранил его, как зеницу ока, строго до своего дня рождения и потом открывал только по большим праздникам. У нас в Сибири есть неплохие ягодники луговой клубники. Её собирать легче. Она растёт кучнее, да и по размеру крупнее, но вкус далеко не дотягивает до

лесной земляники... Особенно из детства...

Реже ходили за черникой, а сейчас, мне кажется, её и совсем не собирают. Так-то черничные кусты растут по всему лесу, но ягоды на них встречаются редко, а чтобы ещё и собирать, нужно, похоже, знать какие-то особые заповедные места, хра-

нимые знатоками в глубокой тайне. Ну, мне так просто кажется. Да я и не интересовался особенно, у нас в горной тайге Кузнецкого Алатау черника растёт, как говорится, в промышленных масштабах огромными полями, там её руками-то никто не собирает, только специальными совочками в огромные короба. Я вот только по привычке щиплю руками, если удаётся выбраться на сбор, так и набираю три-пять литров.

В детстве же, помню, тут в деревне ходили за черникой на Поповку, это такой небольшой лесок где-то на юго-восток, в сторону Брылина. Он раньше принадлежал Карабузинскому попу, там до советской власти была церковь. Девчата постарше собирали там литровую или поллитровую банку.

А самая популярная лесная ягода, конечно же, малина. После земляничной стадии лесная вырубка зарастает в первую очередь кустарником, в том числе и малиновым, и пребывает в этой стадии довольно долго, может до десятка лет, пока подлесок не поднимется всерьёз и не вытес-

дилось ходить чуть ли не «к трубам». Это у нас не очень далеко проходит магистраль большого трубопровода.

Где-то на самой границе памяти таится самое раннее воспоминание из детства о том, как дедушка заготавливал дрова. Ему выделили какую-то делянку, помнится в березняке, и ещё с кем-то они их спиливали или срубали, возили волоком на лошадках, а у дома пилили и кололи, ветки собирали в охапки и связывали — это для растопки, ведь поленья сами по себе не очень загораются.

Но самый большой лесной интерес, конечно, грибной. И родители брали с собой на эту «тихую охоту», особенно отец, и своими компаниями ходили посмотреть «по краешку», да и с дедушкой успел походить, когда подросток.

До сих пор помню один из походов детской компанией, очень тогда удивились домашние, когда я принёс много ножек от белых грибов без шляпок. Я же объяснял, что мы ходили с другом Юркой вместе, чтобы не потеряться, так же и собирали — пополам. Бабушка или дедушка мне тогда

помню некую ограду, не знаю уж, что она там огораживала. Я сам сторожки уже не помню и лесников тоже не видел, зато в грибной год родилось там много белых. В самое богатое лето мы брали только их, игнорируя все остальные грибы. Сохранилась фотография 1967 года, где мы с отцом стоим с полными корзинами белых, да ещё и пиджак или плащ связанный мешком полон с верхом.

Сейчас раз в несколько лет тоже случаются урожайные годы, но только я на них как-то не попадаю. Хотя этот год вполне грибной. За полторы недели, не напрягаясь, я насушил полотняный мешочек, которого может хватить года на два, ведь грибной суп сейчас скорее экзотика, не так часто мы его готовим. Во времена детства наших родителей, это был один из основных продуктов питания, чуть менее важный, чем картошка, капуста и мука. В голодные времена, как рассказывала тётя Валя (старшая мамина сестра), основным блюдом были пустые щи с грибами, которые бабушка ещё называла «мясо на одной ноге». Иногда они могли послужить и вместо валюты, — как-то у заезжего торговца семья мамы выменяли килограмм дефицитной соли на килограмм шляпок сушеных белых грибов. Быстренько оторвали у белых шляпки, потом сами ели суп из одних ножек.

Ещё лес выручал бабушку и дедушку в содержании скотинки. Сена с усадьбы не хватало на весь год, и они косили и сушили разные полянки и болотца, а в суровые годы колхозникам и этого не полагалось, поэтому вывозили тайно, чтобы лесник не поймал. Деда Лёша любил рассказывать почти детективную историю как из-за пары лесных копёшек с тогдашним лесником, чуть ли не соседом, они переписывались посланиями на бересте и почти стихами. За давностью лет сейчас сами вирши уже не вспомню, но смысл примерно такой: «Вот ты накопил, а не положено, поэтому вывезу я». «Нет уж, сами накопили, сами высушим, сами и вывезем». И вывезли-таки, правда, пришлось запрягать лошадь и ездить ночью или очень рано утром.

Меня такое раннее знакомство с лесом и грибами всю жизнь выручало тем, что я всегда знал какие грибы съедобные, а какие нет. И в Сибири и на Дальнем Востоке мне никогда ни у кого не приходилось спрашивать, наоборот, своим полностью городским напарникам разбирал их лесной улов чтобы не набрали какой ядовитости. Незнакомые грибы никогда не брал, даже если мне божились в их хорошесть. За всю жизнь ни разу не отравился грибами. Единственно, иногда случались забавные сцены из-за двойных названий. Дело в том, что тут у многих грибов бытуют свои местные имена: зайчушки — лисички, дуньки — свинухи, юрни или чернушки — чёрные грузди, отварушки — сыроежки. Так я в большом мире не всегда соображал вовремя перевести, чтобы не посвящённые меня поняли, и до сих пор путаюсь без картинки насчёт серяков и боровиков, которые из них подосиновики, а которые подберёзовики.

Если вернуться к детству, то несколько лет подряд мы с ребятами строили в лесу шалаши, причём полностью сами, чтобы никто не знал. Брали топоры, пилы, гвозди и шли выбирать место. Конечно, старались найти место не очень далеко от края, но достаточно скрытное. Ёлки мы, конечно, не валили, обходились ольхой. Шалаша

три, наверное, соорудили, последний даже с дозорной лестницей. Выбрали четыре ели как живые столбы и две из них росли близко друг от друга, между ними мы и набили ступеньки на приличную высоту. Так как этот был уже последним из наших лесных строений, то вышел вполне добротным и выстоял несколько лет.

Ещё мы любили ходить в лес жечь костры, сначала у шалаша, а потом уже и так, последнее место выбрали у самого края нашего ельника, как раз примерно посередине между Подъёлками и Григоровом, оно и до сих пор, похоже, действующее, там сейчас в наличии столик, лавочки и какая-то загогулина для шашлыка.

Что ещё могу сказать, несмотря на перемены с лесными покосами, в советские годы за лесом следили, вовремя прореживали, не давали одичать. Сейчас же, похоже, у нашего леса нет хозяина. Его постоянно вырубает, так что лесной массив уменьшается, вырубки же зарастают диким кустарником и подлеском, когда это всё вырастет, там и ходить будет невозможно. Тот же лес, который ещё остаётся, тоже теряет проходимость, постоянно приходится блуждать между упавшими деревьями, забираясь в какие-то дёбри. Никакого сравнения с лесом моей молодости, три года назад не смог пройти в Синюгино, заплутал в этих буреломах и вышел на Якиревские поля. В этом году добрался по дороге от Якирева, посмотрел на кормушку для лосей, заснял на видео большого дятла в его «столовой», ползал между деревьев, они даже попадали тут более упорядоченно крест-накрест. Хорошо бы возобновился присмотр за лесом, как при советской власти. Причём, это не только моё мнение и не имеет отношения ко всем известному феномену восприятия, что в детстве и небо синее, и трава зеленее, и лес выше и стройнее. Правда, так лес приближается к своей первозданности, ещё до появления в них современного человека, ходить только по первобытным лесам оказалось трудновато.

Поле

«Поле, русское поле...» — поётся в известной песне, и, действительно, какая же коренная Россия без шири полей и тучности нив? Наши просторы тут не исключение. Почти вся земля не занятая строением, лесом или пастбищем, как раз и является полем, сенокосным или посевным, только уже колхозным. Из культур выращивали у нас зерновые: рожь, пшеницу и овёс; сеяли лён и горох, сажали картошку и свёклу, было даже поле с турнепсом, да, наверное, много чего ещё выращивали в советско-колхозные времена, но эти я помню самолично. Кроме того, каждая изба, кроме огорода, имела и кусочек луга — усадьбу.

Лучше всего я знаком был, конечно, с нашей усадьбой. Бабушка моя Мария Григорьевна Грачёва с дедушкой Алексеем Константиновичем держали обычно для тех времён хозяйство, — корову, овец, телёнка, поросёнка и кур. Так что сена на зиму нужно было много, и меня заставляли помогать, развалить утром копёшки сена ровным слоем по земле, повернуть его в обед и скопнить к вечеру. Потом готовое сено привозили на телеге и складывали его на двор, мы помогали подавать наверх или принимать там и потом утаптывать чтобы больше вошло. Помню по малолетству и юности, всё это казалось

нит малиновые заросли. Отдельные кусты могут там расти и после, но для собирания они уже интереса не представляют. Самый долгоиграющий малинник, который я знаю, много лет живёт себе потихоньку недалеко от деревни на просеке линии электропередач к деревне Якирево. Мы щипали там малинку ещё в детстве и в какой-то из засушливых годов, после, будучи взрослым, я набирал там себе на сушку несколько бидончиков. Сейчас я сам себе хозяин и могу собирать в своё удовольствие, пока это является отдыхом, а как только надоедает, разворачиваюсь к дому. В детстве же, особенно когда ходил с мамой, приходилось щипать и через силу потому что «надо». Мама у меня брала обычно небольшое ведёрко и собирала ягоду очень быстро двумя руками, подвязав его себе на пояс. Сейчас я тоже так делаю с бидоном или небольшой «ягодной» корзинкой. Очень удобно. А тогда чаще собирал в баночку и высыпал маме в ведро. Польза от меня, конечно, была, но как же это всё надоедало уже к середине сбора. Зато совместными усилиями иногда наваривали целое большое двенадцатилитровое ведро малинового варенья, хватало и себе и поделится с родственниками в Москве.

Так как лес у нас тут периодически вырубает, то, насколько помню, всегда были подходящие просеки, хоть иногда прихо-

объяснили, мол, шляпки более ценные, чем ножки. Такая вот история, почти как сказка о том, как мужик и медведь репу сажали, одному верхки, а другому корешки, только я сыграл в ней роль глупого медведя.

А серьёзно знакомил с лесом отец, он-то и показывал мне где Осинники, где Синюгино. О — Синюгино! Это особая песня. Когда меня ещё не брали с собой по малолетству, а говорили, что ходили в Синюгино, для меня это звучало, как поход в сказку, я даже говорил, как будто через разрядку и большими буквами: С-И-Н-Ю-Г-И-Н-О! Потом папа взял меня туда лет в пять, ещё до школы. По дороге мы встретили нашу соседку бабу Катю «Хохлиху», её везли туда же на телеге, меня тоже подсадили и я ехал какое-то время до места. После этого случая, наверное, я укрепился в своей мысли, что Синюгино это далеко. Только дойдя туда после армии за каких-то, наверное, полчаса, с удивлением понял — а ведь тут и ходить всего ничего, но свои детские реалии и фантазии во взрослом состоянии зачастую кажутся странными и нелепыми.

Собственно, Синюгинский лес отличается от всего остального только тем, что часть ельника там посажена и стоит стройными рядами. Когда-то там стояла избушка, которую называли «Пулина сторожка», поскольку жил в ней лесник Пулин. Я ещё

мне тяжким трудом... Хотя поутру меня часто жалели и не будили, но ворочать... Да для этого ведь, как правило, нужно было возвращаться с реки... Очень, очень был я не рад этому труду, даже какие-то глупые стишки по этому случаю придумал и декламировал их про себя, орудя граблями. С этими граблями, кстати, забавное словотворчество учудила старшая двоюродная сестра из Ленинграда. Она тоже помогала в сенокосе, не одного же меня приобщали к крестьянскому труду и потом в школьном сочинении на тему «Как я провела лето», умудрилась написать: «Мы с бабушкой в усадьбе грабили сено». А я даже и не помню, чтобы писал где-то о своём «трудовом подвиге».

На этом примере можно увидеть, как меняется восприятие некоторых вещей с годами. Довелось мне уже во взрослости застать время, когда у бабушки ещё была какая-то скотинка (вроде бы козы), и весь этот цикл с сеном пришлось выполнять мне одному, разваливать, ворочать, копнуть, потом готовое таскать на двор, затянув изрядную охапку верёвкой или в беркуне (большой плетёной корзине), единственно что косить так и не научился. Так весь этот труд, казавшийся в детстве каторгой, воспринимался просто как ещё одна форма отдыха, хороший вид релаксации от городских забот.

Был ещё и огород, но что-то я не помню своих особых отрицательных эмоций по поводу работ там, даже во время копки картошки. Наоборот, с огородом связано больше приятных воспоминаний, ведь там всегда можно было чем-нибудь похрустеть не морковкой, так яблочком или собрать и кинуть в рот горсть-другую ягод, да мало ли чем ещё поживиться. К тому же я как-то не воспринимаю его частью поля, поэтому не буду останавливаться подробно.

К колхозному селу мы отношения не имели, единственный раз нас как-то попросили помочь с сенокосом, не знаю по какому случаю, но ли сена было в тот год много, то ли работников мало. И вот всю нашу мальчишескую вольницу несколько дней, не больше недели, бригадир наряжал на работы наряду со взрослыми колхозниками. Помогали мы скирдовать сухое сено, не помню уж снизу или сверху, а может и там и там на подхвате. Было это один раз и почему-то особенно в памяти не удержалось, зато отлично помню, как мне выдали семь рублей «сенокосных» и почему-то юбилейными монетами, я их все сложил в карман и ходил, как павлин, гордый этими первыми своими заработанными деньгами. Потом всё-таки положил дома, уж больно карман оттягивали, и брал уже по мере надобности на кино и другие свои нужды.

К посевным полям мы городские, никакого отношения не имели, разве что наравне с деревенскими детьми набивали карманы горохом, когда проходили мимо по дороге в Никольский клуб, где по вечерам крутили кино. Старались, конечно, сильно посева не мять, но это не всегда получалось. Да ещё бегал я смотреть уборку зерновых, когда дядя Коля работал на комбайне. Наверное, дядюшка и прокатил бы пару раз на этом огромном, гудящем агрегате, ползущем по полю в пыли и соломенной трухе, за штурвал вот не пускал, разве что разрешил раз-другой подержаться. Ещё все мы ходили смотреть как зерно сушится, это было возможно, когда зерно не увозили сразу, а обрабатывали в старой шохе, за Григоровым. Помню только

большие груды зерна и транспортёр, подававший его к сушилке или от неё.

Были в нашей округе и не паханные и не кошенные луга, их использовали для выпаса деревенского стада. В детстве чаще всего за ним ходили два пастуха, один постоянный дядя Митя Торопов, а другой менялся. Но случился год, когда пришлось пасти всем по очереди. Дедушка был в довольно пожилых годах, и я ему помогал. Вот тогда и узнал все особенности этого дела, со стороны казавшегося занятием для ленивых. Скотина постоянно норовила уйти в лес или забраться на поля, и мне, как обладателю более молодых ног, приходилось изрядно побегать. Трудность состояла ещё и в невозможности мне по малолетству, применять исконно пастушеский язык, ведь он практически состоит из одного мата, поэтому скотина меня плохо слушалась. Дедушка тоже старался не подавать мне плохого примера, так вот и умудрились мы – старый да малый, пасти культурно, обходится простыми, вполне цензурными криками и шелчками кнута. Я же вообще, наверное, бегал с простой палкой.

В лесу ещё была замечательная большая поляна, по дороге к Житковому пруду, когда-то давно там была дневная лёжка для стада, давно не использовавшаяся, там вырастали большие, просто огромные кузнечики, ребятишками мы ходили туда за этими кузнечиками и за цветами, примерно в той стороне по межевой канаве росли редкие у нас лесные фиалки. Надеюсь, мы не все их вывели. Вообще-то цветы росли на всех полях и лугах, а лён в пору цветения и сам очень красив, в хлебах же между колосьями прятались замечательные васильки, но цветы всё-таки собирали больше девочки, потом из них плели венки, несли домой букеты. Я же одно лето вдруг решил стать энтомологом, изучать насекомых и собирал в коллекцию на иголки бабочек, старался ловить разных, не только крапиволиц и капустниц, но поймать и павлиний глаз и большую траурницу. Другое лето решил завести гербарий и сушил в больших томах Гоголя и Лермонтова разные цветы и листья. До сих пор из этих книг при перелистывании иногда выпадают старые, выцветшие скелетики тех растений.

Всё это наше знакомство с родными полями не идёт ни в какое сравнение с долей наших родителей, ведь они-то были колхозными ребятами и их не просили потрудиться в редкий год, а просто наряжали на работу при вхождении в подходящий возраст. Приходил бригадир и распределял, ты на покос, надел с вечера отмерим, ты – туда, ты – вот туда. Мама вспоминала, что её – девочку старшешклассницу пытались нарядить косить, но у неё ничего не вышло и её перевели на более привычные работы с граблями и вилами. Ребятам же поневоле приходилось осваивать все инструменты и операции, боронить вот, например, пахали-то, конечно, взрослые. Не будем забывать, что это были тяжёлые послевоенные годы, все сельхозработы вытягивали на лошадях, трактора пришли на помощь попозже.

Бабушка вспоминала времена коллективизации в 29-30 годах, когда разваливали индивидуальные хозяйства и объединяли в колхозы. Недобровольным был общий труд, не будем кривить душой. Тогда и потерялись навыки кропотливого и тщательного труда, характерного для личного хозяйства. «Молодым-то нравилась общая

обработка, – рассказывала Мария наша Григорьевна, – не столько работаешь, сколько сидишь да лёжишь. На своём-то поле, как пришёл, так роботай да роботай, а тут как что, так, давайте отдохнём. Которые пожилые беспокойные начнут поторапливать – давайте вставайте, а мы молодые ругать начнём их – что вам не сидится, только и бегае. Вот Онечка ходила такая, потом из Григоровых старуха – Самолёт, тоже беспокойная, за это её и прозвали».

Сейчас только в фермерских хозяйствах может быть вернут те навыки ответственного труда и то вряд ли, тут нужно чтобы сменились поколения. Хотя, вот поля возле Подъёлок, принадлежащие товарищу детства Сан Санычу Агафонову, выглядят, на взгляд дилетанта, очень прилично.

Река Кашинка, пруды и ручьи

Кашинка – это единственная речка, которую я в раннем детстве. В Новокузнецке у нас, конечно, есть Томь гораздо более серьёзная река, но так как каждое лето я проводил в деревне, то познакомился с ней поближе только уже подростком, и долго представлял себе её примерно как Кашинку. Безусловно, я видел и другие реки, хотя бы когда ехал на поезде в свою Калининскую область, но это всё было со стороны, а не личное знакомство.

Теперь я побывал во многих уголках Земли, и близко пообщался со многими реками, среди них такие выдающиеся, как Амур, Бия или Катунь и небольшие горные речки Казыр, Амзас или Тельбес, но самое тёплое чувство до сих пор испытываю только к Кашинке, ведь она единственная тихонько течёт себе все эти годы на малой Родине. А малую родину не выбирают, и любовь к ней невозможно привить, это чувство, как мне теперь известно, врождённое – оно либо есть, либо его нет. И далеко не всех людей Бог награждает этой любовью.

Первой познакомила меня с рекой мама в самом моём раннем возрасте, есть у нас в сторону Ощеринского брода чудесное мелкое местечко с большим камнем ближе к нашему берегу.

У меня к этому тайному уголку всегда было отношение как к личному сакральному центру.

В каком бы возрасте я ни приехал в Подъёлки, всегда находил время совершить своего рода паломничество к этому камню, посидеть на его тёплой поверхности и подумать о жизни или о вечности, вспомнить детство.

К сожалению, каждый раз приходилось с грустью отмечать как этот священный мегалит всё больше и больше зарастает, и погружается в берег. Сейчас на виду остался только небольшой кусочек поверхности.

Мама приводила меня походить босиком по песчаному дну, поискать красивые камушки или двусторчатые ракушки, побегать за рыбками. Сама же иногда ловила корзиной раков в водорослях и тростниках. Таким образом, мы иногда приходили домой с добычей, разжигали керогаз и варили до полного покраснения этих водных жителей.

Мы и сами бегали мальчишеской ватагой сюда за раками, только ловили просто руками. Я, как городской, мог хватать только вылезавших на отмели любителей погреться, а другие шарили по водорослям,

тине и даже забирались руками в норы под берегом. Домой, как правило, не таскали, а разжигали прямо на берегу костёр и жарили на открытом огне. На вкус раки почти один в один с креветкам или крабами (довелось попробовать на Дальнем Востоке).

Ловили мы на Кашинке и рыбу, я большим любителем не был, но отдал дань этой забаве, до сих пор помню тот азарт, охватывающий тебя в момент, когда полосатый окунь или красноглазая плотвичка бьётся на леске, взмывая из воды. С тех детских времён, кстати, почти ни разу и не приобщился к этой забаве настоящих мужчин. Только несколько лет назад, вывезя сестру с племянницами отдохнуть в живописное место Горной Шории, решил позабавить девчонок и, привязав леску со всем снаряжением буквально к первой попавшейся коряге, минут за десять поймал две небольшие плотвицы. Чистить их никто не захотел, и мы отпустили обеих обратно в реку.

Потом ещё небольшой рассказ написал про это «Ненапряжный отдых, или Удочка из коряги». С того времени и узнал, что у меня неплохо выходит писать в жанре путевых заметок. К настоящему времени, опубликованы некоторые из них, такие, как «На «Оке» по Чуйскому тракту».

Наиболее живой ребячий интерес к Кашинке был, конечно, в купании, я и плавать тут научился. Сначала «по собачьему», потом более прилично. Как только мы выросли настолько, чтобы нас отпускали на реку одних, мы с ней почти не вылезали, не считая досадных отлучек на обед или то же сено. Причём, сидели в воде буквально «до посинения», порой приходилось на берегу попрыгать для согрева. Что же привлекало нас помимо самого купания? Частенько это была игра в догонялки, тоже самое что и на суше, только в воде, один голил, то есть старается догнать кого-нибудь и «запятнать», а так как река у нас всё-таки небольшая и простора для манёвра немного, приходилось пошевеливаться и уходить нырком или хотя бы бегом по мелководью. Тут меня выручало вдруг открывшееся «длинное» дыхание, я мог пронырнуть насквозь вдоль или поперёк любую купальню, этим и спасался на глубине от водивших или доставал других, если меня все-таки пятнали.

Купались мы чаще всего на «малом плесу» или «григоровских купальнях». И если плёс стоит сейчас в полном забросе, разве что я использую его по назначению, то купальня (она теперь одна – объединённая) заслуженно пользуется прежней популярностью.

Наряду с «малым» был ещё и «большой» плёс, метров пятьдесят вниз по течению, там купались большие мальчишки, соорудили себе на берегу доску для прыжков в воду и нас не пускали. Увы, к тому времени, когда мы сами выросли до больших, он зарос и стоял в забросе. В этот свой приезд прошёл до него по воде от малого плёса – не такой уж он оказался большой и глубокий, разве что Кашинка с тех пор обмелела.

А самая глубокая купальня теперь у Тишино, там, где раньше была мельница, мы в детстве говорили «у тварИ!» (с ударением на «и») и купаться опасались, рассказывая, что там живёт огромный сом, который запросто может проглотить любого ребёнка или собаку. Теперь там многие купаются и с детьми, так как у берега мел-

Покорительница Сибири

ко и очень удобное песчаное дно, а для взрослых есть где понырять и поплавать. Зато мы иногда заходили к своим Якиревскими друзьями на их купальню чуть подалее.

С водной стихией нас ещё связывали пруды. В Подъялках их раньше было два (если не считать прудиков в огородах), в них мы не купались, а ловили на удочку карасей, да во время увлечения юным натурализмом сачком тритонов, головастики, жуков-плавунцов и прочую живность. Я и сейчас спокойно отличу личинку стрекозы от личинки плавунца. О, эта последняя — страшный хищник, для пруда ужасней динозавра, она вцепляется в свою жертву жвалами, прокусывает хитиновый панцирь и впрыскивает внутрь свой пищеварительный сок, который разъедает тело несчастного.

Потом этот монстр выпивает жертву, как питательный бульон и от неё на дно падает только пустая оболочка... Хорошо, что они маленькие и человек любого возраста им не под силу, а на суше таких чудищ не бывает, тут нам здорово повезло.

Ещё один пруд — Жидков есть у нас в лесу, недалеко от той поляны, где мы ловили кузнечиков, в него тоже кто-то запустил карасей, и они там выросли до призрачных размеров, только ловить их там было трудновато, ибо берега здорово заросли тростником.

Но находились любители-рыболовы, которые мостили импровизированные гати, а один чудак (на букву «м») из Питера Дмитрий Никулин захотел как-то захватить всех карасей, спустив для этого воду из пруда. Хорошо, что кишка у него оказалась для этого тонка, но остатки той канавки видны и сейчас.

Ещё у нас протекают лесные ручьи, по ним раньше даже мерили расстояние: «Сегодня ходили за грибами за третий ручей», причём почему-то с ударением на «у» — ручей. Так вот, один из них — первый, хоть и начинается в лесу, но потом течёт по кустам у другого конца деревни и впадает в Кашинку недалеко от «Поповки». Тут он именуется уже с нормальным ударением — ручей. По весенней большой воде в него заходили шурята а, когда вода спадала, не могли вернуться в реку и росли в заводях, питаясь, наверное, лягушками.

Так вот, к концу лета мы устраивали на них охоту с самодельными гарпунами, вилками на палке. Главное в этом деле скорость броска, шурята стоят в воде абсолютно неподвижно, но если заметят опасность, только поднятая муть покажет, что тут кто-то был. В больших же заводях на них приходилось ставить настоящую «рогатку» снасть с рыбкой-живцом, как на больших щук в реке.

Вот такие, несколько сумбурные воспоминания у меня остались о природе малой Родины, тогда мы не задумывались о её красоте, всё воспринималось как должное и привычное.

Сейчас другое дело, никуда не выхожу без видеокамеры или фотоаппарата, чтобы не упустить любой мелочи: спешащего по своим делам ёжика, кружащих в небе орлов или коршунов, бабочку на цветке, росу на листе, белую кувшинку в реке. Ведь запечатлённые в памяти и на записи эти мелочи помогут потом пережить целый год трудовых будней с их заботами.

Кто покорила Сибирь? У коренного населения тут может быть своё мнение, но мы имеем в виду с точки зрения России.

Конечно же, первыми были казаки и служилые люди, потом староверы, ссыльные, купцы, переселенцы... Да много всякого народа вспомнить можно, за всё время освоения. Отметилась и комсомольская молодёжь. В числе коей оказалась и моя мама. А то как бы занесло её сюда из Тверской глубинки.

Но всё по порядку. Жила была в глухой деревеньке Кашинского района Калининской области обыкновенная девчонка. Бегала в школу за два километра, помогала дома родителям по немаленькому хозяйству, работала в колхозе. Когда по неосторожности младшего брата сгорела изба, хватил лиха со всей семьёй. Случилось и голодать, и потрудиться.

Но, слава Богу, трудные времена отступили, девочка выросла в девушку стройную и миловидную, с законченным семилетним образованием. Хотела выучиться на зоотехника, а может и поучилась немного, но вернулась в школу — получить полное среднее образование. Звёзд с неба не хватало, но без особых драм и коллизий продвигалась к десятому классу.

Был у неё ухажёр, почти жених, из села километра за четыре. Времена тогда в деревне, да и в городе, были строгие — не сегодняшним чета. Так что дружили они, по нынешним временам, очень целомудренно, ну разве что целовались на крыльце, когда провожал он мою тогда ещё просто Людмилу, без Алексеевны, с танцев или из кино.

Так всё бы завершилось просто и банально. Закончила бы мама школу, вышла замуж, работала в колхозе, родила меня... И жил бы я теперь в европейской части нашей необъятной страны с совершенно другим отчеством — Борисович... Только вот я бы это был или нет большой вопрос.

Но тут появился на горизонте и другой красный молодец — мой папа. Нет, так-то он тоже из соседней деревни, по возрасту на пять лет старше моей родительницы, и с мамой был знаком, даже успел проводить её до дома несколько раз. Только задружить не успели, как его призвали в армию. Ждать его мама не обещала, так что никаких измен тут не было. А служили тогда по три года, но папа регулярно маме писал, открыточки слал, в общем, поддерживал знакомство.

Отслужив же, мой папа Володя назад не вернулся, воспользовался случаем сбежать из деревни и демобилизовался сразу на большую сибирскую стройку. Устроился тут монтажником-высотником, поработал, осмотрелся и понял, что созрел для семейного счастья. В общем, дождавись отпуска, поехал на родину жениться. Мама Люся об этом была совсем не в курсе, жила себе потихоньку, дружила со своим колхозником, но папаню, благодаря его эпистолярным упражнениям, конечно, помнила.

Времени у родителя на ухаживания было в обрез, так что главную цель своего приезда он родне объявил сразу — женить-

ся. И на ком тоже не угаил. Старшая сестра было посомневалась, девушка, конечно, миловидная, грамотная и работящая, да какая-то больно тихая. Вот, мол, возьми лучше Томку Суханкину, бойкая и на баяне играет. Так что и маманя у меня могла другой оказаться... Да вот был ли бы это опять же я...

Но, к счастью, папа без раздумий отнёс все эти провокации:

— Женюсь только на Людмиле!

Так с места в карьер и бросился в атаку. Что уж он там ей пел, какие картины маслом рисовал, я не знаю — со мной мама не делилась, может, сестре рассказывала, но согласилась родительница. Я вот тоже, по молодости, если мне сильно что-то надо было, в таких стихах и красках мог расписать, что почти всегда маму ублачивал. От бати, наверное, досталось.

Может, конечно, у них и любовь вспыхнула, но скорей всего все было проще — поманила маму возможность вырваться из колхоза. Чтобы село не обезлюдело, деревенским паспортов не выдавали, а без документов ни прописаться, ни на работу устроиться, такое своего рода крепостное право. Вот молодёжь и изворачивалась как могла, женитьба же на выезд была одним из железных поводков паспортизироваться и отбыть. Сговорившись, пошли Люся и Володя к бабушке и дедушке, маминим родителям, благословения просить. Не то чтобы у них была очень патриархальная семья, но по обычаю. Может папа и не сильно приглянулся маминим предкам, я потом замечал, что батя в деревне как-то недолго гостил, но мешать дочериному счастью не стали, поставили только несколько условий.

Никаких испытательных сроков в деревне не предусмотрено, так что свадьбу готовили по-быстрому, может, недели и хватало. За это время новость разлетелась по округе, и к маме Люсе приехал разбираться её деревенский жених, зачем-то ещё и охотничье ружьё прихватил. Она же, вот смелая, вышла поговорить за деревню. Но, слава Богу, никаких Шекспировских страстей не случилось. Прибежала бабушка и увела мою родительницу домой. Больше они с этим Бо-

рисом Молодцовым и не виделись.

Тут и день торжества пришёл. Расписались в сельсовете, а застолье дома устроили. Свидетеля папа с собой из Сибири привёз — друга Проню, он тоже хотел себе невесту присмотреть, но не сложилось.

Отпраздновав, молодым постелили в горнице, только одно из условий от прародителей было, чтобы мама пока осталась девушкой, а папа пусть едет в Сибирь и приготовит там жильё. Но слово словом, а чтоб подальше от соблазна к ним в горницу подсадили бабушкину сестру Ольгу. Вот, так и ночевали — они на постели, а она на большом сундуке с бабушкиным приданым.

На следующий день народ пришёл поздравлять молодых и старейшая жительница деревни баба Пана, говорят, к ней по молодости женихался последний помещик, разбила на пороге горшок, а он возьми и не расколось. Вот так.

Ну, отец сразу поехал с жильём решать, мама осталась документы выправлять и ждаль весточки.

Где-то через месяц и она двинулась. Сняли они комнату в частном секторе, но там долго не задержались. Пока батя был в командировке, хозяин стал приставать, сядь, говорит, ко мне на кровать. А сам дверь запер, благо окно низкое было, и маманя прямо в него и выскочила. Хорошо, что обзавелась знакомой, было к кому убежать. Когда отец вернулся, пришлось им к нему в общагу перебраться. Общежитие не семейное было, а порядки строгие, и хоть мама и законная супруга, а стыдили её там, как какую непутёвую. Особенно комендантша старалась, у неё дочка была на выданье и она на батю строила далеко идущие планы. Он же эту деревенщину привёз.

Зато когда родителям выделили комнату в коммуналке, тогда говорили «в секции», радости их не было предела. Мама работать устроилась и в вечернюю школу поступила, хотела всё-таки десять классов закончить... Да обстоятельства помешали — родился я собственной персоной. Сын своего отца и своей матери.

Вот такая у меня мама — покорительница Сибири.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Цель вижу, разрешите пуск?

Рассказ

Поезд отправился строго по расписанию. Полковник Косых Анатолий Михайлович прыгнул на подножку вагона в самом конце перрона. Он не опаздывал и не догонял уходящий поезд, более того, он пришёл на перрон задолго до прибытия поезда и ждал.

Поезд прибыл, отправился, а он всё ждал. Ждал, что кто-нибудь из его бывших близких друзей придёт проститься с ним. Поговорят. Друг скажет ему что-нибудь напутственное на дальнейшую его жизнь или вспомнит чего-нибудь из прошлого общего с ним, посочувствует. Но, увы – никто не пришёл. И вот он поехал, поехал оттуда, где прожил так много своих дней и лет.

Правда, лет пять тому назад, когда он впервые начал думать о том, что скоро ему придётся уезжать отсюда, ему думалось, что его отъезд будет триумфальным с оркестром, с почестями.

А получился тривиальный, отъезд из-за, или побег беглеца.

Ну, может не совсем как у беглеца, но нечто вроде того, коль проводить его не позволили себе люди, которых он совсем недавно считал своими близкими друзьями, без которых он не представлял своей дальнейшей жизни.

Анатолий Михайлович прошёл в купе, поставил на полку чемодан и снова вышел в проход. Встав у окна, молча, смотрел на всё пробегающее за окном вагона.

Как много раз он пролетал высоко в небе, оставляя после себя длинный белый след над этими угрюмыми и испепелёнными нещадным солнцем местами, подумалось ему. «Много, много раз», - ответил он сам себе. «Никогда не думал о том, что здесь и глаз-то положить не на что, кроме как на сидящих кое-где на столбах таких же угрюмых орлов-степняков. А в небе-то они – орлы!».

Тот самый памятный день его жизни был по-весеннему хорошим. Ярко светило солнце, по земле пробегал лёгкий и тёплый ветерок. Во всём чувствовалось пробуждение, и только от одного этого настроение у всех было прекрасным. Анатолий Михайлович не был тому исключением, более того, настроение его было хорошим вдвойне. Накануне ему позвонили из Москвы и сообщили, что на него, полковника Косых Анатолия Михайловича, первоклассного лётчика-испытателя, окончившего без отрыва от основной своей работы Центр подготовки лётчиков-космонавтов имени Ю.А.Гагарина, завтра будет подписан приказ о его переводе в «Звёздный».

Звонивший сказал, чтобы он не затягивая сроки, начинал паковать чемоданы, рассчитывался с частью, прощался с друзьями и через неделю, максимум через десять дней, не позднее, прибыл к новому месту службы.

Предыдущей лётной сменой Косых хотел закончить лётную работу на этом с некоторых пор ставшим ему родным

военном аэродроме. Но первоначально намеченному им плану, для самого же себя, не суждено было сбыться. В тот же день, сразу после предполётных указаний, буквально за руку его схватил ведущий-инженер подполковник Стеклов.

- Анатолий Михайлович, дорогой ты наш космонавт, выручай, сделай один зачётный полёт по моей теме. Понимаешь, мой лётчик заболел, а тему край надо закрывать. Я горю, как швед под Полтавой. А ты ведь допуск имеешь и летал не единожды, выручай! Нужен всего один полёт – зачётный, и – всё!

- Да я с завтрашнего дня не хотел уже планироваться на полёты, - ответил тогда Косых и заулыбался, явно польщённый словами подполковника о том, что он уже космонавт.

- Анатолий Михайлович, ну слетай, - не унимался Стеклов.

- Ну ладно, хорошо, планирую, - сказал, в конце концов, лётчик. - Заодно тогда уж запланирую и пилотажа над аэродромом. Сделаю, так сказать, прощальное шоу, - решил он.

Всё это было накануне, а в тот день он открывал полёты на аэродроме (начало всех остальных полётов было сдвинуто за его полёт) своим показательным высшим пилотажем.

Косых выжал из самолёта всё. Сразу же после взлёта, на форсаже он свечой ушёл в небо и, стрелой несся оттуда до предельно допустимой высоты, на максимально допустимой скорости делал «бочки», пронёсился над аэродромом и снова свечой ушёл вверх в безоблачное утреннее небо.

Пилотажа, как ему думалось, получил хороший и эффектный.

Зарулив на стоянку, остановил, как требовалось, самолёт и выключил двигатель. Ещё не открыв фонарь пилотской кабины самолёта, увидел, что к его самолёту, словно при встрече какого-то очень важного гостя, идут буквально все лётчики. Впереди всех шёл Витька Карпов, его одноклассник и близкий друг с огромным букетом цветов в руках.

С Витькой они вместе начинали летать в военном лётном училище у одного инструктора, вместе служили в строевой лётной части лётчиками-истребителями, вместе ушли в испытатели.

Когда Косых начал заочно учиться в «Центре подготовки космонавтов» и месяцами отсутствовал на своём штатном рабочем месте, Витька начал расти как лётчик-испытатель, стал командиром. Он так же, как и Косых, был полковником и, как говорил поэт, «метил в генералы». Косых неторопливо поднялся из кабины самолёта, по стремянке спустился на землю и, улыбаясь, неторопливо пошёл навстречу своим друзьям:

- Толя, ты нас порадовал. Пилотажа выполнил по высшему разряду. Посмотри вокруг все, от самого последнего солдата аэродромной роты до самого большого лётного начальника вышли и любовались твоим полётом, твоей соловьиной песней. Молодец, поздравляю!

Чья школа!? – пел дифирамбы своему другу Карпов, сильно сжав и трясая руку Анатолия Михайловича.

О школе Карпов сказал явно двусмысленно, во-первых, он имел в виду ту школу, в которой они вместе учились летать, то есть лётное училище. Во-вторых, он имел в виду уже и свою школу, то есть то, чему уже и он учил своего друга.

- Всё хорошо, Толя, но мне показалось, что петли ты заваливал, они у тебя косыми получались, - сообщил своему другу Карпов в конце своих поздравлений, немного понизив голос, но не настолько, чтоб его не могли не услышать стоявшие рядом с ними лётчики.

- Знаешь, командир, мне тоже показалось, что на самолёте немного заваливает авиагоризонт, надо сказать инженеру - пусть проверят, - несколько сконфузившись, ответил Косых.

Назвав Карпова командиром, он явно подсластил пилюлю, поскольку знал, что Карпову нравится, когда Косых и другие более опытные лётчики, чем он сам, называли его командиром.

- Э-э, нет! Так дело не пойдёт, чуть чего, так сразу же матчасть виновата. Да сколько я тебя знаю, у тебя петли всегда такими получались! - чуть ли не прокричал Карпов и строго погрозил Анатолию Михайловичу, как провинившемуся ученику, указательным пальцем.

Отчего Косых вновь несколько ступенчался, явно не рассчитывая на встрёпку, которую начал устраивать ему при всех лётчиках Карпов.

- Командир, так у меня же фамилия такая – Косых! Поэтому и петли косыми получаются, - отшутился Анатолий Михайлович, наконец-то, догадавшись, к чему склоняет его Карпов.

- Вот то-то и оно, так бы сразу и говорил, а то нет, авиагоризонт у него заваливается, - наконец-то закончил свой каламбур Карпов.

После чего весело засмеялись и все стоявшие вокруг них лётчики, напряжённо ожидавшие развязки затянувшегося поздравления.

Когда все присутствовавшие и встречавшие Анатолия Михайловича поздравили его с переводом и пожали ему руку, к нему вновь подошёл Карпов и, взяв его под локоток, отвёл в сторону.

- У тебя сегодня ещё один полёт? – спросил он его, уже другим, официальным тоном.

- Да, ещё один - по теме, боевая стрельба ракетами, по наземной мишени. Мишень стоит в центре цели номер два...

- Полигон-то найдёшь, не заблудишься? – снова, как бы шутя, спросил Карпов.

- Да хоть в противогазе, с одним заклеенным глазом, от самого Спасска – Дальнего выйду к центру второй цели нашего полигона, - отшутился Косых.

- Ну, ты и хватил дружище, от Новосибирска, Омска – да! От Спасска – Дальнего – нет! Не поверю, заблудишься, в Китай или Японию улетишь...

- Спорим! – чуть ли не прокричал Косых, словно теперь, с каким-то запозда-

лым задором понесло уже и его, как когда-то в далёкие курсантские годы.

- Ну ладно, ладно – верю, - примирившись, согласился с заявками друга Карпов. С этими словами они и разошлись.

Косых должен был взлетать только после сообщения с полигона о готовности мишени.

Его самолёт готовился к полёту на спецстоянке, где всегда снаряжалось самолётное вооружение, в частности - для его полёта, подвешивались на самолёт боевые авиационные ракеты.

- Полечу, наверное, не раньше, чем часа через два, - подумал он. Отчего, вначале хотел идти в стартовый домик лётного состава, но передумал и решил сразу поехать к самолёту, посмотреть его снаряжение и вообще походить вокруг него.

Приняв доклад от техника о готовности самолёта к полёту, пошёл вокруг него. Ракеты уже висели под крыльями по одной с каждой стороны.

Анатолий Михайлович подошёл к одной из ракет, как раз в то время когда к нему подошёл ведущий инженер подполковник Стеклов.

- Какой же у них хищный вид! – сообщил он инженеру своё мнение о его подопечных, положив руку на прозрачный кожух головной части ракеты.

- Да, есть такое, - ответил ведущий инженер. – Очень чувствительные. Видите, даже и на нас реагируют.

- Да, «глаз» свой повернула и на нас смотрит! – сказал Косых и, отойдя к носу самолёта, вновь оглянулся на ракету. Ракета, в свою очередь, чётко отслеживала его перемещение. Анатолий Михайлович нагнулся и снизу из-под фюзеляжа посмотрел на противоположную сторону самолёта. «Глаз» второй ракеты тоже смотрел на него.

- Да-а, «крокодильчики», впереди них и стоять то страшно, - сообщил он подполковнику. На что тот не обратил внимания, пропустил его слова мимо ушей.

- Мишень, как я вам уже говорил – списанный по выработке ресурса вертолёт, доработанный под действующую мишень, будет стоять в центре мишени номер два с запущенными двигателями и вращающимися воздушными винтами. У ракет боевая часть солидная, разброс осколков большой. Поэтому близко к цели не подходите, пуск делайте на удалении километров семи, во всяком случае, не ближе пяти и сразу уходите в обратную сторону. Ракеты умные - цель найдут сами. Ваше дело – пустить!

Да, и ещё, чуть не позабыл, мишень

стоит на земле, земля создаёт фон, отчего получается нечто вроде защитного экрана. Поэтому на экране прицела отметка цели будет слабой. На это не обращайте внимания - в перекрестии прицела метку «загоните», на семь километров к мишени подойдете и пускайте, - закончил инструктаж ведущий инженер.

- Обе ракеты пускать или одной достаточно? - спросил Косых.

- Обе пускай, для надёжности, - ответил инженер.

Долго ждать вылета не пришлось, буквально минут через десять после осмотра самолёта и разговора с подполковником с полигона сообщили, что мишень к «работе» готова.

Анатолий Михайлович занял рабочее место в кабине самолёта, ещё минут через десять - взлетел.

- «Гремучий», я - «ноль тринадцатый», вошёл в вашу зону для работы, - доложил он по радио руководителю полётов полигона.

- «Ноль тринадцатый», я - «Гремучий», вы с хода отработаете?

- Нет, пройду вначале холостым, а потом уж, - ответил лётчик.

- Хорошо - разрешаю, холостым, - ответил полигонщик.

Анатолий Михайлович перещёлкнул переключатель радиоприцела и посмотрел на его экран. Экран засветился. Косых подвинул самолёт на боевой курс. Отметка цели появилась на экране прицела немногим более чем километров за двадцать до цели и, действительно, была бледной и слабой.

- Всё как учили, - подумал Анатолий Михайлович, и ещё немного подвинув самолёт «загнал» метку в перекрестии прицела, пошёл на сближение с целью.

На удалении одного километра до цели сделал правую змейку, отвернул самолёт вправо и, отойдя немного в сторону от цели, с левым креном пролетел немногим правее цели, осмотрел её сверху.

Вертолёт, как ему было и положено, стоял в центре распаханной цели. И, ничего не подозревая, мирно вращая свои винты, словно поприветствовал его по-дружески с земли.

Отчего Анатолий Михайлович глубоко вздохнул и горестно улыбнулся. Затем, переведя самолёт в горизонтальный полёт, несколько минут летел по прямой.

- «Гремучий», я - «ноль тринадцатый», выполняю первый разворот, раз-

решите сразу же и второй? - доложил он на землю.

- Разрешаю, - ответила земля.

- «Гремучий», я - «ноль тринадцатый», выполняю третий разворот, разрешите сразу же и четвёртый? - вновь доложил он на землю.

- Разрешаю, - повторившись, ответила земля. - Боевой выполняете?

- Да, боевой! - сообщил лётчик.

- Разрешаю боевой - ответила земля.

Выполнив одним махом третий и четвёртый развороты, и выведя самолёт на боевой курс, Анатолий Михайлович посмотрел на экран радиоприцела - отметка цели появилась, но светилась всё также бледно, как и в прошлый холостой его пролёт над целью. Косых ещё немного подвинул самолёт.

«Загнав» метку в перекрестии прицела, перевёл взгляд на панель управления стрельбой, - переключатель стоял в нулевом положении. Пошёл кав им левой рукой, установил его в положение «залп». Вновь переведя взгляд на экран прицела, увидел, что подлетает к зоне пуска ракет, расстояние до цели было немногим более десяти километров.

Ещё немного подвинув самолёт, он вновь перевёл взгляд на панель управления оружием, ещё раз проконтролировал, правильно ли установлен центральный переключатель. Убедившись, что на панели управления стрельбой всё установлено правильно, убрал защитный колпачок с боевой кнопки и вновь перевёл взгляд на экран прицела, расстояние до цели было немногим более восьми километров, но метка засветилась почему-то ярче прежнего.

- Ну, сейчас я разделяю его под орех! - подумал Анатолий Михайлович, загораясь охотничьим азартом.

- «Гремучий», я - «ноль тринадцатый» - цель вижу, разрешите пуск? - сообщил он на землю.

- «Ноль тринадцатый», я - «Гремучий», пуск разрешаю, - растягивая последнее слово, сообщили с земли.

На удалении семи километров до цели Косых нажал гашетку (боевую кнопку) на ручке управления самолётом и через стекло фонаря кабины лётчика посмотрел наружу самолёта. Ракеты друг за дружкой выскочили из-под самолёта и, немного провалившись вниз, как в яму, какое-то время летели с одинаковой скоростью с самолётом. Потом, сильно задымив, поднялись вверх в линию полёта

и, быстро увеличивая скорость, обгоняя друг друга, понеслись вперёд, как две борзых собаки за убегающим от них зайцем. Анатолий Михайлович увеличил режим работы двигателя и, взяв ручку управления самолётом на себя, отклонил её вправо. Самолёт, подчиняясь воле лётчика, по восходящей спирали начал энергично разворачиваться вправо на обратный курс.

Развернувшись на 360 градусов, Анатолий Михайлович направил самолёт по направлению к цели по внешним ориентирам. На удалении одного километра до цели, как и в прошлый пролёт, сделав правую змейку, с левым креном пошёл над целью...

- В «песок!» - удивлённо воскликнул он вслух, когда увидел, что вертолёт, как ни в чём не бывало, стоял на своём месте и, мирно крутил винты, вновь поприветствуя его. Правда теперь в приветствии вертолёта Анатолию Михайловичу виделась ирония. «Тоже мне сверхточные, умные...» - выговаривал он сам себе вслух, явно передразнивая своего ведущего инженера.

- «Гремучий», я - «ноль тринадцатый», работу закончил, ухожу домой, - доложил он руководителю полётов полигона.

- Успешно? - спросил тот.

- Вероятно, нет! - нехотя сообщил Косых.

- Понял, выход из моей зоны разрешаю, конец связи, - ответила земля.

Косых перевёл самолёт в горизонтальный полёт, перещёлкнул каналы радиостанции. Настроившись на рабочий канал аэродрома начал подворачивать самолёт на посадочный курс. В развороте заметил, что на земле недалеко от второй цели что-то горит. Присмотрелся.

«Какие-то обломки авиационной техники горят, видимо, полигонщики дымами цель обозначили?» - подумал он. «Но почему об этом мне ничего не сказал ведущий инженер? Да и при холостом проходе над целью почему-то я этого не видел? Безобразие! Нужно будет сказать об этом на разборе полётов. Ладно, после посадки разберёмся».

- «Ноль тринадцатый», ты - на стоянку заруливать будешь или на старт? - спросил его после посадки руководитель полётов аэродрома.

- На старт, на свою стоянку, - ответил Косых.

Зарулив на стоянку на старте, выключил двигатель, открыл фонарь и не спеша спустился на землю, приставленной к самолёту техником. Записав в журнале подготовки самолёта к полёту, что замечаний по работе матчасти в полёте у него не было; молча, пошёл в сторону стартового домика лётчиков. Но, не дойдя метров пятидесяти до него, увидел, что навстречу ему вышел Карпов.

- Толя, потом поговорим, сейчас некогда. Руководитель полётов аэродрома сообщил, что пропала связь с самолётом-лабораторией, пропала и его отметка на экране локатора у руководителя полётов аэродрома. Я еду на КДП, - чуть ли не на бегу сообщил ему Карпов.

- Какая ещё, к чёрту, лаборатория? - изменившись в лице, повышенным тоном спросил Анатолий Михайлович, как бы приказав Карпову остановиться.

- «Ан-26» самолёт-лаборатория, который облётывал радиосредства дальней зоны, - замедлив шаг, ответил Карпов.

- Я сбил его! - закричал на Карпова Косых, мгновенно вспомнив горевшие обломки транспортного самолёта на полигоне и дым от него.

- Как сбил? - окончательно остановившись, изменившись в лице, враз осипшим голосом, спросил Карпов.

- Вот так! - Косых поднял вверх свои руки, как будто стоя стрелял из ружья. - Пух-пух и нет самолёта Ан-26 вместе со всем его экипажем. Почему в районе ведения боевых стрельб у нас летают посторонние борта? - на выдохе из последних сил произнёс Анатолий Михайлович и почувствовал, как по всему телу пошёл сильнейший озноб. Его начало трясти, словно в лихорадке. Тут-то и до Карпова дошёл смысл слов сказанных другом.

- Ладно, поехали! Там разбираться будем! - взволнованным голосом, в то же время и приказным тоном, ответил Анатолию Михайловичу Карпов.

Разбирательство оказалось долгим, потом был суд, потом ещё один. В лётном происшествии погибло одиннадцать членов лётного экипажа самолёта-лаборатории.

Первый и второй суды признали Анатолия Михайловича невиновным, и его более чем годичная отставка от полётов наконец-то была отменена. Космическая же карьера, после того самого чёрного дня в жизни, естественно не начавшись, сразу же и окончилась.

Виновники авиакатастрофы судом были определены и получили сполна. Он же, полковник Косых А.М. был полностью оправдан и полностью же восстановлен во всех его правах. Но восстановление его в правах было чисто юридическим. Фактически же, спокойная жизнь у него теперь ни дня, ни часа, ни минуты - не получалась. Дети, жёны и родственники погибших в авиакатастрофе никак не могли смириться с решением прошедших судов, первого и повторного пересуда.

- Убийца! - говорили ему в глаза люди при встречах.

- Убийца! Убирайся отсюда, либо мы тебя убьём, - писали ему в подмётных письмах эти люди. Письма подсовывали под дверь его квартиры, засовывали в почтовый ящик, забрасывали в окна вместе с большими камнями.

- Я не боюсь смерти, я не боюсь угроз этих людей! Но мне нужно уехать куда-то отсюда. Далее тревожить людей, которым, пусть и не специально, пусть и случайно, я принёс много горя, я больше не могу, не имею права - по-человечески.

Нужно время, чтобы затянулись раны в человеческих душах. Нужно время, чтобы могилы обросли травой! - решил он и, написав рапорт, с просьбой своего перевода в какое-то другое место, в какую-то другую воинскую часть, отправил его по команде. Поезд, набрав скорость, мчался по рельсам. За окном вагона, в котором он ехал, изредка мелькали одинокие деревья, и длинной лентой тянулась унылая и выжженная знойным солнцем степная земля.

«Как же здесь уныло, как много раз я пролетал над этими местами высоко в небе - не видя всего этого. И всё же уезжать отсюда мне очень и очень жаль!» - признаваясь самому себе, думал Анатолий Михайлович, продолжая стоять у окна в проходе вагона.

Полный расчёт, до копеечки

Света в родительской семье была единственной, естественно, любимой дочерью. Отец её, Юрий Иванович, в более молодые свои годы вынашивал желание иметь хотя бы ещё одного ребёнка, неважно дочь или сына, но по состоянию здоровья Светланиной матери, осуществление желания её отца оказалось невозможным.

Не сказать, что родители баловали дочку, но так получалось, что у неё было всё, что нужно было и хотелось ребёнку, в разумных пределах.

И в то же время, отношения отца и матери к дочери были строгими. Потворства дочери со стороны родителей никогда не было. Но Светка росла здоровой, шустрой и решительной девочкой, совершенно ничего не боялась.

Однажды она поспорилась с подружками, что ночью одна сходит на кладбище. И сходила! В доказательство принесла подружкам несколько искусственных цветков, вырванных ею из венка на свежей могиле. Назвала даже чьей именно.

Её поступком подружки были потрясены, кто-то из них рассказал обо всем своей матери а та Светкиной.

От услышанного Светкину мать чуть не разбил паралич, её затрясло, она ничего не могла вымолвить и только стучала зубами.

Юрий Иванович поступком дочери был взбешён, он негодовал:

- Ты что совсем ума лишилась? - строго спросил он её. - Тебе чего не хватает? Острых ощущений захотелось?! Так вот впредь и до самого последнего дня, пока ты будешь жить в родительском доме, чтобы приходила домой засветло, пока солнце не село! Поняла?

Если осмелишься ослушаться, - продолжал отец, - не посмотрю на то, что стала великовозрастной, возьму большую хворостину, найду и буду гнать этой хворостиной до самого дома, как блудливую корову.

Светка знала, что отец слов своих на ветер не бросает, и при её ослушании он действительно возьмёт хворостину и, действительно, при всех начнёт хлестать и погонит домой. Поэтому отцовского запрета она не нарушала, всегда приходила домой вовремя, как требовал от неё «па-па» (как называла она отца дома и на улице в кругу своих подружек).

Был жаркий июльский день, в воздухе стояла невыносимая духота, Света целый день просидела дома, ходила из комнаты в комнату, словно неприкаянная. А когда солнце покатилось уже к закату и жара начала спадать, ей захотелось искупаться. Она надела новый и, как ей казалось, модный купальник и пошла по подружкам. Приглашала пойти искупаться на запруду, находящуюся в лесочке неподалеку от их домов. Но подружки, не сговариваясь, одна за другой отказывались от её затеи: одна сказала больная, другая занятой чем-то, третьей просто-напросто по жаре никуда не хотелось идти.

Ничуть не обидевшись, Светлана решила идти купаться одна.

Она беспрепятственно преодолела расстояние от дома до пруда. Шла по лесу, собирала в букетик цветы, мурлыкала себе под нос крутящиеся в голове песни.

Подойдя к пруду, увидела ватагу пацанов, сидевших кучкой в тени деревьев на

некотором удалении от берега, и игравших в карты.

- Раз, два, три... двенадцать! - зачем-то пересчитала пальчиком всех пацанов и, отойдя от них на значительное расстояние, под кустарником сняла с себя халат и резиновые туфельки-мыльницы. Аккуратно свернув халат, положила его на туфельки, под тот же кустарник. И, надев на голову резиновую купальную шапочку, пошла в воду.

Вода в пруду была тёплая, как парное молоко. Девушка купалась долго, а когда вышла из воды, попрыгала вначале на одной ноге, затем на другой ноге, вытрясая из ушей попавшую в них воду. Затем, подойдя к тому месту, где оставила халат и туфли, не обнаружила их. Нагнувшись, начала искать свою одежду под кустарником, протянула туда руку. Кто-то сильно схватил её за руку и рывком дёрнул вперёд. Потеряв равновесие, почти «рыбкой» она влетела под куст. Тут же кто-то зажал ей рот.

- Молчать будешь, крошка, живой останешься! Брыкаться начнёшь, придушу! - громко зашептал ей на ухо, отрывисто дышащий чей-то до боли знакомый голос. Но чей она не могла вспомнить.

Сильные руки больно крутнули голову, она перевернулась на спину, ей приподняли голову и вставили в рот горлышко стеклянной бутылки. Что-то забубукало, залягло водкой и, проглатывая горькая жидкость полилась ей в рот. Вначале Светлана пыталась не глотать водку, но она всё равно проникала в её горло и текла куда-то дальше, вовнутрь её. Изнутри обжигая всё её тело.

«Ну, вот и хорошо», - прошептал ей на ухо всё тот же голос. Когда бульканье в бутылке прекратилось, шептавший выбросил в кусты пустую бутылку и тут же зажал Светин рот.

«Рыжий!» - узнав пацана, подумала Света.

«Ну, вот и хо-ро-шо-о, мо-лод-ца-а», - нараспев, всё так же прошептал ей на ухо Рыжий, опустив на землю Светланину голову. - Полежи немножко, пусть водочка разойдётся, - шептал он масляным голосом.

Водка действительно начала расходиться по телу: Голова закружилась, руки и ноги одеревенели, обмякли, и стали как ватные, словно были не её, а чьи-то чужие.

Рыжий убрал руку с её рта, с силой разорвал купальник, начал водить своей рукой по всему её телу. Целовал в губы и в обнажённые груди, потом...

До сыта насладившись, Рыжий на четвереньках выполз из-под кустарника. Поднявшись на ноги, подошёл к затихшим и затаившимся ребятам, на ходу надевая на себя рубаху и застёгивая штаны.

- Ну, кто ещё будет? - улыбаясь, спросил он дружок.

Пацаны гуськом, один за другим, залезали в кусты. Её переворачивали со спины на живот, затем вновь переворачивали на спину поднимали голову и разжимали рот, засовывали в рот что-то скользкое и вонючее...

Девушка понимала всё, что с ней делают, слышала о чём говорят пацаны, узнавала по голосам. Но пошевелиться не могла. Когда последний из пацанов насытил-

ся, они вновь собрались гурьбой недалеко от неё.

- Как будто сдохла, - сказал кто-то из них.

- Что делать будем, Рыжий? - спросил Подпевала, лучший дружок Рыжего.

- Придушить её надо. Вон в яму бросить. А сверху ветками забросать, да землёй, - сказал Рыжий.

- Ага, - согласно поддакнул Рыжему Подпевала и вновь пробравшись к девушке, опустился на колени, схватил руками за горло, и сильно сжал... Подержав какое-то время горло зажатым, как ему показалось очень долго. Он наклонил ухо и послушал.

- Готова, не дышит, - сообщил он дружкам, с нетерпением, ждавшим его известия.

Выбравшись из кустов, Подпевала волоком вытянул оттуда за ноги голую, не дышащую Светлану.

- Но, что удивительно, - в каком-то диком восторге, сипел убийца, - даже не дёрнулась, даже не всхрипнула. Однажды я кошку задушил, так та билась и храпела, наверное, с полчаса, пока я ей горло пережатым держал. А эта хоть бы разочек! Может, она ещё раньше концы отбросила? - продолжал философствовать Подпевала.

- Может и раньше, - согласился Рыжий и осмотрелся. - Вроде никого, хватаем за руки, за ноги и в яму.

Пацаны облепили тело убитой, как муравьи, и почти волоком по траве потащили к яме.

- А хороша была, даже жалко такое добро в яму бросать и закапывать, - тяжело дыша и торопливо переставляя ноги, говорил Подпевала.

- Жалко! Но ничего не поделаешь, нужда заставляет, - ответил ему Рыжий.

Подтащив убитую девушку к яме, качнули, как мешок с картошкой, и бросили. Вслед Рыжий бросил и девичью одежду. Быстро закидали ветками и немного землёй, помывли в пруду руки, и как ни в чём не бывало, разошлись по домам.

- Никому ни гу-гу! - грозно предупредил всех Рыжий перед тем как всем разойтись.

Как только большие пацаны разошлись, три маленьких пацанёнка, наблюдавшие за всем происходящим из своего укрытия, тоже выползли наружу и стремглав, трясущиеся от страха побежали к Светланиным родителям. И как могли, перебивая друг друга, тут же всё им и рассказали.

Отец девушки попросил их пока никому и ничего не говорить, даже своим родителям.

- Ладно, - пообещали ребятки, и тоже разошлись по своим домам.

Светина мать взвыла от горя, но муж на нее цикнул..

- Замолчи, не хорони дочь раньше времени и не паникуй. Сейчас принесу её домой, а там видно будет! - строго сказал Юрий Иванович.

Сдёрнув с кровати покрывало, свернул его и побежал к пруду. Грудь его давили какие-то неземные силы, перед глазами стояла пелена, волосы на голове стояли дыбом. Быстро нашёл яму, в которой валялась дочь. В несколько мгновений, судорожно работая руками, раскидал ветки и наклонился над дочерью.

- Света, Светочка, доченька моя, - срывающимся голосом проговорил Юрий Иванович.

- А-а, - тихо простонала Светка.

- Жива, жива-а, - плача, произнёс отец и, расцеловав дочь как в её детстве: в щёки, в лоб, в закрытые глаза. Расстелил покрывало, положил на него дочь и запеленал, как маленького ребёнка. Поднял на руки и как можно быстрее понёс домой.

Девушка пришла в себя и застонала.

- Ой-й-й, всё болит, - тихо шептала она.

- В милицию сообщить надо? - несколько успокоившись, спросила Юрия Ивановича жена.

- Не надо куда сообщать, я сам с ними разберусь и рассчитаюсь, сполна они нам заплатят, - сурово ответил он жене.

Вечером, когда в их доме всё более-менее улеглось, он тихо открыл домашний оружейный сейф, вынул двустволку и патронгаш, который заполнил патронами с крупной дробью. Весь боевой арсенал вынес на улицу и спрятал в укромном месте за пределами дома.

Со следующего дня, говоря жене, что идёт на работу, уходил к пруду и, выбрав там укромное место, со стороны не заметное постороннему глазу и в то же время с хорошим обзором для себя, прятался там и, как старый охотник, терпеливо ждал «дичь».

Первые несколько дней насильники на пруд не приходили. «Затаились» - считал Юрий Иванович.

Потом начали появляться небольшими кучками по три-четыре человека.

Через неделю, когда им показалось, что все страсти вокруг Светы улеглись, всё забылось. Вновь, как ни в чём не бывало, ребята собрались на своём излюбленном месте.

Увидев компанию насильников в сборе, Юрий Иванович почувствовал, как по его телу пошёл мелкий озноб. Чтобы успокоиться, он откинулся на спину и закрыл глаза.

- Прилетели голуби, все прилетели, - дрожащим голосом тихо проговорил он. - Пусть рассядутся, поклюют, а потом уж и я начну подкрадываться к ним.

Они здоровались друг с дружкой, обнимались, как после долгой разлуки. Расселись вокруг импровизированного стола (расстеленной на земле газеты, с разложенной на ней нехитрой домашней едой), достали бутылку водки и, распечатав, пустили по кругу. Выпили ее за один круг из горла, не разливая по стаканам. Немного закусив и покурив, достали вторую бутылку, таким же образом выпили и эту. Вновь немного закусив, покурив и о чём-то поговорили.

После этого переместившись немного в сторону, так же кругом расселись на земле и начали играть в карты.

- Поклевали, - всё тем же дрожащим голосом проговорил Юрий Иванович. - Пора и мне выходить.

Зарядив оба ствола, он начал подкрадываться к картёжникам. По-охотничьи, где низко приседая к земле и прячась за кустарниками, а где и по-пластунски.

Когда до игроков оставалось чуть более десяти метров, он поднялся на ноги и медленно вышел из-за кустов, широко расставляя ноги и держа ружьё наперевес.

Первым заметил его Подпевала. «Эй-й, по-смот-ри-и», - тихо, нараспев сказал он Рыжему и кивком головы показал на вышедшего из леса с ружьём наперевес Светланиного отца.

Красиво жить не запретишь!

Рыжий грозно крикнул: «Кончай шутить, дядя», - и начал подниматься с места.

- Кончаю, - тихо произнёс Юрий Иванович и, не целясь, нажал первый курок. Грянул выстрел. Рыжий, охнув, упал на землю.

Вторым выстрелом Юрий Иванович сразил не успевшего подняться с земли Подпевалу. Переломив ружьё, он быстро выбросил на землю пустые гильзы и зарядил новые патроны.

Ошалевшие было от первых выстрелов пацаны, пришли в себя и, как стайка тараканов при неожиданно вспыхнувшем ярком свете, сорвались со своих мест и побежали в разные стороны.

Светкин отец вскидывал ружьё, бегло целился и стрелял в насильников своей дочери, снующих между деревьями, как по убегающим от него кровожадным диким зверям. Перезаряжал ружьё, целился и вновь стрелял...

Некоторые после очередного выстрела, вскрикнув, падали на землю, некоторые, петляя, бежали дальше.

Когда убежавших больше не стало, и целиться было не в кого, Светкин отец опустил ружьё. Медленно переставляя ноги, подошёл к главным насильникам дочери.

Подпевала лежал вниз лицом. Юрий Иванович носком ботинка перевернул его на спину.

- На-по-вал с одного выстрела, - произнёс он и повернулся к Рыжему, который лежал на боку и стонал.

- Этому, видимо, только ногу перебил, - подумал Юрий Иванович и, обойдя вокруг, как вокруг хищного и раненного зверя, остановился возле лица.

- Открой пасть, мерзавец, - тихо произнёс Юрий Иванович.

- Не надо, дя-дя, пожалейте меня, - гнусавя, сквозь слёзы произнёс Рыжий.

- А чего же ты мою дочь малолетнюю не пожалел, когда насиловал, а потом ещё и душил?

- Я не душил её, это он душил, - всё так же гнусавя, произнёс Рыжий, кивнув головой на Подпевалу.

- Открой пасть, мерзавец! - повторил Юрий Иванович и с силой пнул лежащего в живот.

- Ой-й-й, - простонал Рыжий, широко разевавая рот.

- Со-си-и! - сквозь зубы процедил Юрий Иванович, сунув ему в рот конец ружейного ствола.

Рыжий, плотно обхватив губами ружейный ствол, начал втягивать в себя пороховые ружейные газы.

Светланиному отцу стало дурно, его начало тошнить и, до этого не зная, что ему делать дальше, нажал оба ружейных курка одновременно. Ружьё выстрелило дуплетом, но звук выстрела был глухим. Голова Рыжего дёрнулась и остановилась с широко открытыми ртом и глазами.

Конец ствола был измазан кровью, Юрий Иванович вытер его об одежду убитого. Потом отошёл к месту, откуда стрелял по убегающим. Ногой собрал в кучку валявшиеся на земле пустые гильзы.

- Одна, две, три... десять, - вслух пересчитал их. Затем, переломив ружьё, выбросил на землю ещё две. - Одиннадцать, двенадцать, - посчитал и эти. - Расчёт с насильниками дочери я произвёл полный, до копеечки, - произнёс он не своим голосом и, повесив ружьё на плечо вниз стволами, развернулся, и сильно покачиваясь из стороны в сторону, словно пьяный, пошёл в сторону своего дома.

Сегодня непросто найти в Усятых (ныне Прокопьевске) потомков тех, кто жил здесь сто и тем более двести лет тому назад. Эти потомки, в большинстве, презрев родовые гнёзда, разлетелись во все концы необъятной нашей Родины, а некоторые и за её пределы. Новые люди, прибывшие сюда из разных мест по разным причинам, привезли и «приземлили» свои понятия об устройстве жизни человеческой. И жизнь, не прекращая своего течения, побежала дальше.

Степан Картасов появился в здешних местах в первое послевоенное десятилетие. Много разных слухов ходило, зачастую не очень приятных для Степана, но он на них не реагировал. По всему было видно, основательно заколачивал свой кол в усятскую землю, окапывался, отстраивался и постепенно всё твёрже и твёрже становился на ноги.

Немного «окопавшись» он перевёз сюда родителей, жену и начал жить почти так же, как и все остальные. И в то же время совершенно иначе, чем все остальные.

Однажды, я, в то время совсем ещё маленький пацанишка Ванька Брагин, играл возле Стёпкиного дома на куче песка привезённого им для хозяйских нужд. Дело было летом, на улице стояла душная, жаркая погода. Вдруг небо заволокли тучи, подул сильный ветер. По всему было видно, что начинало штормить. Я решил идти домой, и тут моё внимание привлекло то, что Степан ни с того ни с сего полез на электрический столб. Видимо, дома у него что-то случилось со светом, и он решил быстренько всё привести в порядок, несмотря ни на что.

Ветер со всей силы хлестал его и буквально срывал со столба, но Степан всё лез вверх и лез. Я, кое-как держась на ногах, задрал вверх голову, внимательно следил за каждым его движением. Когда он почти добрался до самого верха, сильно громыхнуло, и через всё небо, шипя, полетела молния.

Я ничком упал на землю и зажал голову руками. Когда всё стихло, оторвал своё лицо от земли и увидел, что недалеко от меня так же, как и я ничком лежит на земле и дядя Стёпа.

Некоторое время, думая, что он сейчас тоже поднимет голову, я смотрел на него. Но он всё лежал и лежал, не подавая никаких признаков жизни.

- Эй-й, дядя Стёпа-а, ты что испугался, да? - спросил я его наконец.

Но он продолжал лежать без движения. Тогда я поднялся на ноги и, подойдя к нему, начал трясти его за плечо.

- Эй, дядя Стёпа, ты испугался, да-а? - повторял я свой вопрос, но уже более настойчиво. Степан не двигался. Поняв, что его убило молнией, я с криком побежал к нему домой.

На мой крик из Стёпкиного дома выбежали все его домочадцы: отец, мать и жена.

Женщины начали кричать и тормошить Степана, отец же побежал домой и тут же вернулся с лопатой. Немного не добежав до Степана, он, быстро орудуя лопатой, начал копать землю. Выкопал нечто вроде неглубокой могилы,

бросив лопату, подбежал к Степану и, перевернув его на спину, за ноги перетаскил его в вырытое в земле сооружение. Положил бесчувственное тело в яму и быстро начал забрасывать землёй. Забрасывал до тех пор, пока от дяди Степы снаружи остались лишь кончики пальцев ног и лицо.

Женщины выли, как на настоящих похоронах. Отец же, стоя перед дядей Стёпой на коленях, вздрагивая губами, молча смотрел на его лицо.

Через некоторое время Степан застонал, а ещё немного погодя тихо вымолвил: «Откапывайте меня...».

Его откапали, вытащили из ямы, посадили на взрыхлённую землю.

- Ваньша, подойди ближе, - тихо сказал он через некоторое время.

Я подошёл.

- Вот тебе, Ваньша, моя рука, - сказал он, и протянул мне руку. - Отныне и про гроб жизни ты мой друг. Всё, что у меня есть - всё твоё. Всё, что ты у меня попросишь, то я тебе и отдам. Хоть что!

Я сунул в его большую руку свою маленькую и после рукопожатия осознал, что спас дядю Стёпу. От прилива чувств убежал домой.

После случившегося меня стали уважать не только домочадцы Степана, но и его пёс Рыжик. Пес терпеть не мог всю пацанву за то, что мы постоянно дразнили его: «Рыжик, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой...».

Кличку Рыжик собака получила явно за огненно-рыжий окрас шерсти. Беспородный пес был какой-то уродливой помеси «бульдога с носорогом»: большое туловище собаки, как у крупной дворняги, типа овчарки, а ножки маленькие, как у таксы. Кроме того, передние ноги были вывернуты наизнанку, как у балерины.

Лаял Рыжик громко, как здоровый пёс, а бегать из-за своего несуразного роста не мог. Вернее сказать, мог, но это у него получалось очень плохо и смешно. Оттого мы, пацаны, дразнили его.

Степан работал на торговой базе водителем на машине непонятной конструкции, которую все называли «таракашкой». Он развозил по магазинам и другим торговым точкам продукты и промышленные товары. Иногда подъезжал к своему дому и демонстративно на виду у соседей вынимал из машины и уносил в дом то баранью тушку, то нескольких ячеек куриных яиц. Всё это вызывало у соседей отрицательные эмоции. «У, ворюга...» - без устали говорили они.

Был ли во всём происходящем криминал, мне неизвестно. Однако же я точно знаю, что Степан знал о таком недружелюбии соседей и не обращал на это внимания. Более того, он, как мне казалось, наоборот, как-то выпячивал напоказ свои действия, сопровождая всё происходящее непрерывным насвистыванием весёлой мелодии.

Говорят, что научно-технический прогресс шагал по земле семимильными шагами. Возможно, это и действительно так, но только не по нашей усятской земле. Усяты консервативны, про-

гресс к нам не прибежал, не пришагал, а вполз по-пластунски, как холод - туманом, просачиваясь в маленькие щелочки между дверью и косяком каждого дома. Да, прогресс приходил к нам таким сложным путём и двигался по усятской земле медленно. Тем не менее, встретившие его относились к нему уважительно, укладывали на добротную, фундаментальную основу, отчего прогресс задерживался и гостевал у нас долго.

Помню, когда пришло в Усяты телевидение, то первая, большая и очень высокая телевизионная антенна железной стрелой вонзилась в усятское небо возле дома Андрея Ивановича Говорина, одного из самых умных, авторитетных и уважаемых усятских мужиков.

Несомненно, говоринская антенна была ниже Останкинской, но - не намного. По конструкции - попроще, но - не намного...

Говоринская антенна если и не брала напрямую радиосигналы, посылаемые к нам из столицы нашей Родины, то уж со столицей нашей области «работала» напрямую, это точно! И в этом никто не сомневался. При этом своими расчалками говоринская антенна перекрывала не только территорию своего огорода, но и многих соседских огородов.

И всё бы ничего, но с первого дня существования говоринская антенна стала излюбленным местом для отдыха голубей усятских голубятников. От этого голубятники возненавидели её сильнее самого лютого врага. И понять их можно было: как только голубятники вспугивали своих любимцев, чтобы они летали и радовали души хозяев, усятские голуби сразу же летели на говоринскую антенну, как на самый любимый насест. Отчего между голубятниками и хозяином антенны разразилась не шуточная «войнишка», голубятники так раскачивали за расчалки детище Андрея Ивановича, что он вынужден был почти ежедневно с берданкой в руках отгонять свистунов от своего детища. Грозился перестрелять всех воркующих пернатых края.

Тем не менее, антенну раскачивали, как корабль в море во время шторма. Голуби же, быстро адаптировавшись с качкой, и при любых раскачиваниях с антенны не взлетали. Слегка помахиная крылышками для балансировки, они крепко держались лапками за перекладину и лучи антенны. Отчего скоро и получили злое прозвище голубятников «антенщики».

Вторым домом, над которым появилась железная пика, был дом Степана. Картасов сделал антенну телескопической и не очень высокой, расчалил её не вдоль огорода, а к её же основанию - тросиками вдоль всей конструкции антенны. Посередине Стёпкиной антенны было сооружено ещё что-то в виде расходящихся лучей с какими-то полусферами...

- Дядя Стёпа, а это что у тебя на антенне? - спросил как-то я соседа, поскольку мучился в догадках.

- Это? - переспросил Степан, пока-

зав рукой в сторону середины антенны, и лукаво засмеялся. – Это, Ваньша, моя тайна! Но тебе, как другу, зная, что ты её никому не откроешь, скажу.

- Могила! Никому ни слова! – на одном дыхании выпалил я замороженный словами дяди Стёпы

- Это, Ваньша, буафория, иллюзия, не злой обман, - многозначительно заявил он и вновь залился задорным смехом.

- А я-то думал, что это что-то такое, с помощью чего производится связь с космосом и прочее, - с некоторым сожалением признался я.

- Вот так же и другие думают. Идут по улице, видят у меня над крышей это дело, остановятся, рассматривают, рассуждают и делают всевозможные умозаключения. А я люблю за ними наблюдать со стороны – потеха. Понимаешь, не могу я жить просто так, как-то все серо. Нырнул, как мышка в норку, и всё на том. Ты никого не видишь, и тебя никто не видит. Тошно так, я люблю красиво... Пусть даже и обманываю, но так веселее, понимаешь? – сказал он и серьёзно посмотрел на меня.

Затем сунул в мой карман руку, достал оттуда беленький чистенький платок, вытер своё лицо и обратно сунул платок ко мне в карман.

«Я знал, что такого платка у меня никогда не было, повторил его движение, но платка в своём кармане не обнаружил. Степан, внимательно следивший за мной, как всегда, залился звонким смехом.

- Вообще-то, Ваньша, я артист-фокусник, - быстро посерьёзнев, продолжил он разговор. И, как бы подтверждая сказанное, достал из своего кармана тот самый беленький платочек, который я только что искал в своём кармане.

- А где ты этому научился? – поинтересовался я.

- О-о, это длинная история. Не поверишь, на фронте. Ты знаешь, что я был на войне? – спросил он.

- Слышал, хотя люди разное говорят.

- В том-то и дело, разное, - зло ответил Степа. – И всё же я на войне был! Правда, немного воевал, всего одну неделю. Но был! Многие хвастливо козыряют своими военными годами. Я их не понимаю, на войне достаточно побыть один день или даже один час и быть убитым. Я же воевал целую неделю. Война – это работа, очень тяжёлая работа.

Представь себе, в 43-м году мне было всего-навсего девятнадцать лет. Призвали меня в армию и отправили на фронт, в самое пекло, на Курскую дугу в артиллерийский дивизион подносчиком снарядов. В расчёте каждый делает своё дело: один подносит снаряды, другой заряжает, третий наводит пушку, четвёртый стреляет.

Под Курском наша артиллерия была по немецким танкам прямой наводкой. Целую неделю я участвовал в этой войне, целую неделю был на ногах без сна и прочее.

Мы постоянно маневрировали, по два-три расчёта: туда-сюда, туда-сюда. Окопаемся, отстреляемся, снимаемся – и на новое место. И всё сначала. И так целую неделю.

А что такое бой для подносчика снарядов в артиллерийском расчёте, ты

представляешь? Нет! Вот то-то и оно. Прикатим мы на новую позицию свою «матушку» - «царицу полей», «бога войны», окопаемся, и давай палить. Мы бьём, по нам бьют. Пули и снаряды над головой: вжик-вжик, у-у, у-у...

А ты бежишь за снарядом или со снарядом. Сначала было страшно. Когда снаряд проносился надо мной, я падал на землю. А потом привык. И не только привык, стал к ним безразличен, усталость во всём организме была сильнее страха. А тут ещё моя обязанность: я снаряд принёс, заряжающий - в пушку его, замком клац... Бац – и нет снаряда.

А я ещё только бегу. Все на меня кричат: «Стёпка, тудыть твою мать, снаряд неси скорее...»

Я принесу, сил больше нет, а они всё своё: снаряд, снаряд, снаряд...

Тут уж не до страха - бежишь, качаясь из стороны в сторону, и снова бежишь. А снаряды тяжёлые-тяжёлые...

В последнем своём бою устал я ужасно, впрочем, как и все мои товарищи. И тут маленькая передышка. Упали на землю кто где стоял. У солдата сон, знаешь, какой бывает? Уставший в бою солдат, стоя на одной ноге спать может. Во! А тут лёжа на земле, в траве. Всё равно, что на царских перинах.

В общем, только коснулись наши головы земли, в ту же минуту все и уснули. В это время, когда мы уснули, пошли вперёд наши танки. Они стояли где-то недалеко от нашей позиции замаскированные.

Вообще, когда танк ревет двигателем, то к нему за километр подходить страшно, а тут рота или батальон танков вперёд пошла через нашу позицию, а мы в траве спим мертвецким сном... Танкисты тоже, наверное, уставали не меньше нашего.

В общем, заряжающего нашего в лепёшку один из наших танков раздавил, а мне по ногам проехал, хорошо ещё, что ноги случайно оказались в какой-то ямке. Поэтому-то и отделался я только переломами костей. Вот так и отвоевался...

Ох, и обиделся же я тогда, на танкистов. Думал, никогда им этого не прощу. А когда валялся в одном из госпиталей, познакомился и сдружился со старшим сержантом, командиром танка с необычной фамилией Хренпоймёш. Танкиста тоже Степаном звали, фамилией своей он гордился, говорил - казацкая. У казаков нередко фамилии присваивались по прозвищам. Кто чем отличился, так его и величали: Задериховост, Перебейнос, Варивода, Подопригра и так далее. У Степана – Хренпоймёш. Он пояснял её происхождение тем, что его предки, хотя были и казаками, в то же время были артистами – фокусниками, отсюда и «хренпоймёш». Тёзка фокусником был от Бога. Он-то меня кое-чему и научил в этом деле.

Я спрашивал почему он танкистом воюет а не артистом?

- Свои счёты у меня с гитлеровцами, пока на танке по Берлину не проеду, в артисты не пойду, - особо не распространяясь, ответил он мне.

Сильно сдружился мы с ним, приглашал меня с собой, говорил: «Стёпа, поехали со мной, я из тебя замечательного человека сделаю, настоящим танкистом будешь, заодно и фокусником».

Я решил, что так тому и быть. Но, врачи решили иначе, не только в танкисты меня не пустили, но и вообще, комиссовали с военной службы вчистую.

Вот так, Ваньша, я и стал артистом, конечно, не настоящим, в душе.

Рассказав о войне, Степан вновь весело рассмеялся, после чего похлопал меня по плечу, ушёл домой.

Тогда-то и открыл я для себя нового Степана Картасова. Правда, как скоро выяснилось – узнал я его не полностью. Оказалось, что Стёпкины фокусы не ограничивались белым носовым платком.

Если видел где что-то плохо лежит и... В результате получил срок и немалый.

После того как Степана «упрятали», жена его сильно заболела. Да и дети маленькие ещё были, а женщине всё же нужно было работать. Вынуждена она была «выписать» к себе со своей малой Родины мать, которая приехала к ней вместе с младшим сыном Петькой.

Петька года на два был старше меня, но ростом маленький, поэтому мы были с ним почти на равных. Тем не менее, он был значительно опытнее меня в житейских делах и наших ребячьих играх, отчего всегда и во всём был заводилой и выдумщиком всех наших дел и затей.

С первого же дня знакомства, Петька буквально заморозил меня ещё сильнее, чем его зять Степан. Он превосходил (во всяком случае, так казалось мне) играл на гармошке. Играл абсолютно всё, что звучало из радиоприёмников, с прокручиваемых грампластинок, при этом совершенно не знал музыкальных нот и элементарной музыкальной грамоты. Кроме того, он умел делать абсолютно всё. Во всяком случае, всё то, что умещалось в моей голове, Петька знал и умел, как теперь говорят «на профессиональном уровне». Возможно, гениальным ребёнком он не был, но то, что был талантлив, в этом я был уверен тогда, в этом я уверен и теперь.

Одним из первых наших серьёзных дел с ним стало увлечение подводным плаванием в воображаемом мировом океане, который заменяла нам большая хозяйственная стиральная ванна наполненная водой до самого верха. Петька делал из пластилина всевозможные подводные лодки и корабли, соединённые тонкими трубочками с атмосферой. С помощью трубочек он добивался того, что лодки погружались на определённую глубину под воду, плавали и маневрировали там.

Потом мы увлеклись изучением и исследованием воздухоплавания. Но для практических дел потребовались мини летательные аппараты, а это не подводные лодки в сравнительно небольшой стиральной ванне, а в мировом воздушном пространстве.

«Будут тебе и летательные аппараты», - заверил Петька меня. И, буквально, дня через два после школы он, заговорщически кивнув головой, повёл меня на усятскую гору, вернее к подножью горы, обильно заросшей лопухами. Там я увидел, что в укромном месте, предварительно вырезав там несколько кустов репейника, Петька оборудовал что-то вроде маленькой стартовой площадки. На этой площадке мы запросто помещались вдвоём. Друг мой достал, из

заранее заготовленного там и искусно спрятанного всё необходимое оборудование для наших экспериментов. Это были несколько пачек папирос «Север» (обожаемых тогда большинством курильщиков старшего поколения), несколько пачек спичек, катушка швейных ниток и бумажный пакет с чем-то неизвестным.

Разворачивая пакет, хитро улыбаясь, Петька изредка поглядывал на меня. Окончательно развернув пакет, высыпал в заранее приготовленную картонную коробочку горсть свёрнутых колечками белых резиновых шариков.

- Гон-до-ны-ы?! – изумившись, воскликнул я, наконец-то увидев то, что предполагалось использовать как летательные аппараты. – Ты где их взял?

- У браточкина в шкафу нашёл, - сообщил он.

Браточкиным он называл своего старшего брата Григория, жившего с семьёй недалеко от нас в казенной квартире.

- Так зачем же ты всё-то забрал? Нужно было немного взять, а остальное на месте оставить. А то ведь брат может хватиться, пропажу обнаружит, тогда проблемы у тебя возникнут, - укорил его я, и посетовал более рассудительно с житейской точки зрения.

- А-а! У него там ещё есть, - отмахнулся он от моих сомнений и негодований. – В общем, так: раскручиваем шарик, раскуриваем папиросу, и, перевернув её наоборот, берём в рот. Дуем в неё и дымом наполняем шарик до достаточной величины. Затем завязываем ниткой наполненный дымом шар и отпускаем его. Шар полетел, а мы следим, как он поднимается вверх и летит по небу, - проинструктировал он меня и продемонстрировал первый опыт своего изобретения.

Надутый им тёплым дымом шарик стремительно полетел вверх...

После первого запуска, мы начали привязывать к выпускаемым шарикам грузики и, выпуская в небо, следили за полётом.

Потом связывали ниткой воедино по два-три шарика, отпускали их с грузиками. Мечтательно рассуждали о том, сколько же потребуется шариков, чтобы можно было полететь на них кому-то из нас, а то и вместе.

Не знаю, дошли бы мы с Петькой или нет до такого практического эксперимента, только неожиданно перед нами возник ужасно злой старший Петькин брат Григорий. Пойманные на месте преступления, мы в страхе вскочили на ноги, не зная что делать нам дальше и куда бежать. Мне досталась от Григория незначительная оплеуха, от которой я улетел всё в те же лопухи. Петьку же, Григорий схватил за шиворот (по ходу засунул в карман злосчастный бумажный пакет с остатками содержимого) и чуть ли не волоком потащил за собой в дом сестры.

После этого непредвиденного случая несколько дней мы с Петькой не встречались. А когда он вновь появился на улице, то показал, как был наказан братом за свои «научные и изыскательские» работы – вся его спина была испослована красными подтёками от следов, ходившего по его спине, ремня.

На этом, так успешно начатые и, казалось бы, перспективные наши с

Петькой эксперименты по изучению воздухоплавания, так неуспешно закончились.

Примерно годом позднее, когда мы с Петькой значительно подросли и поднабрались жизненного опыта, когда мы начали чувствовать в себе, что мы будущие воины, круг наших жизненных интересов начал приобретать ярко выраженный военный характер. Мы начали интересоваться всевозможным военным стрелковым вооружением, прежде всего пистолетами наших и немецких образцов.

В один из воскресных дней я пришёл к Петьке, когда дома у него не было никого из взрослых. Поздоровавшись, он тут же провёл меня в свою комнату и, усадив возле письменного стола, начал ворошить постель. Через некоторое время вытащил свёрток, завернутый в белую материю. Положив сверток возле меня, начал разворачивать, постоянно переводя взгляд то на меня, то на свёрток. И... Выложил передо мной настоящий пистолет.

- О-о, «ТТ»! – восторженно воскликнул я. Поскольку раньше, кроме охотничьего ружья, вживую мне не доводилось видеть какое-то оружие, то и название «ТТ», я сказал не от того, что передо мной лежал пистолет именно названной конструкции и системы, а оттого, что других названий пистолетов просто-напросто не знал.

Петька лишь косо усмехнулся и отрицательно замотал головой.

- Что ты, Ваньша, «ТТ» - это наш пистолет, он такой... - сообщил он и движением рук пояснил, как именно выглядит наш «ТТ». – А это «Вальтер». Вернее сказать, копия его. Пистолет тот был сделан в подарок Гитлеру на его юбилей. Видишь, его рукоять точь-в-точь как подбородок фюрера, - со знанием дела пояснил он все тонкости и особенности представленного мне пистолета. – Но это не настоящий пистолет, а поджиг.

Я сам её смастерил. Корпус литой из свинца, нахлобучки на рукояти из текстолита. Всё отшлифовано, отполировано и на клей посажено...

- Вот это, да-а! – восхищался я. – И что, она стреляет?

- Стрелять пока не пробовал, но, думаю, будет! – ответил он.

- Дай, я из неё жажну! – решительно предложил я ему свою услугу. Поскольку стрелять из поджиги раза два в жизни мне уже приходилось.

- Нет, что ты, Ваньша, испытание оружия – дело серьёзное. Для этого, вообще-то, специальный станок нужен, за неимением которого я должен сделать это сам. Лично! – категорично заявил он. И вновь сунув руку под матрацовку кровати, вытащил оттуда несколько коробков спичек и начал соскабливать головки спичек в ствол поджиги.

По мере заполнения ствола спичечной селитрой утрамбовывал её самодельным деревянным шомполом.

- Не много будет? – поинтересовался я, когда Петька, быстро разделавшись с первой коробкой спичек, принялся за вторую.

- Нет, калибр большой, как раз будет! – ответил он со знанием дела. Тем не менее, обезглавив ещё несколько спичек, основательно утрамбовал взрывча-

тое вещество, забил туда бумажный пыж. Затем достав из своего кармана ещё один спичечный коробок, высыпал на стол несколько свинцовых шариков.

- Жаканы. Сам катал на горячей сковородке, как раз по стволу, - улыбнувшись, сообщил он и опустил один шарик в ствол, затрамбовал и его ещё одним пыжом. Закончив зарядку поджиги, шомполом проверил величину заряда.

- Нормально! – сказал он себе и мне заодно, вставив запальную спичку в запальную скобку поджиги. – Ну, всё, пошли!

Он сунул поджигу за пазуху и направился к выходу. Я последовал за ним. Выйдя в сени, Петька сунул ноги в материнские резиновые калоши. Обернувшись ко мне, сказал:

- В туалет пойду, там и пальну. Ты оставайся здесь, а то не дай бог чего, - сказал он и многозначительно посмотрел на меня.

Я понял его тревогу и жестом руки показал, что разделяю опасения и вполне солидарен с его мнением. Тем более что в окно из сенок «испытательный полигон», то есть сортир типа «эм-жо», отлично был виден.

Выйдя на улицу, Петька воровски осмотрелся по сторонам и, убедившись, что в округе нет ни одной души, направился в заданном направлении. Войдя в туалет, плотно прикрыв за собой дверь.

На какое-то время он исчез из моего поля зрения. Не отрываясь я внимательно следил за всем происходящим.

Через несколько секунд громыхнул выстрел. Из щелей туалетных дверей за клубился дымок, следом послышался душераздирающий крик: «А-а-а...».

«Поджигу разорвало!» – мелькнуло у меня в голове.

Наспех надев ботинки, я выскочил на крыльцо. И только тут понял, что не прекращавшийся крик явно был не Петькин. Резко затормозив, включил заднюю скорость и въехал обратно в сени на свою прежнюю наблюдательную позицию. Вернувшись к окну, увидел, что из другого туалета, стоявшего рядом с Петькиным, вышла их соседка бабка Гориха. Явно испуганная, бабка торопилась убежать домой, но это у неё получалось как-то очень неуклюже.

Сначала Гориха кричала нескончаемое: «А-а-а...». Затем, изменив тональность и частоту посылаемых в небо звуков, закричала: «Ой-ёй-ёй-ёй...».

Тут я увидел, что у нее ниже колен болтаются трусы, которые с каждым шагом всё сильнее опускались вниз и всё сильнее мешали бежать. Под конец она перемещалась по земле мелкими гусиными шажками, выбросив вперед, как спасательный круг, руки.

Со стороны развернувшаяся перед глазами картина выглядела комично, но отсутствие ясности в том, что произошло - смеха во мне не вызывало.

«В боковую стенку Петька жажнул и Гориху зацепил», - подумалось мне.

Как только соседка скрылась за углом дома, и крик её приутих, выскочил из своего укрытия Петька. Он бежал по дорожке от туалета, не дыша и почти не касаясь земли ногами, с широко раскрытыми глазами и ртом.

- Бежим! – тихо прокричал он мне на выдохе и, схватив за руку, с силой вы-

пихнул из сенок на улицу. Быстро закрыл на замок входную дверь дома, побежал в стайку. Я последовал за ним.

Через несколько секунд после того как мы с Петькой укрылись в новом убежище, со стороны соседней послышался дикий рёв и грубая мужицкая ругань. Мимо нас пронёсся сосед Горин, размахивая кулаками.

Подбежав к закрытой на замок двери, Горин подёргал замок, позаглядывая в окна и, никого в доме не обнаружив, вынужден был убраться ни с чем. При этом явно недоумевая и не веря увиденному безлюдью, продолжал громко ругаться: «Бандитё проклятое, поубиваю всех!».

- Ты что, по Горихе лупанул? – наконец-то спросил я Петьку, когда ругани соседа не стало слышно совсем.

- Да нет, что ты?! Лупанул в очко своего сортира. Самого всего дерьмом забрызгало, - сообщил он и безразлично провёл рукой вдоль своей одежды.

Я принял, от Петьки действительно тянуло дурным духом.

- Когда пальнул, Гориха, видно, сидела в своем туалете, а я-то этого не знал. Сам видишь, сортиры стоят у нас стенка в стенку. Выстрел получился громкий, соседка от неожиданности сильно испугалась, подумала, наверное, что это в неё лупанули, - изложил своё предположение Петька и засмеялся.

- Вот это наделал я шороху! Снова от браточкина взбучка будет. Как тогда, помнишь? – на грустной ноте закончил он свою мысль.

На этот раз Петькины опасения по поводу очередного своего наказания за наши проделки не оправдались. Поскольку буквально на следующий день неожиданно для всех вернулся из заключения Степан.

- Честно рассчитался со всеми своими долгами и условно-досрочно освобожден, - известил Степан всех своих домочадцев, перешагнув порог своего дома.

«От сумы и тюрьмы никто не застрахован», - гласит русская пословица. Поэтому в Усятах, во все времена, одинаково радостно – с коллективной гульбой и всеобщей пьянкой - встречали и тех, кто живым вернулся с войны, и тех, кто живым вернулся из мест заключения. При этом редко когда всеобщее, изначально радостное веселье и празднество, не заканчивалось бы дракой.

В общем, через пару часов в доме у Степана собралась вся родня, пришли в гости и кое-кто из соседей, некоторые парами (муж и жена). И началась большая гулянка.

Когда гости и хозяин изрядно подвыпили, один занудный сосед Степана начал удивляться по поводу досрочного Степанова возвращения. Степана слова соседа заделали за живое. Но он, не подавая вида, отшучивался:

- Я же фокусник, раз-раз - своими ловкими руками, и половина срока в кармане. Там никто этого даже и не заметил, а тут, надо же - народ грамотным стал: накорми его, напои его, а после этого он начинает делать арифметические подсчёты срока моей отсидки! – натянуто улыбнувшись, ответил Степан.

Но сосед не унимался, ответом Степана явно был недоволен.

- Не верю. Наверняка ты там... Или... - пьяно вопил сосед, мотая оттопыренным указательным пальцем перед Степановым носом.

От услышанного внутри у Степана всё закипело. Он вскочил и, извергнув невнятный рык, схватил за воротник пиджака соседа и потянул его к выходу. Выведя на крыльцо, пихнул вниз по ступенькам.

Хотя ступеней на крыльце было немного, тем не менее, сосед покатился по ним, как колобок. Сосед был изрядно пьян, но поднялся на ноги быстро, видимо сильно обидевшись на своё бесцеремонное выпроваживание, сжав кулаки, бросился на Степана в драку.

От наглости соседа Степан на некоторое время оторопел, опомнившись схватил полено, лежавшее в углу сенок, и, размахнувшись, со всей силы ударил им смутьяна по голове. От полученного удара сосед снова завалился набок и покатился вниз...

Степан закрыл входную дверь на задвижку и вернулся к гостям, которые несколько обеспокоились по случаю произошедшего, вновь начали наполнять зельем стаканы. Наливали, пили и снова наливали. Тут всех оглушил звон выбитых стёкол крайнего окна большой комнаты Степанова дома, следом за первым окном посыпались выбитые стёкла и из второго окна, а следом за ним и из третьего.

Сосед, выломав из Степановой же ограды приличный кол, поочередно «гвоздил» им окна в доме Степана.

Первым на улицу выскочил Григорий, шурин Степана. Подбежав к соседу, врезал ему по голове пудовым кулачищем. От полученного удара буян, в который уже раз за день, бесчувственно рухнул на землю, выронив из рук злополучный кол. После этого Гришка начал выпинывать соседа за пределы ограды Степана. Наверное, до смерти бы запинал, не оказывающее сопротивления бесчувственное тело соседа, не выскочи на подмогу соседу его жена. Немолодая женщина, словно пантера, бросилась на Гришку.

Вцепилась обеими руками в копну его волос и дико заблажила: «Ты что делаешь, зверюга проклятая... Ты же убьёшь его, а у нас дети. У-у-у...».

- А что он Стёпку обижает, - отбиваясь от бабы, как от вцепившейся в штанину злой собаки, оправдывался Гришка.

- Никто твоего Стёпку уже не обижает, а ты моего мужика изувечил! У-у-у, - кричала испуганная усятская баба. После чего выпустив из рук Гришкину шевелюру, опустила на колени возле своего задиристого мужика и заголосила ещё сильнее.

Настроение у Степановых гостей, да и у него самого испортилось окончательно. Гости, кто извиняясь, кто мыча что-то нечленораздельное себе под нос, начали расходиться по домам. Кто самостоятельно, кто с посторонней помощью.

На следующий день с утра пораньше Степан вышел на улицу и, насвистывая весёлую мелодию, начал вынимать одну за другой все разбитые накануне оконные рамы, и с видом исполнения великой исторической миссии, начал их стеклить...

Красиво жить не запретишь!

Людмила ЛУКЪЯНЦЕВА

Людмила Лукьянцева является активным пользователем международных сайтов: Стихи.ру и Проза.ру. В 2015-2016 номинирована на международную премию «Лучший поэт года» и «Лучший писатель года». В 2016 году номинирована на международную премию «Наследие». В июне этого года выйдет пятый номер альманаха «Наследие», где будут напечатаны её стихи.

Ветеран труда РФ, дочь фронтовика. Окончила НГПИ - факультет русского языка и литературы. Почётный работник общего образования РФ. Награждена медалями: «За долголетний добросовестный труд», «За достойное воспитание детей», «За веру и добро». Выпустила 10 авторских сборников. Приняла участие в восьми коллективных поэтических сборниках. В течение двенадцати лет являлась председателем литературной студии «Гармония слова». Её стихи и проза печатались в городских газетах, в региональных и международных журналах. На стихи автора написаны песни, опубликованные в музыкальном альманахе «Новые песни на стихи поэтов Сибири» композитора Михаила Маслова.

Лучше Родины нет!

Над рекою парят голубые туманы,
Зорька с ними целуется, светом маня.
Облака уплывают в заморские страны,
И зовут за собою в чужие края,

Где тепло, пынут жаром седые вулканы,
Необъятна морская бескрайняя ширь,
Приглашают на отдых холмы великаны,
Где покажется раем одинокий пустырь.

Не лежит мое сердце
к заморским местам,
Пусть растут там бананы,
миндаль и имбирь.
Свою душу я им ни за что не отдам,
Мне милей и дороже родная Сибирь.

В ней таежных лесов изумрудное море,
Над сугробом гудит
красногрудый снегирь.
От ромашек белеет июльское поле,
Томь-река растянулась на тысячи миль.

По весне заалеют поляны купавой,
Мир цветочный огнем загорит.
Златом осень распахнет газоны с отавой:
-Лучше Родины нет! - сердце мне говорит.

Люблю весну

Люблю весну! Ее лихие воды,
Как дети, мчатся с талых, синих гор,
Речушки, обнимаясь с небосводом,
С косою прибрежной затевают спор:

От берегов к лугам спешат в объятья,
О тайной встрече грезят до сих пор.
И, как река, желаю вольной стать я,
Обнять душой сияющий простор.

Познать деревьев веших настроение,
Их запах и волнение ветвей.
И в это утро – сказочно весеннее
В любви признаться Родине своей.

На земле, мной давно облюбованной

На земле, мной давно облюбованной,
Я вдыхаю березы родной аромат,
Словно, кем-то она заколдована:
Не стареет, пережив
ни один листопад.

Вновь увидела речку Искристую,
Воспевающий вечность седой пережат,
И косу из песка – золотистую,
Где встречала с тобой уходящий закат.

Изменилась деревня ни к лучшему:
Покосились дома,
чуть клубится дымок,

Горько здесь прилетевшему лучику,
Он, как тополь печален, душой одинок.
Здесь над садом витают
забытые грезы,
И теперь им не сбыться уже никогда,
На глаза навернулись непрошено слезы,
Видно, канули в вечность мечты и года.

Скоро снова вернусь
под лучистое небо,
В дом, наполненный детской любовью,
мечтой.
Отыщу свой подснежник
под растаявшим снегом
И березу с кудрявой, изумрудной косой.

Мгновения детской радости

Радуга в полнеба полыхает,
Дождь исчез за реденьким леском.
Ребятишки звонкой птичьей стаей
Шлепают по лужам босиком.

Смотрят в отражение на лица,
И смеются весело, до слез.
Захотелось снова здесь родиться
Средь зеленых, ласковых берез.

Посмотрю, что там, таится в луже:
Облака, лучи горят костром,
Вот старик, он, видимо, простужен,
Коль шагает летом под зонтом,

Бабушка стучит ему в окошко,
Мащет радостно морщинистой рукой,
Рядом, на окне, большая кошка
Не довольна, что нарушили покой.

Радуга на небе полыхает,
Так похожа на пасхальную свечу.
Белье кораблики пускают
Дети по бурлящему ручью.

Миры, где жизнь светлее

Я в звонкой речке растворяюсь,
И на душе стало теплее,
Ручьем с ней радостно сливаясь,
Я мчусь в миры, где жизнь светлее,

В места, где громче птичье пенье,
И шелест трав, и шум дождя,
Где яблонь вечное цветенье,
И август дольше сентября.

Я, этим миром утваясь,
Сама жар-птицей райской стану,
И светом солнца наслаждаясь,
Забуду про твои обманы

И все-таки вернусь из рая
Домой к исходу сентября,

По узким улочкам шагая,
Сияя сердцем, как заря.
Быть может, дом родной увидев,
Открою сердце вновь тебе,
И мои старые обиды
Исчезнут в звездной вышине.

Влюбили Саяны меня

Иду по предгорью Саянских вершин,
По лузу, где всюду цветут эдельвейсы,
Кручью, что в долину, как ветер спешит,
Звонит, призывая: «Напейся! Напейся!».

На росных полянах купавы горят,
С них пчелы нектар по утру собирают,
Здесь часто гостей бывает заря,
Завидев ее, сумрак медленно тает.

Орланы летают под небом не зря:
Саянское царство от бед охраняют.
Душа замирает, струною звеня,
От блеска вершин, что
под солнцем сверкают.

Поет Енисей, за собою маня,
В зовущие тайной сокрытые дали.
Влюбили! Влюбили Саяны меня!
Жемчужиной ярко под солнцем сияли.

Запахи гулкого ливня

Я чувствую запахи гулкого ливня,
Бурлит за соседней высокой стеной,
Несет, будто слон, по земле струи-бивни
И бьет по листве водяною стрелой.

Орлом пролетел над цветущей долиной,
Дороги взрыхлил, заливая водой,
Цветы посорвал с пышногрудой калины
И дальше помчался – завис надо мной.

Его, не боясь, потянулась навстречу,
Мгновения детства душой приняла,
Он в сердце моем зажег юности свечи,
Тебя на свидание с ними ждала.

Весь мир напоив, стал спокойнее вроде:
Не бил, а струею ласкал по лицу,
Погладив листочки зеленых смородин,
Домой полетел к Посейдону – отцу.

Сохраним птицу счастья в сердцах

Во Вселенной неведомо многое,
Не пробьешься сквозь тайный покров.
Я иду ее звездной дорогою,
Чтобы встретить святую любовь.

Избежать бы преграды злой участи,
Что сокрыты в заветной судьбе.
Не хочу без любви долго мучиться,
Отыщу ее даже во тьме.

С ней приду на рассвете к любимому,
Тайну сердца открою ему.
Это чувство любви – лебединое,
Не позволю отнять никому.

Я поглажу рукой нежно волосы,
Утонув в твоих синих глазах,
Прошепчу тебе ласковым голосом:
- Сохраним птицу счастья в сердцах.

Любовь ко мне пришла

Я стала в этот день моложе,
Когда любовь в мой мир пришла,
Мне ночи сладкие до дрожи
Весной с собою принесла.

Как лебеди друг друга гладим,
В любви похожи - нам сродни,
Душой сплелись, сердцами ладим,
Во всей Вселенной мы одни.

Рассвет сорвал с тумана маски,
Покинув неба высоту,
В сердца добавил солнца краски,
Чтоб подчеркнуть их красоту.

Я стала радостней, моложе,
Когда любовь ко мне пришла.
Мгновенья сладкие до дрожи
Весной в подарок принесла.

Распустилась тополиная листва

Потемнели небеса. И ночь едва
Прикоснулась к каменным порогам:
Пробудилась тополиная листва,
Пробивая в мир весны дорогу.

Среди звезд прослышавший дипломатом
Месяц наблюдал за чудом в почках,
Наслаждался тонким ароматом
Крошечных салатных листочков.

В душу месяца вливалась нежность,
Сердце зазеленело трелью птицы.
Почки раскрывались в свет неспешно,
Им хотелось бережно раскрыться.

Просветлело небо. И заря едва
Прикоснулась к каменным отрогам:
Распустилась тополиная листва,
В мир весны, пробив себе дорогу.

Пусть порезвится, пока маленький

Коль стал бы взрослым – бушевал,
Срывал с деревьев шумно листья,
Но этот ветерок так мал,
Не ведал тайны божьих истин.

Игрив, как птенчик, и удал,

Не видел зла и горьких слез.
Ночами до зари летал,
Мечтал дотронуться до звезд.

По лугу вихрем танцевал,
Снимал с ромашек белых платье,
Ромашки гладил, обдувал
И заключал в свои объятия.

А, долетев в седую высь,
Гордился ветерок собою,
Не знал, что есть другая жизнь —
Жизнь, переполненная болью.

Люблю его я всей душой,
Пусть порезвится, пока маленький.
- Влетай в окно, мне песню спой
Про счастье,
про цветочек аленький.

Сольемся, как реки, сердцами

На заре, у речушки под боком,
Я иду по заветной тропе,
Путь к тебе указала сорока,
Весть по лесу несла на хвосте.

Средь рябин, ворожеек-цыганок,
Показался небесный просвет,
Здесь встречались с тобой спозаранок,
Дождясь, грядущий рассвет.

Полетела сиреневой птицей
Я навстречу счастливой судьбе,
Чтоб любви родниковой напитаться,
Прислонившись душою к тебе.

Укрывало нас поле ромашек,
Застылая постель лепестками,
О любви мы друг другу расскажем
И сольемся, как реки, сердцами.

К грусти больше не будет возврата

По скользкой полоске света
Я иду под чарующий звук
Переката — поющего лета,
Слыша сердца уставшего стук.

Неподъемной казалась дорога,
От вечерних ветров я устала,
Но дошла до родного порога,
Ночь крылами меня не достала.

Мир вчерашний склонился под ноги,
Тень тоски улеглась на полу,
Видно, тоже подводит итоги:
Я, она - в неоплатном долгу?

- Ты, вещунья, во всем виновата,-
Уходи поскорей из души,
К грусти больше не будет возврата,
День грядущий лучами расшиит.

Не возвращаешься - не надо

Не возвращаешься — не надо,
Пусть боль останется со мной.
Засыплет осень листопадом,
Что нам подарено судьбой.

А встреча? Встреча состоится,
Хоть пролетит ни мало лет,
Вернешься раненою птицей
И вспомнишь свадебный обет.

Все клятвы, данные мне вспомнишь,
И скажешь, что всю жизнь любил.
Слезу горючую проронишь,

Что птицу счастья упустил.

Душа подвергнется смятению,
Ведь прожил ты чужую жизнь.
Слезой не вымолишь прощенье,
Ушла любовь в седую высь.

Ты возвращаешься — не надо,
Боль оставляю за тобой.
Зима покроет снегопадом,
Что нам завещано судьбой.

Мой старенький дом

Теплый дождик бьет по стеклам,
С них, смывая пыль дорог.
Сад весенний молча мокнет,
До листочка весь продрог.

Я оставший домик, старенький,
Сердцем тихо обниму,
Сяду рядом на завалинку,
Боль его в себя приму.

С ним порою очень хочется,
Мчаться птицей с вышины,
Чтоб расстаться с одиночеством,
Убежать от тишины,

Вспомнить вместе годы детства,
Ночью о любви мечтать,
Чтобы смог дом обогреться,
Светлой радугой сиять.

Небесная дорога

Не познать мне небесной дороги,
Коль не стану дорогой сама.
Расстелюсь от земного порога
Сердцем, полным любви и добра.

Придорожный построю домик,
Разожгу побеленную печь.
В нем поселится маленький гномик,
Чтоб радушие к дому привлечь.

Всех оставших в дороге мы сами
Пригласим на заваренный чай,
Пусть живут они в домике с нами,
Представляют свой мысленный рай.

Станут люди по духу родные,
Не обидят меня, не осудят.
Вместе бури осилим шальные,
Души стужа, ветра не остудят.

Не пройтись по небесной дороге,
Коль не станешь дорогой сама.
Я стою на вершине отрога,
Собираю друзей у костра.

Зацветут их сердца белой вишней,
Луч небесный в них будет гореть.
Поведет за собой нас Всевышний
В путь, который нам с ним одолеть.

Счастья негасимый свет

Уходит время скучных зимних снов,
Весенний дождь в окно стучится.
И, может, с ним желанная любовь
К кому-то в час весны явится.

Явилась к нам... И мы теперь вдвоем
Любуемся сиянием майских гроз,
С дождем волшебным радостно поем,
Целуемся в тени густых берез.

Сверкают молнии, тугая небосвод,
Кричим мы ливню весело: «Привет!»
С потоком вод любовь — громоотвод,
Нам дарит счастья негасимый свет.

Убить любовь не в вашей власти...

Грянул выстрел на излете птицы,
Пуля опустила птицу вниз.
Лебедь ждал - подруга возвратится,
Звал ее: «Взлетай со мною ввысь!»

Подлетел. Из раны кровь сочится,
Гладь воды зарею расцвела.
Умерла!.. Ушла на небо птица!..
Душу друга вьюга замела.

Сам поднялся он навстречу пуле,
Смерть пронзила любящее сердце.
Обе птицы навсегда уснули,
Их любовь должна в стихах воспеться.

Люди-звери - не достойны слов,
Не поверили в святое счастье.
- Расстреляли, вы, не птиц - Любовь,
Но убить Любовь не в вашей власти.

Друг без друга не можем - мы две половинки

Мне напомнило небо дамасскую сталь,
А взошедшие звезды —
алмазов крупинки.
Небо манит к себе в беспредельную даль,
Подарить хочет встречу
с моей половинкой.

Я придумала нас: пряча в сердце мечту,
Луч любви заливал душу
ласковым светом,
Где-то ты ждешь меня —
дорогую звезду,
Счастья, ласки, и венчального
ждешь обета.

Я сажусь не в ладью —
в лунно-белый баркас,
Шаль незримой мечты надеваю
на плечи,
И к тебе поплыву
в тайный сказочный час:
Нам любовь назначает
Вселенскую встречу.

Черный космос окрашен
в дамасскую сталь,
Млечный путь протянулся
мостом-паутинкой,
По мосту мы спешим
через звездную даль,
Друг без друга не можем —
мы две половинки.

Согреваюсь я Божьей любовью

Ежедневно учусь я смиренью:
Принимаю семейные грозы,
Отдыхая под вешней сиренью,
Из души изгоняю морозы,

Но душа иногда не сдается
И летит в поднебесье орлицей,
Отдохнет в нем, свободы напьется
И на место свое возвратится,

Тихо скажет: «Прости мою глупость!»,
С ней пойдём в предназначенный путь...
Мы прошли вместе детство и юность,
Не пытаюсь с дороги свернуть.

Вера в счастье не кажется новою,
Принимая с Небес яркий свет,
Согреваюсь я Божьей любовью,
Подарившей мне вечный рассвет.
Весна - цыганка, ей по нраву воля...
Последний луч весеннего заката
Простился нежно с кронами берез.
Весна ни в чем, ни в чем не виновата,
Закончился период вешних грез.

Она за пьедестал ни с кем не спорит,
Не ущемляет никого в правах.
Умчит весна на паруснике в море
И скроется в серебряных волнах.

С дельфинами с утра будет купаться,
Морским русалкам косы заплетать.
Нептун с ней не захочет расставаться,
В любви царю придется отказать.

Весна - цыганка, ей по нраву воля,
Весь мир подвластен девице весне.
Сегодня любит и ласкает море,
А завтра расцветает на земле.

Родной Новокузнецк

Ты мне дорог, город мой родной,
Хоть сейчас окутан зимней стынью.
Летом дорог, красочный, ночной,
Пышущий июльской теплотью.

Дорог смехом, детской суетой
И коврами, выстланными пухом.
Ты не старый и не молодой:
Лет тебе четыреста по слухам.

Ты мне дорог, город мой родной,
Где бы не была, домой стремлюсь я.
Нас Сибирь пустила на постой,
С ней, с тобой душой не расстаюсь я.

Александр ВАСЮНОВ

Васюнов Александр Иванович родился в 1950 году в городе Ялта, Крымской области. Среднюю школу окончил в Алтайском крае. В 1972 году окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, естественно-географический факультет.

С 1972 года учительствовал, служил в армии, трудился директором в средней школе города Таштагол. С 1981 года по 2000 год служил в рядах МВД, в звании подполковника вышел в отставку. С 2000 года работал на Таштагольском руднике начальником штаба ГО и ЧС, затем в дирекции по безопасности ЕВРАЗруды.

Самые большие увлечения - это рыбалка, тихая грибная «охота», строительство и перестройка дачи. Александр Иванович женат, у него двое детей и уже трое внуков.

Очень любит природу Горной Шории. В 1972 году попал в этот восхитительный край, Александр влюбился в горы, распадки, вековые кедры, курумники... В свободное время увлекается написанием рассказов, которых накопилось за бурную жизнь очень много.

Жизнь, как она есть

В небе над Тихвином

В далекие-предалекие времена моей молодости работал я постовым милиционером в Новокузнецке. В мои обязанности входило наблюдение за порядком в районе современного Крытого рынка. Я обратил внимание на пожилого мужчину, который часто приходил на рынок за продуктами. Мне показалась его походка более чем болезненной. Как будто он нес на спине пятидесятикилограммовый мешок. Шаркающая походка была результатом того, что мужчина приволакивал ноги.

Через некоторое время я стал внимательнее наблюдать за ним, понимая, что человек перенес какое-то серьезное заболевание или травму. Я всегда был готов помочь ему в трудную минуту. Конечно, я удивлялся, почему мужчина не пользуется тросточкой, почему он не отправит за покупками своих домочадцев?

Так мы и познакомились.

- Федор Яковлевич, - представился мой новый знакомый, - руководитель местного ЖЭКа.

Разговоры с новым знакомым были очень интересны. Раз за разом мы все больше сближались. Федору Яковлевичу нравилось, то что я интересовался историей, литературой. Мне хотелось узнать причину его странной, тяжелой походки, но не хотелось бередить старую боль доброго человека, ставшего мне другом. И вот, как-то накануне праздника Победы, сидели мы с ним в скверике на лавочке. Пригревало весеннее солнце, и Федор Яковлевич распахнул полы плаща. На лацкане пиджака блеснули награды.

Видя, что мне интересно будет услышать от него фронтовые истории, собеседник улыбнулся по-доброму и начал свой рассказ.

- До войны я жил в этом городе, но тогда он назывался Сталинском. Работал как и многие на Кузнецком металлургическом комбинате, в те годы крупнейшем комбинате в Советском Союзе. Параллельно учился в школе рабочей молодежи. В те годы учились все, такая была тяга к знаниям, было неприлично быть неграмотным. А еще я с удовольствием посещал аэроклуб. Нам всем хотелось стать такими, как Валерий Чкалов. Первый полет на планере - ни с чем не

сравнимое чувство высоты! Под тобой где-то внизу крохотные люди и дома, а ты, как птица! Прыгали мы с парашютом. Вначале с вышки, а потом с аэроплана, маленький такой самолетик.

Когда началась война, мы сразу же кинулись в военкомат, но нам дали бронь. Надо же кому-то и стать варить. А я как раз в мартеновском цехе работал. Каждый день после смены или до нее ходил я в военкомат и требовал, чтобы меня на фронт послали. Что же это получается, там война идет, а я здесь прохлаждаюсь. Конечно, прохлаждаться то было некогда, работали за троих, а то и за четверых, потому что многих уже забрали в армию, вместо них приходили пацаны неопытные, надо было учить их, да следить, чтобы куда не залезли и не травмировались. Случалось, после смены так устанешь, что хотелось прямо в цехе упасть и уснуть, но я шел в военкомат. Многие ребята моих лет, на кого была наложена броня, ходили по той же тропе и с тем же требованием: «Пошлите меня на фронт!»

Нас встречали работники военкомата, уставшие, с провалившимися от недосыпания глазами, задерганные добровольцами. Мы боялись, что война закончится без нашего героического участия. Как-то военком не выдержал и выгнал меня из военкомата, матами мне поясняя, чтобы я ждал своей очереди и не мотал людям нервы. «Успеешь, еще навоюешься!» - крикнул он мне в спину, потому что точно знал, что война будет продолжительной и всем на ней горя хватит.

Повестка в отдел кадров на мой призыв в действующую армию пришла только в 1942 году, когда уже всем стало понятно, что быстро побить врага у нас не получится, когда многие семьи уже получили похоронки на отцов и сыновей.

Начальник отдела кадров, вручая мне под расписку повестку, похлопал меня по плечу.

- Хорош, - сказал он, - Силушку видно по тебе. Не иначе служить будешь в артиллерии или в танковой части.

Но не судьба была мне попасть в артиллерию или к танкистам. После трех комиссий направили меня в летную школу. Видно сыграла роль моя анкета, где говорилось о моих занятиях в аэроклубе. Да и то, что я окончил семилетку, тоже было очень важно в те годы.

В летной школе мы калачей не ели.

Ежедневные изнурительные занятия, учебные полеты завершились тем, что с багажом в тридцать летных часов, отославший от аэродромных работ, между полетами, после сдачи экзаменов, меня переобмундировали и отправили в действующую часть.

Занятия в мирное время в аэроклубе очень пригодились мне на фронте. Я неплохо знал матчасть, и полетов было больше всех, и с парашютом умел управляться.

После нескольких пробных полетов на новом для меня самолете ЛА-5, комэск закрепил меня за ведущим опытным летчиком, на счету которого было уже около десятка сбитых вражеских самолетов.

Самолет был для меня в новинку, но я был в себе уверен, чувствовалась подготовка. Ведущий посмотрел на меня и коротко пояснил мне суть задачи: «Держись за мой хвост». Вот и весь инструктаж.

Вылетов было много. Иногда по нескольку раз в день взлетали. И что интересно, нам вбили в голову положения Устава истребительной авиации - БУИС-40, что истребительная авиация является главным средством борьбы с воздушным противником и основное ее назначение - уничтожение этого противника на земле и в воздухе.

... Федор Яковлевич замолчал, думая о чем-то своем, далеком. Я не посмел нарушать тишину, чтобы не мешать ветерану войны, побывать хотя бы в мыслях в своей далекой и тревожной молодости.

- Надо же, - встрепетулся от мыслей мой собеседник, - столько лет прошло после войны, а я до сих пор помню Устав. Начал говорить о войне, вспомнил все, что произошло, и разволновался. Нервы стали ни к черту. Пора бы уже и не говорить о ней проклятой, но все, как будто, вчера произошло, да так ясно видится.

Сейчас говорят, что был повальный героизм. Может быть! Только мы просто выполняли свою работу и ни о каком героизме даже не думали.

Я тебе уже сказал, что летать мне пришлось на Ла-5. Очень хорошая машина! У нее удачно закапонирован мотор, фюзеляж стиснут с боков и плавно сходит на нет у руля поворотов. Маневренный, скоростной с двумя двадцатимил-

лиметровыми пушками самолет закрыл небо от фашистов.

Война состоит не только из боев. Между вылетами мы просто жили, отдыхали. Конечно ремонты после боев, особенно после хороших стычек с фашистами, когда самолет представлял собой решето. Много работы было и на самом аэродроме.

Обслуживали самолеты, готовили их так, чтобы они не отказали в сложной ситуации, пополняли боезапас. На две пушки брали мы 30-40 снарядов, Больше не было смысла. Самолет становится тяжелее и менее маневренным от перегруза. Это чувствовалось, когда на вертикалях ты догоняешь противника или уходишь от него.

В бою ведь как? Кто занял позицию от солнца, тому и повезло при этом взлете. И сбитый у ведущего появится, но ведомому надо головой вертеть на 360 градусов. И, знаешь, такая привычка выработалась, что даже когда между боями сидишь в столовой кушаешь или пьешь компот, а голова все равно крутится.

Воздушный бой, он же скоротечен. Успеешь три-четыре раза выстрелить, да и то чаще всего в сторону промелькнувшего в прицеле мессера. И уже пора уходить в сторону своего аэродрома, потому что туда направляется твой ведущий. В наушниках хорошо слышно, как комэск приказывает возвращаться. Ответить ты ему не можешь, потому что рация настроена только на прием.

Чем выше поднимаешься, тем холоднее воздух, но мы не мерзли. Зимой от двигателя тепло, а летом от жары и фонарь сдвинешь, и вот тебе освежающий воздух. Вентиляции не надо.

... Рассказчик снова умолк. Он был в тех далеких горячих годах когда страх был неведом. Словно прочитав мои мысли, Федор Яковлевич качает головой.

- А вот страшно было, да еще как, страшно, ведь ты участвуешь в долгом, кровавом месиве жизни и смерти, а мысли о неминуемой гибели преследуют тебя постоянно. Жизнь напоминает тебе о непрочности бытия постоянными потерями, гибелью твоих товарищей с которыми ты сегодня утром смеялся. Утром, вставая с постели, ты понимаешь, что можешь сюда не вернуться, по этой причине живешь в постоянном напряжении.

Перед вылетом ждешь ракету или команду «На взлет!» - трясет всего. Руки ноги немеют, кажется, двинься сейчас с места и упадешь. Язык и глотка пересыхают так, что глотнуть невозможно. Язык сухой, словно наждак, прилипнет к небушке - не оторвать. По всему телу пот ручьями - хоть гимнастерку выжимай. Думаю, что это был не страх, а высшая степень собранности.

Но вот ракета взвилась в воздух и ты уже несешься к самолету. Взлетел, занял свое место в строю, ты уже часть самолета: сосредоточен и внимателен.

Случалось, что летчики сбежали из боя. Трусость всегда вызывала презрение. Страшнее трибунала было то, что твои боевые товарищи назовут тебя трусом. Это не прощалось. Потому что трус - никто среди своих. Случалось, что стрелялись.

Бедой для летчиков было то, что пили, иногда много пили. От этого гибли, потому что у пьяного реакция замедленная - а это легкая добыча для фашистских летчиков.

Пьянство не поощрялось, однако пили, дебоширили. Драки и разборки учиняли в основном из-за прекрасного пола. Девушки и женщины обслуживали самолеты. Они работали оружейницами, механиками, медсестрами. Вот из-за них и разгорались пьяные страсти.

Замполиты и особысты грудью бились, чтобы не допустить появления женщин на аэродроме. Однако всегда случалось так, что какая-нибудь красотка с большими глазами и богатством, выпирающим из-под гимнастерки двумя незабываемыми, колышущимися буграми вдруг объявлялась в летной части. Жадными глазами она смотрела на молодых красавцев истребителей. А те, в свою очередь, стремились ей понравиться. Вот и причины конфликтов.

Многое забылось в жизни, а вот все, что было на войне - помнится. Это могут подтвердить те, кто прошел ее проклятую, кто почувствовал ее свой шкурой, осознал разумом. И все вам скажут, что лучше бы забыть все, вычеркнуть из памяти.

Не вычеркивается, как и тот вылет, который стал для меня последним.

Фашисты в это время уже не господствовали в небе, как это было в сорок первом. ЛА-5 стала грозным противником для мессеров. При наших взлетах службы врагов в эфир выдавали радиопредупреждения: «Ахтунг! В воздухе ЛА-5». И враги старались быстро покинуть место возможной встречи.

А в тот день мы встретили большую группу немецких бомбардировщиков. Покачивая крестами, они тяжело летели на бомбардировку небольшого старинного русского городка Тихвина.

Мой ведущий не растерялся, и мы ввязались в бой. Закон военных летчиков-истребителей: не дать зайти врагу в тыл нападающему.

Два Юнкерса уже горели, когда пулеметной очередью фашист прошил мой самолет. От этого глохнет мотор. Только что невидимые во вращении, лопасти винта замирают в неподвижности. Самолет клюет носом и начинает сваливаться в пики. Тяну на себя ручку управления, но видно перебита тяга управления рулем высоты, что расположена за бронестеклом у хвостового оперения. Пытаюсь понять причину и чувствую что нет

запаха бензина, который всегда исходил от центрального бензобака, расположенного под моими ногами. Значит пусто! Попытался завести мотор - бесполезно!

Отсоединил радиопередатчик, рукояткой открыл сдвижную часть фонаря кабины самолета. Немного вывалился из кабины, и тут же меня вытянуло струей обжигающего холодом воздуха. Машинально выдернул кольцо парашюта и почувствовал удар о фюзеляж. Потом почувствовал, как раскрывается мой парашют. Вроде бы успокоился, но какая-то сила дернула меня вниз.

Одна стропа захлестнулась за заднюю стойку шасси-костыль.

Самолет уже вошел в крутое пики и с ускорением несся к земле. Мы с ним были единым целым: он внизу - ведущий, я следом - ведомый. Я дергал стропу, пытаясь сдернуть ее с костыля. Вот уже близко стала излучина реки, увеличивались в размерах, несущиеся навстречу нам, блюдца озер. Смерть летела нам навстречу!

Видно пролетал мимо ангел хранитель, увидел мои попытки выдернуть стропу, и помог мне. Земля была так близко... Еще рывок и стропа освободилась из смертельного плена. Почти раскрывшийся парашют дернул меня немного вверх, и его лямки сдавили все мое тело. От рывка слетели с ног сапоги. Высоты не хватало, а скорость была еще велика. Снизу стремительно приближались верхушки берез и сосен. Я успел приготовиться к встрече с землей...

Пришел в себя, вижу - лежу в палате большого госпиталя. Забинтован с ног до головы. Шевельнуться не могу. Глазами подозвал сестричку, что находилась рядом. Показал, что хочу пить. Глотал потрескавшимися губами, но вкус воды почувствовал только во рту, а потом в глотке.

Мои боевые товарищи узнали, что я выжил, и на аэродромной полуторке приехали в госпиталь. Они и рассказали, что меня всего переломанного, после того как я приземлился на верхушки деревьев, привезли в госпиталь в состоянии между жизнью и смертью. Без сознания был полмесяца, перенес несколько операций. Доктор даже не обещал, что буду ходить, так как был поврежден позвоночник. Не время мне было покидать этот мир. Выжил! Хожу по земле на своих ногах. Плоховато, но на своих.

О моем спасении писала и фронтовая газета.

Судьба! Судьба дала мне шанс на жизнь, но без полетов. Списали меня вчистую из авиации.

Спустя годы, я узнал, что стал почетным гражданином города Тихвин, за который я в годы войны бился.

...Мы еще долго сидели на лавочке, грелись в ласковых лучах майского солнца, вели тихую беседу о смысле жизни. По дорожкам бегали и смеялись ребятишки. Вот за этот смех и тишину воевали наши отцы и деды, рисковали своими жизнями. Погибали, но не сдавались.

Окорались

По мотивам рассказа
Пантелеймона Романова

В первые годы Советской власти зарождалась новая советская номенклатура, а с ней и проверяющие разного уров-

ня. Именовали их просто - уполномоченные.

С удостоверениями и мандатами, на поездах, лошадях, случалось, и пешком, прибывали они с проверками в различные госучреждения, организации и предприятия. После таких проверок работа на местах, на удивление, разлаживалась. Руководители управленческих звеньев собирали богатый урожай выговоров строгих с понижением и без него, снятия с должности, переводов на другие предприятия и т.д. Но увольнения номенклатурных работников происходили крайне редко. Уполномоченные отработывали свой хлебушек с маслом на совесть. Платили им за проверки вовремя и не мало. И на местах о них заботились исправно. Старались накормить послаще, напоить покрепче, молодайку под бок подложить погорячее. Как бы ни старалась проверяемая номенклатура, но справки уполномоченными писались в основном с негативом. Иначе что за проверка без выявленных недостатков.

Больше всего от таких проверок страдали простые работники, особенно сельские труженики.

Бывало, вечером в исполкоме решение принимают, а утром уже во все стороны покатались уполномоченные с проверкой выполнения того, вечернего решения.

Народ деревенский только сочувственно головами качал, жалея своего председателя. А проверяющий устроит разнос руководству, назоет недостатков (у кого их нет), вальяжно влезет в тарантас и отбудет восвояси. А ты жди, народ, беды неминуемой, закручивания гаек...

Рассказывали, что в большую деревню, расположенную в долине гор вдали от центра, приехал с проверкой очередной уполномоченный. Предъявил в сельсовете свой мандат и отправился в обход по своим делам. Цель его визита просочилась в народ - перепись ребятишек.

Поразмышляли старики и решили, что от этой переписи добра не будет. Ребятишек надо уберечь от уполномоченной беды. А когда было что-то доброе от приезда таких визитеров. Пустили впереди уполномоченного шустрого малого. Тот быстренько обежал деревню с вестью: «Приехал уполномоченный! Переписывает детей! Прячьте, а то хуже будет!».

Послушались бабы. Попрятали ребятишек кого куда.

Идет уполномоченный по деревне и удивляется: беременные бабы есть, а ребятишек нет. Он и по дворам поглядел, и по избам прошелся, на речку сходил - нет детей! Подошел к покосившейся избушке с наполовину скормленной скотине соломенной кровлей. Покосившаяся ограда, кривой колодезный журавель - все говорило о бедности хозяйства. Во дворе увидел женщину, которая кормила картошкой в мундирах пятерых светлоголовых и одного рыжего, словно солнышко, ребятишек.

Обрадовался уполномоченный. Вынул свой блокнот и записал в него всех детей и саму Прасковью-солдатку. Удовлетворенно крякнув, словно гору свернул, вернулся к сельсовету, сел на лошадь и отбыл, ничего никому не пояснив.

Старики, узнав, что нашел уполномоченный все-таки ребятишек, виновато отводили глаза от Прасковьи за то, что не успели предупредить ее. Все население села стало ожидать горя и беды для

Прасковьи-солдатки и ее ребятишек.

Недели через три происшествие стало забываться. Но тут прибыла в село одноконная повозка. В телегу были загружены книжки и мануфактура. Около сельсовета возница спросил где живет Прасковья и направил лошадь к ее двору. Там выгрузил привезенное богатство, подал Прасковье ведомость, в которой она расписалась за получение учебников и одежды для ребятишек. Поставила по неграмотности крестик. С тем и уехал обратно.

Старики, узнав про это, пришли в замешательство и сильно сокрушались:

«Окорались мы на этот раз с этим уполномоченным! Кто ж эту халеру знал, зачем ему наши ребятишки понадобились?»

Ночной таймень

Одно из горнорудных предприятий Горной Шории, только-только становилось на ноги после большой реконструкции. И как на грех, в самый неподходящий момент прибыл очередной проверяющий. Небольшая вроде шишка. И кабинет у него в Москве в Министерстве у самой входной двери. Но при желании много вреда мог принести.

Окончил министерский «жук» работу и начал открыто намекать на то, что не прочь оглядеть экзотические места Сибирской Швейцарии, то есть Горной Шории.

Руководство рудника поразмышляло и решило, что свозить на рыбалку проверяющего обойдется намного дешевле чем, если он напишет негативный отзыв. Да и самим неплохо будет посетить любимые рыбные места, отдохнуть вместе с проверяющим, порыбачить, погулять... Тем более на выделенные бухгалтерией финансы.

Компания подобралась что надо. Все заядлые рыбаки. Для души взяли с собой милиционера-гармониста очень удачливого рыбака. До места доехали быстро. Погрузили снаряжение в лодку местного жителя, который мигом доставил их на утренней зорьке на обозначенное место.

Вылез москвич на берег и обомлел. Предосенняя пора раскрасила горы и деревья в тот неповторимый темный изумруд с крапинками золотого листа красавиц берез. Багрец тоже наведался в стайки тоненьких осин и слегка тронул их зелень. Осенняя акварель разливалась по склонам гор, по долинам, не смея задеть ослепительную зелень сосен и пихт. Голубая лента реки текла размеренно, словно барыня, и по ней, отражаясь, проплывали роскошные кудрявые облака. Вдалеке слышался говор перекаатов, приглушаемый скалами.

Обрывистый берег, на котором оставились рыбаки, отделялся от воды желтеющим тальником и местами намытым пестрым галечником. Рыбаки быстро управились с организацией стана. На сбитый из двух досок стол выставили бутылки с горячительными напитками и дары местных огородов: красные помидоры, зеленые в пупырышках огурцы. Украшением стола была зелень укропа и петрушки, брошенная поверх очищенных перьев лука и сиреневых головок чеснока. Отдельно от огородной снеди лежал ноздреватый хлеб из местной пекарни, выпеченный на берёзовых

дровах и опаре из солода. Его купили прямо перед отплытием, чтобы побаловать приезжего. А потому булки еще хранили тепло печи. Манящий хлебный запах струился над становищем, вплетаясь в настой местных трав.

Пока трое рударей-сибиряков хлопотали по хозяйству, проверяющий, заложив руки за спину и покачиваясь, созерцал окрестности. Выставив вперед свою начальничью солидность (то бишь живот), он демонстрировал миру свою исключительность. С нескрываемым восторгом, хоть и свысока, поглядывал на роскошь первозданной природы и суетящихся компаньонов.

- Зацепила наша Шория? – приостановился рядом высокий рыбак и тряхнул вьющимся зубом, по которому уже побегала не густая седина.

- Да-а-а-а! Это не Швейцария ухоженная и напомаженная, а могучая и настоящая природа. И тропы у нас есть не хоженые и реки с кристальной водой. А воздух... Хоть на хлеб намазывай. Да и сам хлеб... Слышишь какой дух от него идет? Понюхаешь и сыт будешь. Ты еще бы на покосе побывал. Вот где ароматы, когда скошенная трава начинает подсыхать. Голова кругом идет от восторга. А деревья? У-у-у! Сладок дух березового костра, баньки по-черному, да и опилки от свежеспеленного дерева пахнут вкуснее ваших дезодорантов.

...Москвич согласно покивал головой, не отрываясь от созерцания таежного пейзажа. Больше его никто не трогал, потому что дел было еще много, а день неуклонно шел к вечеру. Мужики привычно обустроивали лагерь для ночлега. Вот уже и горка заготовленных дров была готова согреть путников в прохладе ночи, и огонь костра уже лизал днище котелка, готовясь сварить вкуснейшую ушницу.

В Шории уху из минтая варят только приезжие и ленивые, остальные из речной рыбки собственного или соседского улова. Вот и наши рыбаки, приготовив стоянку, разбрелись по бережку со своими снастями, чтобы можно было опустить в котел хариуса, а если повезет – то и тайменя.

Уха! Рыбачья уха на костре в тайге, на берегу любимой речки, только что одарившей человека редкой рыбой, – серебристыми хариусами, окуньками... Уха, которую готовят мужские руки... Уха с секретом известным только дежурному повару-любителю. Каждый рыбак везет для неё родимой с собой упакованные в отдельный пакетик черный и красный перец, лавровый лист, зелень и коренья. Все для неё, для ухи! Готова!

Наконец-то этот живительный эликсир с невообразимым запахом разливается по чашкам, и наступает секундная тишина...

Всё готово. В чашках ожидает янтарная уха, сводя с ума рыбацкие желудки. Наполнены кружки напитком богов и бродяг. Кристальной чистоты жидкость отражает озаренные светом костра и заходящего солнца суровые лица настоящих мужиков. Сосредоточенность лиц нарушает первый короткий, но ёмкий тост. После первого и второго тостов на суровых лицах разглаживаются морщинки, начинается обычный рыбацкий разговор, нарушаемый время от времени бульканьем того самого напитка и стуком ложек по дну опустевшей чашки.

У наших рыбаков была строго опре-

деленная задача – ублажить проверяющего. Потому и тосты, и рассказы были определенной направленности. Старались они и за справку, и за будущие поставки нового оборудования, и за замолвленное в перспективе слово там, в Москве, за дополнительные ассигнования.

Стемнело. Окружающее пространство сузилось до размеров освещенного костром круга. Гармонист растянул меха голосистого инструмента, играл вдохновенно, не забывая по ходу пропускать новую порцию зелья, дабы не отставать от сотоварищей.

Компания пела и смеялась с великим удовольствием. Им подпевало и пересмеивало эхо гор, возвращая концы слов и фраз разухабистых русских песен.

Тьма стучалась, становилась чернильной. Проверяющий, несмотря на принятые чрезмерные дозы спиртного, начал оглядываться, ощущая странную тревогу из-за давящей на нервы ночи и звенящей тишины. Захотелось мужику отойти от костра, чтобы отлить просящую наружу жидкость. Сделал несколько шагов по мокрой от росы траве, оглянулся и обнаружил, что стоит в крошечной тьме, лишь светится звездочка костра, не в силах осветить поглотившую мир темноту. Успокоился, когда снова оказался в освещенном кругу. Но вот на востоке из-за горы появилось тихое голубое свечение – это волшебница луна поднималась над уснувшим миром, разливая на деревья, кусты, реку ровный желтый свет. Потянуло ночной прохладой, проникающей под одежду, и заставило мужиков двигаться ближе к костру.

Лунный свет как будто придавил к земле все звуки, только шелест дальних перекатов да дыхание прилгшего отдохнуть соседа говорило о том, что не все уснули в этом мире. Тяжелый удар по воде разрушил ночную тишину.

Проверяющий вздрогнул и почему-то шепотом спросил:

- Что это?

- Таймень мышкует, – удовлетворенно улыбнулся гармонист, – ишь как по воде хвостом хлбыстнул. Ладно, сидите, а я попробую его на мышка словить.

Он встал, взял спиннинг и начал что-то с ним делать. Поднял голенища рыбацких сапог и ушел в темноту. Мужики у костра замерли в ожидании. Но не успели они друг на друга внимательно посмотреть, как услышали восторженные крики приятеля и звук выводимой рыбы.

- Поймал! – восторженно крикнул рыбак, – завтра будет жарено!

Звук шагов стал отдаляться. Москвич, ни разу не видевший лов рыбы «на мышка», взял шахтовый фонарь и пошел к удачливому рыболову. Сидевшие за столом мужики не обратили на это внимания, они спорили на животрепещущую тему о шахтовой жизни и производстве...

Утро как всегда пришло вовремя. Золотистые лучи осветили и стали согревать остывшую за ночь землю. Гармонисту сквозь сон стали вспоминаться детали ночной рыбалки. Вот он первый таймень лежит уже на траве, подальше от берега. Отошел подальше. Закинул спиннинг во второй раз и тут же почувствовал, как за него зацепился таймень, крупнее первого. Начал его выводить, и почти вывел. Метров пять осталось до берега. И тут, сзади кто-то посветил на

воду фонариком. Таймень не дурак, сориентировался, сделал свечку и был таков. Вспомнилось гармонисту, как он в ярости и с криком: «Я тебе посвечу!» догнал и от всей души дал сапожником пенделя под чей-то мягкий зад.

«Нога до сих пор болит, – подумал он про себя и пошевелил правым носком. – Видно сильно врезал. А вот кому?»

Из палатки, покряхтывая, стали выбираться отдыхающие. Подходили к костру, садились на чурочки, тянули руки к разгорающемуся огню. Только один проверяющий встал около костерка. Мутными глазами он созерцал пламя, пожирающее сухие коряжки дров, потирал отерпшие за ночь руки и что-то бурчал про себя.

- Садись ближе, – позвали его мужики, протягивая кружку с водкой.

- Ничего, я так постою, – просипел проверяющий, принимая кружку, – ноги за ночь затекли.

«Гудыт тебя, – понял все гармонист, – так это я ему подарочек под пятую точку поддал! Вот угораздило! Надо же – молчит... Ну и я молчать буду!»

Не знаю, как организаторам выезда на природу; а вот проверяющему точно надолго запомнилась поездка в Сибирь, уха и костер в ночи, и ночная рыбалка «на мышка», и сорвавшийся по его глупости таймень. Но больше всего будет помниться дикий рев рыбака, свой бег в сторону едва различимого в ночи костра и мощный удар сапога в то место, на котором сидят.

Удостоверение

В те дальние годы от поселка до города можно было добраться только по железной дороге, а с приходом морозов – по зимнику. Так что связь была весьма проблемная. А потому, если и приезжали проверяющие, то не на один день.

За время службы в милиции много проверяющих повидал Валентин Прохорович. Разные были.

Одни не успеют выйти на перрон из поезда, начинают страдать, не отходя от железки. «Всё выверну, – надрывается страж проверки, – попомнишь меня! Я у вас тут порядок наведу! Обленились! Бездельники, засиделись в своей глухомани...». Можно было и дальше продолжать логический ряд страдалок. Но особенно красиво летали над поселком «радующие» душу фразы: «Поснимаю вас всех! Разгоню к чертовой матери! С поганами расстанетесь! Уволю!». Ну и все в таком духе.

Случалось, встречаться Валентину и с другой категорией проверяющих. Звонит, скажем, бедолага, которому в напуганную дыру лезть вовсе не хочется, а надо. Вот он и просит по телефону сказать несколько замечаний (как же без них) и выслать почтой незаполненный бланк командировки с печатями отдела и подписью секретаря.

Скорее всего пересидит мужик дома или у милашки, а потом как время выйдет, «прибывает» он на работу и командировочное удостоверение с отчетом на стол начальству: вот мол, не ел, не спал, все проверил!

Рассказывали, что один такой проверяющий «отбыл» в командировку от жены, а сам – под теплый бочок любезной в соседний подъезд. Так сказать, «уехал в глухомань». Покувыркались они

несколько дней, и как-то бабонька говорит гостеньку: «Все дома да дома. Сейчас время позднее, иди хоть бутылки пустые вынеси». А мужик под шафе, ему тоже поразмяться захотелось. Подхватил ведро и к мусорному баку. Думаете, тут его жена и засекла? Ошибаетесь! Выбросил горе-проверяющий мусор и бегом в свой подъезд. Ноги по инерции принесли его к двери собственной квартиры!

Представляете картину маслом, называется «Не ожидал». Так ведь и жена тоже не ожидала увидеть мужа так рано, в трико, домашних тапочках на босу ногу и с чужим мусорным ведром!

Голливуд в глубоком обмороке!

Еще один делец все не верил в объективность проверок своих подчиненных (видимо в молодости грешил на проверках), а потому решил поехать в дальнее отделение ГАИ, куда можно было попасть летом только на машине с повышенной проходимостью. А он на своей легковушке. Добрался с грехом пополам, по дороге изрядно помяв и покалечив на колдобинах машинешку. Пока он колесил, подпрыгивая на буграх и ямах, начальник ГАИ предупредил все организации, у кого были машины, чтобы ограничили выезд на линии без особой надобности. Нахмурил брови и сурово так говорит: «Попадете областникам, пальцем не пошевелю, чтобы выручить права».

А служакам что, главное приказ поступил, а потому они вообще перестали выезжать. Причин и отговорок нашли кучу. «Нужен ремонт», – говорит один. «Резину менять край надо, совсем лысая», – вторит ему другой. У других тоже есть, что сказать про замену масла, ревизию рессор, бензонасосов. Да мало ли деталей может выйти из строя у машины. Рвет и мечет проверяющий, а толку то? Машины на линию не выходят, значит, нет нарушений и нет нарушителей, соответственно. Трое суток рыл землю проверяющий и, наконец, сдался. Собрался уезжать и говорит:

- Ладно, работай. Видно, владеешь ты обстановкой. Слушаются тебя и водители и их начальство.

Так вот и отбыл, не солоно хлебавши. Говорят, испортил все показатели проверок, потому что ничего не нарыл.

Это что. А вот как-то прибыли два проверяющих по учетно-регистрационной дисциплине. И уж так рьяно взялись за дело, что через два часа работы столько нарыли, что влору начальника отдела снимать за упущения.

Почесал мужик затылок и решил все крайне просто. Вызвал своих подчиненных и поставил перед ними вполне приемлемую задачу: вывезти проверяющих на бережок, угостить от всей души, а оттуда (не завозя в отдел), погрузить в купе, чтобы хорошо они ехали и проснулись только в областном центре.

Был бы приказ! Ребята оказались порядочными и распоряжение начальства выполнили с перевыполнением. То есть проверяющих наугощали, погрузили почти как багаж в вагон, платочком помахали, а сами еще сутки «проверялись», уничтожая остатки проверки.

Написали проверяющие справку, довольно хорошую, а все замечания выказали своим сопровождающим, только те никаким боком к учетно-регистрационной дисциплине не имели.

Был еще такой случай. Приехал из области въедливый проверяющий, но уже

навеселе. И принялся вызывать в кабинет сотрудников и вправлять им мозги. Ему, видно, казалось, что учит работать. Дошла очередь до офицера, который служил дознавателем. Два часа проверяющий пояснял бедолаге тонкости работы в лицензионно-разрешительной системе. Хотел передохнуть, потому и замолчал. Офицер воспользовался передышкой, да и говорит, что ему эта самая система совсем не интересна, потому что у него профиль другой.

- Что же ты мне сразу не сказал? - оторопел проверяющий.

- Чего говорить, вы же мне слова не дали сказать.

Понял проверяющий, что он только людей смешит, да и отбыл домой.

Из всех проверок, которые пришлось протаскать через себя, Валентин сделал вывод: проверяющие приезжают и уезжают, а работу делать все равно надо, до тех пор, пока не освободят от нее. И еще одна истина: не так много желающих занять то место, которое ты занимаешь. Служи, Валентин!

Так он и делал. Много интересного повидал и услышал служака много добрых и поучительных историй.

Случилась эта история в тот год, когда министром МВД был назначен кэзэбэшник. Сильно крутой был. Начал свою карьеру с кадровой чехарды. По малейшему замечанию - увольнение, любимое «Иди на все четыре стороны! Не нужен ты системе». Много хороших оперативников тогда остались не у дел.

«Лес рубят - щепки летят». Вот и летели на гражданку милиционеры. Кто-то приспособивался к новым условиям и образу жизни, а кто-то уходил в запой, скатывался на самое дно жизни и жил там вместе с политурщиками, бомжами.

В тот год и пришлось Валентину Прохоровичу выдержать серьезную проверку сверху. Штатный жалобщик написал очередную кляузу, в этот раз на него и отправил в Москву. Приехал важный проверяющий. На людей, как на мусор смотрел. Только ничего он не «нарыл». Конечно, факты, изложенные в жалобе, не подтвердились, и пришлось москвичу уезжать с пустыми руками. Валентин остался служить дальше.

Лето идет к концу. Погода радует погожими деньками. Душа вольного человека жаждет попасть в лес, на бережок реки, да еще бы в компании друзей-сослуживцев.

Однако! Идет проверка работы. Прибывший проверяющий, обливаясь потом, то и дело вытирает красное лицо, пытаясь развернуть свое не маленькое тело на жалобно скрипящем стуле. Вращать шеей ему не удастся ни разу, потому что она напрочь срослась с туловищем. Ему все время нужны то такое-то дело, то такой-то отчет, то протокол совещания. Возьмет и выписывает себе в блокнот выдержки. Если вдруг в бумагах обнаруживается ошибка, проверяющий радостно подпрыгивает на стуле, плюхая свой тяжелый зад на сиденье. Потирает руки от удовольствия, как будто ему сто пятьдесят грамм налили. Порадуется так-то человек, берет ручку и делает очередную запись. Пухнет от записей блокнот, радуется проверяющий...

А у сидящего напротив офицера лицо становится все грустнее. Тоска и уныние охватывает все его естество, хорошо, если выговор влепят, а могут и уво-

лить. Мысли крутятся в голове вокруг одного и того же: «Как бы утащить его с проверки? Что бы такое сделать?».

Вдруг офицер встал и спрашивает: «Уху из налимьей печенки пробовал хоть раз?».

Проверяющий по инерции: «Нет!».

«Предлагаю исправить пробел».

И офицер начинает расписывать все достоинства блюда, аппетитно повествовать о процессе приготовления и вкусовом блаженстве вкушения налимьей печенки. А к этому времени проверяющий уже достаточно проголодался, а от красочных картин, нарисованных офицером, у него закружилась голова. Захлебываясь слюной, проверяющий еще немного смог продержаться, но потом не мог сопротивляться требованиям своего драгоценного организма.

...Это коней запрягают долго, а приготовить все для угощения проверяющего - только глазом моргнуть. Мигом к крыльцу полетела машина, уже заполненная продуктами и всем необходимым. У знакомого рыбака взяли замороженного нечищеного налима. Всё - кортеж готов! Погрузили в машину проверяющего, и на природу.

Задымился костерок, потянуло березовым дымком и закипела, забурилась в котелке уха. Янтарный жир перекачивался по пузырькам от кипения, аромат щекотал ноздри... И проверяющий уже был готов есть уху прямо из котла, уж так она была аппетитна. Первые сто грамм птицей пролетели, от ухи и за уши не оттянешь. Ест проверяющий, уху да прихваливает, только доброту не желает. Держит дистанцию. Все вежливо, да «спасибо!». Как была в нем отчужденность, так и застряла. Убывает уха и спиртное. Слегка подобрел гость, заулыбался, пару шуток отпустил. Уже не мечет громы и молнии, но и о проверке не говорит.

От печали не берет хмель и начальника отделения. «Неужели зря затеял уху? Всё, надо другую работу подыскивать. Много нарушений накопал...».

Уха съедена, водка выпита, а результат нулевой. Надо ехать в обратный путь. Загрузили в машину остатки трапезы, чуть тепленького проверяющего.

«У, волкодава...» - подумал начальник отдела, помогая втиснуть тело волкодава в салон машины. Всё, надо ехать. Огляделся хозяин пирушки: не забыли ли чего, и видит - валяется что-то красное. Поднял машинально. О чудо! Это же служебное удостоверение проверяющего... Положил его в карман, и сел в машину.

Утром на проверяющего было смотреть тошно, сильно помятое лицо выражало крайнюю озабоченность.

- Удостоверение мое не подбирали?

- Нет.

- Посехали на место, может, там выронил.

Отправились снова на место пикника. Проверяющий все облазил, чуть не на четвереньках, под каждую травинку заглянул. Нет удостоверения!

Привезли его в гостиницу. В те времена потеря служебного удостоверения приравнивалась к потере табельного оружия. Сам сотрудник подлежал увольнению из органов. Много позднее вышли послабления в виде выговоров. Строгое было время.

Уехал наш проверяющий в область, а начальник отдела стал ждать результатов проверки. Пришли. А в них нет разгоня, критики, оргвыводов. Ни-че-го! Будто и не было выявлено массы нарушений.

- Молодец! Хорошо встретил проверяющего, - говорит начальник милиции.

А офицер помалкивает, только головой кивает, знает, что не закончилась еще проверка. Через несколько дней снова появился этот проверяющий. И не в отделение поехал, а на то место, где пикник был. Вытаскивает из портфеля бутылку коньяка. Выпили. Проверяющий и говорит:

- Понял я всё! Результаты видел? Устраивают? Ничего плохого в справке не будет, можешь так и сказать начальнику.

Сказал и замолчал, на природу смотрит. Начальник отдела вытаскил из кармана удостоверение, положил его на то место, где подобрал.

- Смотри, а вот и удостоверение твое лежит, - говорит он, - надо же и даже не намекло.

Поднимает красную книжечку и подает проверяющему.

Что и говорить, результаты проверки были достойными. Начальник отдела получил благодарность, а проверяющий свое удостоверение.

Сувенирный кирпич

Много сегодня говорят о временах Советского Союза. Все было плохо. Зубы стирают до десен в ярости на прошлое. А были это разные времена, с хорошим и плохим, и не очень. Всё как всегда и везде.

В конце пятидесятых Никита Хрущев заявил: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». При этом обозначил срок, когда же этот коммунизм наступит - двадцать лет. То есть в 1980 году мы должны были вступить в эпоху абсолютного коммунизма: каждому по потребностям, от каждого по возможности. Быстро прошли эти два десятка лет. Ушел в прошлое генсек Хрущев, к власти пришел Леонид Брежнев.

Конец семидесятых. Не такое уж и плохое время было, я вам скажу. Государство развивало промышленность и сельское хозяйство. Космос был наш. В магазинах изобилие продуктов, правда, без вычурных упаковок, но с отменным качеством. Молоко, масло, сметана, творог и сыры были из коровьего молока, а не из ингредиентов непонятного происхождения. Наваристый мясной бульон не имел включений из химикатов, которые придавали бы ему вкус мяса, он был из говядины, свинины или баранины. Да, что уж говорить о продуктах того времени. Знак качества определял многое и обозначал, что товар хорош.

Широкие поля зерновых колосились по великим просторам нашей страны. Золотистое, отборное зерно рекой сыпалось в закрома. Все ребятишки ходили в школу, те, кто хотел продолжить обучение, поступали в техникумы и вузы. Обучение было бесплатным, да еще студентам платили стипендию. Диплом нельзя было купить (по крайней мере, в Сибири).

«Трудно» было в те годы работать в органах внутренних дел. Дежурная часть иногда за все сутки не регистрировала ни единого правонарушения, не говоря о преступлениях. Случалось, и по два три дня стояла тишина в дежурке.

Участкового инспектора население знало в лицо. Да и он сам не ждал, когда вызовут, а просто появлялся в квартире или доме, чтобы узнать как дела.

Вот в такое удивительное время пришлось работать органам правопорядка. И чтобы служба сладкой не казалась,

проводились частые проверки деятельности того или иного отдела.

Как-то раз дежурная часть горотдела подверглась тщательному внеплановому инспектированию. В положенное время на пороге отдела стоял худющий до желтизны проверяющий с большим кожаным портфелем в руках. «Язвенику» - сразу определил начальник отдела.

У проверяющего действительно оказалась запущенная язва желудка. В силу этого диагноза, мужчина не пил водки, не курил сигарет, его рацион составляла только манная каша.

Согнувшись над кучами бумаг, проверяющий упорно работал. Ему нужно было все сделать быстро, потому что на столе уже лежал железнодорожный билет. Его еще утром купил по воинскому требованию в воинской кассе помощник дежурного (в те годы практиковались безналичные расчеты на перевозки военнослужащих).

Товарищ из области закончил работу, сходил к начальнику ГУВД, доложил о результатах проверки и выявленных недостатках. Времени до отхода поезда оставалось не много, поэтому проверяющий забежал в дежурку, взял билет, положил в массивный портфель и побежал в туалет, находящийся на улице.

Дежурный, опытный работник, пятнадцатилетний капитан (то есть прослуживший пятнадцать лет капитаном) увидел, что портфель проверяющего поджидает хозяина в одиночестве на лавке у входа. Глаз дежурного озорно блеснул. Пошел дежурный в подсобку, вынул из-под плитки красный кирпич, завернул его в газетку и сунул «сувенир» в портфель. Типа «Будешь знать, как нам тяжело от твоих проверок».

Прибывший, товарищ из области в спешке заскочил в помещение, подхватил портфель и побежал к выходу. Дежурная машина доставила его почти до вагона. Так что не позволили органы правопорядка опоздать и задержаться проверяющему.

Работники, отправив гостя, смотрели друг на друга и посмеивались. Они представляли, какой гнев вызовет сувенир у отбывшего, когда он обнаружит подарок в портфеле. Составивший розыгрыш им понравился: «Увидишь и обрадуешься, а заодно и подумаешь, сколько неприятных минут ты доставил сотрудникам».

Прошло около месяца после этого события. Понемногу улеглись страсти, растворился в памяти сувенирный кирпич.

Приезжает как-то наш сотрудник, побывавший в Главном управлении, и отдает нашим дежурным аккуратно упакованную посылку с кургучной печатю. Тяжелая такая посылочка и надпись на ней: «В дежурную часть горотдела».

На смене были как раз те самые сотрудники, которые участвовали в отправке кирпича. Приняли ребята посылку, столпились, разворачивают обертку... Оттуда посыпалось конфетти от бумаги телетайпа и оказался красный кирпич. Тот самый «сувенир» вернулся домой.

-Надо же, - воскликнул дежурный, - наш «путешественник»!

Покрутил его в руках и понес обратно в подсобку, водворил на место.

Оказалось, что проверяющий, хоть и язвеник, но нормальный мужик, понимающий шутку. Мог устроить разнос, скандал, но поступил мудро: дождался удобного случая и ответил нам тем же..

Сергей ПРЯХИН

Родился в 1956 году в посёлке Тельбес Таштагальского района. В 1973 году окончил среднюю школу в посёлке Каз Таштагальского района. После окончания школы пошёл работать на совхозную пасеку, освоил специальность пчеловода. Там и работает поныне. В 1982 году заочно окончил Мариинский сельскохозяйственный техникум.

Литературным творчеством, начал заниматься сравнительно недавно, стихи его, как сам говорит: «О любви и философии крестьянской души...».

Люби

Подо мхом мишуры
Две гордыни горы,
Две печали реки,
Две навстречу руки,

Две зовущих души,
Две заблудших любви.
Боже, нас отыщи!
Боже, благослови!

Небосвод озарил
Всполох чистых зарниц.
Лес ночной подарил
Какофонию птиц.

Словно в тающей мгле
Пробуждённой глуши
Повстречаются две
Обнажённых души.

Ты и я, я и ты
Под крылом шалаша,
Сея жизни цветы,
Радость пьём из ковша.

На планете любовь
Жизнь продолжить спеша,
Божьей милостью вновь
Зародилась душа.

Мама душу растит,
Созиданьем живёт,
Да с душой говорит
И с душою поёт:

«Я - в тебе, ты - во мне
Душа в душу живём.
На счастливой волне
Мы с любовью плывём.

Моя радость парит
На крылах белых птиц
От зари до зари
И не знает грани.

Я летаю во сне
И в мечтах после сна -
Твое сердце во мне
Пробудила весна.

Ты подарок судьбы
И гостинец богов,
Оберег от беды
И от скуки оков.

Дар приму дорогой:
Первый вздох, первый взор,
И напишем с тобой
Новой жизни узор!

...На рассветной заре
(В столь таинственный миг!)
Слышен был во дворе
Твой рождественский крик:

« Я пришла! Я пришла!
Я - уже человек!»
... Среди нас ты нашла
Свое счастье навек.
В мир приводит прекрасный
Жизни тонкая нить;
Чтобы жить не напрасно
Надо просто любить!

Власть любви

От разума, предавшего любовь,
На всей земле бесчинствие плодится.
А как душе сквозь беды, ложь и кровь
Не к дьяволу, но к Богу приобщиться?

От разума, отвергшего мораль,
Родилось неразумное создание;
Открыть загадку эту не пора ли,
Пришло откуда стадо обезьянье?

А разум, потерявший свою волю,
Распял Христа и веру правы славной;
Он есть Господний раб и злую долю
Несет и спит дорогою обманной.

Пусть разум, изнуряющий себя,
Не потрясет фундамент мироздания;
Все ж гонки потребления татьба
Сожжёт с земли живое одеянье.

На разум излучающий любовь,
Сойдет пора благословенной власти;
В огне борьбы сердец кипела кровь,
На нём сгорят иезуитов страсти!
И вспыхнет свет Божественной любви!

Записка в букете

Вижу блеск ваших глаз красивых,
Откровение губ молчаливых.
Вы меня согреваете взглядом.
Я надеюсь, хотите быть рядом?

Мне нужна и любовь, и муза;
Часть возьмёте души моей груза?
Чтоб мне стало легко и просто
Подниматься души всем ростом,

Наполняться силою воли,
Быть творцом своей собственной доли.
... А душа моя (та ещё птица)
За ошибки в темнице томится.

Из темницы души моей дверца
Отворяется ласкою сердца.
Своей музе в пути её длинном
Я смогу послужить добрым джином

И исполнить любое желание,
Только дайте своё обещание.
Свежим ветром меня и Пегаса
Вознесите к вершине Парнаса!

Может стать, возвышенным слогом,
Я смогу быть услышанным Богом.
Я надеюсь, откроет он всё же
Свой воистину замысел Божий.

Разум наш, осознав его сути,
Эгоизму откажет в приюте.
И любовь, сея свет на планете,
Стих дарить будет в каждом букете.

Шаги по саду

В пылу страстей, в плену иллюзий
Душа плодит себе врагов,
А боль от собственных конфузий
Духовных - видимость шагов.

Уроки жизни извлекая,
(То шаг вперёд, то два назад).
Ищу, на случай уповая,
Чистейших знаний райский сад.

На склоне... Нет, в подъёме лет
Дошёл до жизни осмысления;
Спеша постигнуть знаний свет,
Учусь у каждого мгновенья.

И, познавая мирозданье,
Стремлюсь открытое раздать.
И муза - Божие создание,
Пришла Пегаса обуздать.

Полёт в поэзии просторы
Размахом крыл заворожил;
Открывши в мир окно и шторы,
Обитель мысли освежил.

Любовь наверх ведёт. Любовь,
В трясине дней проложив гать,
Желанием наполнит кровь -
Познать, служить, беречь, шагать.

Вложить, отдавши время снов
И «боя вечного» затиший,
Безбрежные пространства слов
Меж берегов четверостиший.

Свои стихи, своих Богов
Для нас оставивших реченья,
Определяющих течения,
Вложить меж крепких берегов.

Путь рабы

Шла душа от Богов
К православным родам;
Только в доме родов
Управляет Адам.

А в роду и в душе
Настежь дверь. На беду!
Одиноко душе -
Спит сознание в роду.

А Иегова знать
Перешла через край;
Время тёмное, знать,
Серой братии - рай.

И душа не поймёт
От чего тарарам?
А посулы и гнёт
Гонят в рабство к рабам.

И подалась душа
Под Господневый трон,
Погрузилась душа
В гипнотический сон.

Не спасти уж душе
Замирающий род;
Рай пророчит душе
Иегов - новый год.

Без ума пьёт душа
Кровь Христовую,
Кровью поит душа
Веру новую.

Упоилась душа
Кровью винною,
Погубила душа
Цель невинную.

Благородство души
Стало сказкою,
А Песах для души
Стался Пасхою.

Отравилась душа
Ложью - плесенью,
Омрачилась душа
Чуждой песнею.

Замаралась душа
Страстью - похотью,
И покрылась душа
Серой копотью.

Задохнулась душа
В мерзи, гадости;
Утомилась душа
Жить без радости.

Утонула душа
В море водочном;
Растворилась душа
В мире сволочном.

Растверяла душа
Силу Божию;
Опустилась душа
В грязь дорожную.

Отстрадала душа
Долю трудную;
И прозрела душа
В пору судную:
Обманулась Душа
Паразитами;
В рай не вхожа душа
Под семитами

Новый год - без души,
С адской рожей;
Хочется для души
Любви Божией!

Устрашилась душа
Адской темени;
Ждёт. Дождётся душа
Утра времени!

Не приемлет душа
Зло, продажность и тлен;
Покидает душа
Летаргический плен.
Столковалась душа
В кабале у врагов;
И пошла вверх душа -
В стан родимых Богов.

Поднимайтесь, роды
Племя Божия!
Собирайся в ряды,
Рать Сварожия.

Людмила ЛЮБОВЕНКОВА

Горный инженер по образованию, родилась и выросла в городе Прокопьевске. Большую часть трудовой жизни отработала на угольных предприятиях Прокопьевска. Заканчивала трудовую деятельность на шахте Кыргайская.

«Путь в себя, - так она говорит о начале своей творческой литературной деятельности, - начался в 2014 году. Это не дар и не искусство, а ежедневная работа над собой. Слушать себя и записывать захотелось после болезни не совместимой с жизнью. Желание победить и просыпаться в хорошем настроении стало неотъемлемой частичкой жизни. Проработала всю жизнь на шахтах, не подозревая, что существует другая жизнь». Творческий багаж у Людмилы Любобенковой пока не велик, да и опыта в начатом деле тоже не много, но тему жизни и жизненных трудностей современной женщины, за которую она взялась, знает не понаслышке.

Несколько небольших рассказов опубликованы в 19-м сборнике Союза любителей поэзии «Кузбасский родник» «Любовью дорожить умеете» (руководитель Лукьянова Л.П.), увидевший свет в конце прошлого года, она открывает словами знаменитого французского философа, писателя и моралиста 18-го века Люка Де Капье Вовенарга: «По ложному пути идут женщины, избравшие своим оружием кокетство. Они мало в ком способны зажечь великую страсть, не потому, что они, как принято считать, легкомысленны, а потому, что никто не хочет оставаться в дураках».

Страх современной женщины

Рассказ

Анна не понаслышке знала, что жизнь современной женщины полна проблем. Этим была заполнена большая часть её личной жизни, но она тянулась, выжимая последние питательные соки из своего организма и скручивая все свои жилы в единый жгут. Мать одиночка, без передыха почти ежедневно выполнявшая не лёгкую работу на шахте, после работы выполнявшая все домашние дела, к тому же «везущая» на себе (в прямом смысле этого слова) свою уже не маленькую дочь. Иногда её охватывало чувство страха и казалось, что за ней по пятам гонится чудовище, пытающееся схватить и уничтожить.

Тогда Анну охватывал ужас, и она на какое-то время терялась, не зная, что ей делать дальше, как ей жить дальше. Потом, через силу «она подхватывала сама себя под руки и заставляла себя же что-то делать и идти дальше».

Когда дочь училась на первом курсе института, Анна заболела, ей сделали операцию. После этого нужно было бы хорошенько подлечиться, побережь себя. Но куда там – нужно было работать!

До конца не долечившись, она вышла на работу. На «вахтовках» тряслась по ухамам и ямам.

В январе прошлого года при очередном посещении больницы, врачи сообщили, что опухоль снова пошла в рост и вновь требуется операция. Её жизнь разделалась на «до» и «после».

Постоянно ощущаемое «чудовище» вновь вплотную приблизилось к ней. «Что делать? Как жить дальше? Что будет с дочерью, если меня не станет?» – постоянно думала она. Слез не было, сердце билось учащённо.

«Неужели кроме операции, вылечиться мне никак больше нельзя?». Да и новая операция не давала никаких гарантий на успех, потому как то же самое ей говорили и перед первой операцией.

Всё в жизни было плохо, только одним душа её теплилась, - когда ей было двадцать восемь лет, на её жизненном пути повстречался мужчина, такой же одинокий человек, как и она.

Так же как и она, в одиночку воспитывающий детей.

Издredка они встретились. Встречи

долгими не были, но приятные и тёплые чувства и воспоминания сохранялись в её сердце надолго, теплили его. Звали его Фёдором. В молодости он был зеленоглазым красавцем, и при одном только взгляде на него у неё кружилась голова, не говоря уже о том, когда он её нежно обнимал, ласкал и целовал.

Иногда они выезжали за город, в лес, где собирали ягоды, дышали и наслаждались чудесными летними лесными ароматами.

В лесу она собирала лесные цветы, гадала на ромашках, отрывая их лепестки: «Любит! Не любит!...». Всякое выпадало, но она никогда не отчаивалась, никогда не предъявляла ему каких-либо своих претензий и требований.

Так, год за годом, шла их жизнь, после чудесных встреч она продолжала жить сама по себе, он сам по себе.

Теперь, когда Анна почувствовала себя больной и разбитой, она не хотела больше встречаться с Фёдором, не хотела говорить ему о своей вновь возобновившейся и смертельно опасной болезни.

Мысли и воспоминания о нём её больше не радовали. Покоя не давали редкие встречи с дочерью, её холодность, как к чужому безразличному и ненужному ей человеку.

Тоскуя и терзая себя, она перестала слышать окружающие её звуки и музыку. Страх одиночества, который так долго удерживала внутри себя, изливался из души слезами, как вода из кувшина.

Не переставая думать, что же ей делать дальше, она всё же решила на новую операцию.

Немного оклемавшись и не чувствуя особо, что болезнь уходит из её организма, она твёрдо решила что нужно чем-то заняться, иначе в считанные месяцы или даже недели жизнь её завершится. Поэтому почти каждое утро через силу она начала ездить на дачу. Гуляла там, дышала свежим воздухом, пока солнце не начинало сильно припекать.

Не редко, обессилев, она ложилась на кровать и плакала от боли и усталости. Но этого никто не знал и не видел.

Как-то утром на даче появилась бездомная кошечка и, мурлыча, начала тереться о ноги Анны. Вначале Анну охватил страх, и она хотела выгнать кошку из дома, но почему-то не сделала этого.

Некоторое время спустя, когда киска сама ушла на улицу, Анна почувствовала, что усталость и боль начали понемногу ослабевать и уходить из организма.

В последующие дни, приезжая на дачу, она начала привозить с собой еду и для своей новой знакомой кошечки. Кормила и угощала её. После того когда киска наедалась, Анна усаживалась в кресло и брала киску к себе на колени, гладила и разговаривала с ней, как с человеком. Кошка, словно понимая её, тихо мурлыкала в ответ.

Так, почти каждый день, они просиживали по часу, а возможно и более продолжительное время. Иногда, откинувшись на спинку кресла, Анна засыпала, спокойным и здоровым сном. Засыпала у неё на коленях и кошка.

Однажды во время отдыха на пороге её дачного домика тихо появился Фёдор. Он вошёл крадучись, не желая беспокоить её раньше времени. Поэтому, когда она его увидела, то вначале даже испугалась от неожиданности, не веря своим глазам.

- Разрешите войти или прогоните? – застыв на пороге и улыбаясь как всегда, тихо спросил он.

- Входите, не прогоню, - не очень учтиво, официальным тоном ответила она ему, наверно, оттого, что не осознавала ещё реальности происходящего, думала, что это сон. Или оттого, что болезнь начала вытеснять из души любимого когда-то ею человека.

В следующее мгновение Фёдор буквально подлетел к Анне и протянул огромный букет полевых цветов, чем испугал лежавшую у неё на коленях кошку. Та, фыркнув на него, прыгнула с колен хозяйки и убежала на улицу. Положив на освобождённое кошкой место свои цветы, Фёдор встал перед Анной на колени и, обняв, прижался к ней колючей щекой.

Анна взяла цветы и, уткнувшись в них лицом, неожиданно для себя заплакала.

- Откуда ты взялся? – придя немного в себя, спросила она всё тем же официальным тоном. Ничего не ответив, он лишь показал ей рукой вверх. – Ясно, с неба свалился, - тем же тоном ответила она.

И вновь ничего не ответив, он лишь согласно кивнул головой.

- И язык где-то потерялся, - уже более ласково произнесла она.

- А почему мы ничего не сообщим,

ли, что заболели? – наконец спросил он, с явной обидой в голосе.

- Мы думали, что вы, узнав о нашей новой хвори, сразу же и забудете про нас, разлюбите. Мы знали, что больные тётеньки никому не нужны. Поэтому и не сообщили, - вторя ему и явно дурачась, неожиданно для себя она сообщила ему действительную причину своего молчания и страха.

- Я знал, что такая глупость может родиться в воображении больной женщины. Но то, что это может родиться в твоей голове, в мою голову никогда не приходило, - отстранившись от неё, серьёзно сообщил он, подняв на неё глаза. И помолчал какое-то время, продолжил. – Поэтому, чтобы подобного в дальнейшем больше никогда не случилось, сообщаю тебе, что одну тебя здесь больше не оставлю. Остаюсь у тебя навсегда, если не прогонишь, конечно?

- Не прогоню! – серьёзно ответила она. – Раньше-то почему не догадался сделать это?

- Раньше? Стеснялся! – ответил он и заулыбался. – Шучу, конечно, а серьёзно – раньше я не знал, что нужен тебе каждый день, каждый час, каждую минуту; а сейчас – знаю.

Какое-то время Фёдор пожил вместе с Анной в её доме, потом они купили для себя новое жилище, и до сих пор там живут.

С момента образования новой семьи бездомная дачная кошечка обрела постоянное место жительства, живёт вместе с Анной и Фёдором. Взяли они её и в новый дом, как полноправного члена семьи. Найденной стали называть её.

Так три одиноких, несчастных, земных существа, объединившись вместе, начали жить счастливо. Оказывается, в жизни и такое случается!

- Умирают люди чаще от одиночества, чем от болезней, - в конце концов, решила Анна, иногда вспоминая невесёлые дни своих мук и отчаяний.

Всё так же изредка навещают их дети, в том числе и дочь Анны. Но теперь Анну это меньше всего беспокоило, если не сказать – наоборот, с какого-то момента в жизни, она начала чувствовать в себе какую-то неприязнь к дочери. Да и дочь почувствовала, наверное, это. Но это, почему-то, Анну совершенно уже не беспокоило.

- Пусть живёт как хочет! – твёрдо решила она.

Геннадий БУРЛАКОВ*Здравствуй, собратья по творческому увлечению!*

Я Геннадий Бурлаков, коренной новокузнецкий (г. Новокузнецк, Кемеровской области). Спасибо за удовольствие, доставленное прочтением ваших стихов. Не буду детально анализировать их достоинства и недостатки, я в этом не специалист, но некоторых авторов я, всё же, выделил для себя. Прошу принять без обид мои шаржево-пародийные отклики в ваш адрес. Я никого не хочу обидеть и уж, тем более, никого не хочу поучать, как надо и как не надо писать.

Сам я пишу лирику очень редко, более тяготею к песенной форме. Ну а пародии мои – это просто юмористический ракурс того, что заложено автором в произведение, некая вольная фантазия на ту же тему. Буду чрезвычайно признателен, если мои стихи вдохновят кого-то на пародийное прочтение темы. Творческих вам удач, великолепных метафор и любви, без которой просто не бывает полёта фантазии и вдохновения.

С уважением, Геннадий БУРЛАКОВ.

С улыбкой о серьёзном

Пародии и шаржи на стихи авторов

Собратьям по перу

Не высок и не художав,
Да к тому же безус совсем я
(Хорошо ещё – не прыщав
Был родитель, чьего я семени).

Но, однако, по ранней весне,
Лишь пригреет солнышко, снова
Просыпается зуд во мне
Пародиста А. Иванова.

Алчно лыка рву из строки,
Чтоб плести из них лапты пародий.
И смешными вдруг станут стихи
Те, что были серьёзны вроде.

Я обидеть друзей не хочу,
Только всё же, на всякий случай,
Копья юмора я мечу,
Чтоб стихи ваши стали лучше.

...Пророков нет в Отечестве своём,
И никогда, наверное, не будет,
Хоть трижды обогни весь окоём...
...Не для плебейских истина утех...
...Такая у неверующих доля –
Похмельем тяжким перегружен мех.
...Возникла сразу, словно из эфира,
Украшив горделивого царя,
Его искусно сшитая порфира...
Из поэмы А. Рябова «Теодицея»,
венки сонетов.

Пророку – А. Рябову

Суров наш век – пророки не в чести,
Не сыщешь днём с огнём по окоёму.
Лишь Рябов зёрна истины нести
Способен нам – ему хвалу поём мы.

У этих вопрошал я и у тех,
Не видел озаренья на лице я.
Да! Не для плебейских истина утех,
Тем более – твоя «Теодицея».

Но всё же, как искусно, чёрт возьми,
Венком сонетов ты себе порфиру
Скроил и стал для нас кумиром.

Мои в том уверения прими.
Я не смеюсь.
Какой тут, к чёрту, смех!
Похмельем тяжким
перегружен мех.

...Мой труд. Ты сердцем
продиктован,
Ты в этот час увидел свет,
Поскольку был опубликован
И съеден с чаем на обед.
...С повседневностью, словно конь,
душа
Побрыкается и обвыкнется...
Г. Шемелин «Брод».

Пообедаем, друг?

Воспарим, друзья, в лёгком антраша,
Тонким юмором мы проникнемся...
Жаль, с повседневностью, словно конь,
душа
Побрыкается и обвыкнется...
Ошемелены, опубликованы,
Мы с улыбкой Геннадия слушаем,
И стихами его очарованы,
Словно Кука к обеду – скушаем.

Под звон гитар я взглядом отыскал
Твой юный стан, изваянный на диво,
Ты проходила, в сумраке зеркал
Себя оглядывая горделиво.

Среди других неугомонных тел
Ты, словно царственный протуберанец,
Твоё участие в мирском теченье дел
Напоминает грациозный танец!

Живая статуя! Твой облик не застыл!
И всё звучит волнующим напевом
Простые линии высокой красоты
И правый глаз, рифмующийся с левым.
Г. Шемелин «Брод».

Ваш правый глаз гудит, как медный бас,
А левый вторит девственным сопрано.
Как хорошо, что я увидел Вас
Не к ночи, милый мой протуберанец.

Вы грациозны, словно саксофон.
Средь прочих тел вы –
скрипкою в футляре.
Не скрою, Вашим видом я пленён
И Вас забыть удастся мне едва ли.

Под звон гитар я мысли и не тщу,
Что нас судьба соединит любовью...
Живая статуя! Ведь я ж не дотащу
Тебя в постель,
что так рифмуется с тобою.

А внутри меня степи-прерии...
...Я в себя смотрю, и мне кажется:
Эти дебри непобедимы
И никто уже не отважится
Долететь до их середины...
...А за лампадой – царь квартиры –
На стуле курит труп кумира...
Г. Шемелин «Брод» и «Фанерная
дверь».

Я в себя смотрю

Я рубашку снял, расстегнул ремень,
Перед зеркалом встал, набычившись.
И в себя смотрю вот уж третий день –
Ничего вроде нет необычного.

Замахнул стакан, а за ним другой...
И прояснилось, вдруг, моё зрение.
Будто дверь в нутро распахнул рукой,
А внутри меня степи – прерии.

«Труп кумира» там всё зельём смердит,
Печень плавает тёмной льдиною...
Зверь не добежит, птица не долетит
До нутра моего середины.

Лечь хотел в постель, не могу шагнуть,
Ноги стали вдруг словно ватные.
В дебрях я своих не пометил путь...
Как найти дорогу обратную?

Спасибо монологам мглы
И ничего не знавшему партеру.
Прошёл мой дождь, запеленал углы
И воровской жаргон сменил на веру.

А ночь взялась за похороны глыб.
Телеги ей грузили злые птицы...
Я помню лица, что теперь белы.
Я помню неизменно эти лица.
К. Егоров, газета «Озарение».

Сюжет для сюрреалиста

Стояли в мрачном сумраке дома.
Ночь злою птицей в городе летала.
В театре шло чего-то из Дюма...
Но что? Об этом публика не знала.

Змеёю полз беззубый шёпот мглы,
Всплеск молний мне напоминал химеру...
И чей-то пёс запеленал углы,
Чем пробудил во мне в святое веру.

К чему теперь жаргон мне воровской?
Нет! Лучшие сразу – взять и застрелиться,
Чем жить среди вас, с зелёною тоской,
И видеть неизменно ваши лица.

Р. Сидорову (шарж на манеру
публичного выступления).

Ехал к вам...

Ехал к вам
И гляжу – у дороги,
Вся такая, ну, в общем, белая,
На меня глазами огромными
Вдруг берёзка посмотрела.

Я спросить хотел,
Да проехали,
Мол, о чём, берёзка, взгрустнула?
Что стоишь верстовою вехой,
Иль как путник усталый заснула?

На дворе не на шутку мороз крепчал.
Только мнею мороз был – «до фенечки».
Мысль меня созревала под крепкий чай,
Баньки пар,
Да берёзовый веничек.

С. Гринбергу,
любителю и тонкому знатоку
позиции, коллекционирующему
вириши пишущих друзей –
дилетантов и графоманов.

Обращение к «поэту»

Ты не бросай своих творений
В корзину с мусором, дружище.
А вдруг, когда-то станешь гением?
Ну, где ты свой шедевр отыщешь?

Неси их мне. За меценатство
Ведь я не требую наград.
А вдруг потомкам пригодятся
Стихи, что в мусорке лежат.

Час придёт – тоскою смертной заболею.
Растворюсь в невыносимо вечной мгле...
Ни о чём таком как будто не жалею,
Жалко, Пушкина не встретил на земле.

Свечка выгорит – и время всё залижет.
Риск большой. Но и надежда велика:
Вдруг его в полях заоблачных увижу,
Пусть случайно сквозь туман... издали.
А. Раевский «Забуранный рай».

Судьба поэта

За плетнём угаснет дневное светило.
Ночь слизнёт его шершавым языком.
Вот и жизнь моя –
под гору покатила...
Что припомню? Опечалюсь ли о ком?
Ни о чём таком как будто не жалею,
Но сомнения терзают мысль мою:
Телом крепок и маразмом не болею...
Принимают ли теперь таких в рай?
Эх! Судьба поэта – весь в твоей власти.
Жизнь сама решит проблему –
«who is who».

Мне лишь знать бы, пусть
подскажет мудрый классик:
Там, в рай, мои творенья на слуху?

Мы пошли бы с ним в обнимку
вдоль по Невскому,
Он тихонечко б шепнул в ночной тиши:
Наши ты тэзка, в доску наши,
ты свой – Раевский...
Только к нам, всё ж, Александр, не спеши.

Раньше было проще и счастливей,
... Правда иногда взывает что-то,
Может быть плебей естество –
Поозоровать найдёт охота...
... Вдруг махнуть захочется
в столицу
И с серьёзным видом, не спеша
С главной телебашни

помочиться...

... Постоял в тоске и злобе
И за все свои труды
Расписался на сугробе
Жёлтым почерком нужды.
... И закончит, вдруг, беседу
Так среди и неужи:
«Не бери примера с деда,
Видишь – непутем прожил!»
А. Раевский «Пьяные цветы»,
«Забуранный рай», «Сугробчик».

Раньше было проще и счастливей,
Босоногим бежал по селу.
И вниманье кобельком сопливым,
Уделял я каждому углу.

Шли года, судьба меня мотала,
Всё заботы, всё труды, труды...
И писал я на снегах устало
Ярко-жёлтым почерком нужды.
А теперь седой уж стал и плешью
Своим внукам скоро засвечу.
Только в мыслях –
всё такой же грешник,
Всё шутить, озоровать хочу.

Всё махнуть мне хочется в столицу
И, истив для резвости пивка,
С главной телебашни помочиться,
Не спеша, взирая свысока.

Только, вот, когда дамой приеду,
Дочка подытожит неужи:
«Не бери примера, детка, с деда,
Всю-то жизнь он непутем прожил!»

Да! Поэту это – не солидно!
К доктору мне надо позарез...
Кашпировский лишь поможет, видно,
Вылечить мой подлый энурез.

Вот, Богу только лишь подвластный,
Упал на землю день ненастный.
Туманом над рекой застылым,
Дождём холодным и унылым.
И я сижу намокшей птицей
Над отсыревшей половицей.

Из рукописной подборки
«Солнцеворот» А. Мачковой

Из жизни птиц

Была картина та прекрасна:
Берёза в золотой парче,
Поляна в золоте атласном
И злато облака в луче

Передзакатного светила,
Где в голубеющей дали
Унылым клином птицы плыли,
Покинув кров родной земли.

Но Бог (ему ведь всё подвластно),
Свершил в природе катаклизм –
Обрушил наземь день ненастный
И полетели капли вниз.

Туманом над рекой застылым
Окутал золото полей.
И всё, что было сердцу мило,
Тусклее стало и белей.
Оставили меня собратья

Уплывши клином на юга...
И вот уж мне грозит объёмом
Седая, словно лунь, пурга.

Над отсыревшей половицей
Вздыхаю я, судьбу кляня,
Смотрю на мир намокшей птицей:
«Забыл ты, Боже, про меня».

Из альманаха «Счастье быть собой» г. Братск 2009

Их двое. Мне нравятся оба.
И каждый – в своём амплуа:
Один будет верен до гроба,
С другим я сама уплыла.
Предчувствий среди и пророчеств,
Как древо раздваиваясь
Под молниями одиночеств,
Уже и себе не своя...
О, выбора мука и смута!
И мысль настаивает, что вдруг,
Отдав предпочтение кому-то,
Я выпущу сердце из рук.

Татьяна Безрядная

Нас мучает выбор извечный –
К какому примкнуть рубежу?
Умом понимаю, конечно,
Что к умным... Но я погожусь.

Терзаюсь с немислимой силой,
Как в притче известной примат.
Ведь я же ещё и красива...
Да, это я знаю сама!

Раздваиваясь, словно древо,
Рыдая сижу у реки.
Видать, быть мне вечною девой,
Не сдюжили мужики.

Один испугался гроба,
Другой заплутал в судьбе.
И мысль вдруг настигла: «Оба!
Да я ж не своя себе!»

Как коротко, как ёмко слово Русь,
Как радостно – легкопроизносимо!
Как будто, заплугавшее в бору,
Девичье – беспокойное «Ау!»,
Призывно пролетающее мимо.

Юрий Розовский

Как коротко, как ёмко слово Русь!
Но для меня в нём всё уже не ново.
Поэтому я часто балуюсь
Славяно – русско – языковым словом.

Зашёл я в бор, а там: «Ау! Ау!»
Блуждает между пней и сухостоя.
И не пойму, во сне ль наяву
Ау гуляет, будто волки воют.

Девичье – беспокойно я иду
(Хотя с тобой отроду мужики мы).
Меня «Ау!» терзает, как в бреду
И всё призывно шлёт куда-то мимо.

Мне холодно. На поиск солнца
Я собираюсь в непогоду.
В Италию ль? В страну японцев?
А небо льёт на землю воды.
Я как рождающая крикну
В отчаянии: «Ну где же солнце?!»
Найду, найду и не покину
Страну блуждающих японцев.
... А солнце там, где ты обнимешь
Мой силуэт заиндевевший.

Наталья Власова

Я географию учила
И ставил мне учитель пять.
Но я, конечно, отмочила!..
В Японии – тепла искать?

Ну ладно б Сочи, иль Палермо,
Нет, нам Японию давай!
Да! Видно я училась скверно.
Исправь, учитель, пять на два.

Лежу и грежу, солнце снится,
Ну а тебя всё нет и нет.
И я кричу, как роженица:
«Согрей скорей мой силуэт!».

Да, бывают на свете мадонны...
Только мельком увидишь её,
Остановишься с внутренним
стоном,
Чтобы скрыть удивленье своё.

И готов совершить безрассудство
Пыль глотать неизвестных дорог,
Чтобы, встретившись, высказать
чувства,
Ждать ответа, рабом пав у ног.

Юрий Педченко

Повстречал как-то я мадонну...
Челюсть выпала: «Ё – моё!».
Я прикрыл её с внутренним стоном,
Чтобы скрыть удивленье своё.

А она на меня не взглянула.
Табакком, как духами, дыша
Трёхэтажно в мой адрес «загнула»
Тык, что в трубку свернула душа.

И подумал я в безнадёжке,
Обалдело молча, как Муму:
«Да! Вот встретишь-то по одежке,
А проводишь-то по уму!».

Наступила осень, растоптала,
Обжигает первый снег лицо.
Я стою у мрачного вокзала
Тенью, приведеньем, мертвецом.

Что-то надломилось, заскрипело,
Сжало плохо смазанную грудь,
И куда-то потащилось тело,
Никогда не равнявшееся в путь.

Олег Ромадин

Смазал грудь с нутра, да видно – мало.
Но вдруг слышу: «Ты попал!». Я стих...
Это меня осень растоптала
И стою я у вокзала «Стикс».

Толи сам тащусь, толь тащат тело?
Что ж, прикинусь тенью, мертвецом.
А внутри ломалось и скрипело,
Обжигало чем-то мне лицо.

Не пойму, кто предо мной маячит?
Бат-тюшки! Да это же Аид!
А он, взглянув, изрёк:

«Что это значит?

Он и на ногах-то не стоит».

«Кто таков?». Я говорю: «Ромадин».
«И за что?». «За мрачные стихи».
Ну а он: «Не-ет! Нам таких не надо.
Прочь ступай! Иди, копи грехи».

Утро. Я живой. Какое счастье!
Водка есть, а вот Аида нет.
Накатил на грудь... И в одночасье
Написал стихи про первый снег.

Николай МИРОНОВ

Битва за Берлин

Приближалась война к завершенью,
Истощались ресурсы страны,
Шли победные блики сражений,
Отрезвляя фанатиков тьмы.

Всех дыханье весны возбуждало,
В стук сердца был слышен парад,
Но, как прежде, война забирала,
Молодых, неокрепших ребят...

Взять Берлин —
для солдат

вдохновенье,

Продолжают полки наступать.
Вражий город в кольце окруженья,
Склеп нацизма пора штурмовать!

У Ивана задача такая:
С батальоном пробраться в рейхстаг.
Обстановка, отнюдь, не простая,
Обреченный сражается враг.

Сапоги к наступлению готовы.
Аргумент —

ППШ автомат!

Скажет в логове веское слово,
Победитель - сибирский солдат.

Бой в разгаре — на мост забежали...
Дом напротив — бойниц целый ряд.
Самоходки на марше отстали...
Враг свинцом угощает ребят.

Наконец подошло подкрепление.
Траков лязг слышен был за версту.
Весь напрягся Иван в удивленье,
Детский плач услышал на мосту.

Растревожилось сердце Ивана,
Канонада ушла к черту прочь,
Никакая война не преграда -
Словно плачет любимая дочь.

Что есть силы, рванул он к ребенку,
Плащ-палаткой комочек прикрыл,
По мосту размотались пеленки...
Он живое тепло ощутил.

Батальоном его прикрывали,
До воронки успел добежать...
По нему из окошек стреляли,
И снарядом успели достать...

Тусклый свет, полевая больница,
Глухо звякнул осколок об таз,
Предстоит ещё долго лечиться,
Обошла его смерть в этот раз.

Потихоньку вернулось сознание,
Взгляд сестры над его головой:
Он в бреду повторял заклинание:
«Тот ребёнок...

скажите...

живой?..

Услышали салют-канонаду.
Ваня понял, что это не бой...
Вновь судьба подарила награду -
Победитель остался живой...

Пос. Малиновка.

Людмила ТАНКОВА

Член Союза журналистов России. Неоднократный победитель литературных конкурсов. Пишет стихи и прозу, сказки и стихи для детей. На слова стихотворения «Поседевший парад» композитором Сергеем Борисовичем Толстокулаковым написана одноименная песня, которая стала дипломантом областного фестиваля-конкурса им. И. Дунаевского. Песни на стихотворения, адресованные детям, а также песни на лирические стихотворения Л.А. Танковой были написаны композитором преподавателем музыки Владимиром Игнатковым.

В 2003 году увидел свет сборник стихов «Шепот звёзд», изданный совместно с поэтессой Адельей Мачковой.

Книга «Кипение крови» (2009 года выпуска) стала первым прозаическим сборником рассказов автора.

Рассказы о Великой отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» опубликованы в журнале «Огни Кузбасса». Выпустила несколько детских книг «Снежные лебеди», «Обиженный гребешок», «Солнечная девочка».

Память жива, пока мы помним

Машина легко шла по извилистой шоссе. Мы ехали в поселок Тайжина. Правильнее сказать, за поселок, туда, где расположен мемориал погибшим горнякам шахты «Тайжина».

Чем ближе подъезжаем, тем тяжелее становится на душе. Прошло двенадцать лет с того времени, но не стерся в памяти день 10 апреля 2004 года. По православному календарю на этот день приходилась Пасха. Такое же солнечное утро, остатки потемневших сугробов, посветлевшие небеса и яркая зелень сосен. Был праздник. Мир еще не знал о той ужасной трагедии, которая разразилась в выработках «Тайжины».

Мир содрогнулся и раскололся от страшной новости. Люди с тоской в сердце провожали мчащиеся машины ВГСЧ и Скорые. Вой их сирен разрывал душу... Все надеялись, что обойдется.

Не обошлось.

Вот как о том дне и последующих рассказывала заведующая здравпунктом шахты «Тайжина» Людмила Вениаминовна МИХЕЕВА.

- Рано утром 10 апреля мне позвонила сигнализация со ствола и сообщила, что на поверхность вышел травмированный шахтер. Мы оказали первую помощь: помыли его, обработали раны, наложили шины и отправили в травматологическое отделение города Осинники. Гоняли, что произошла авария, готовились к приему пострадавших, но представить ее масштабы не могли.

Практически сразу после известия о взрыве в шахте к зданию административно бытового комбината начали подъезжать машины «Скорой помощи» из поселка Высокий, города Осинники. Прибыли команды ВГСЧ. И к восьми утра на поверхность стали поднимать травмированных людей.

Вскоре на шахту прибыли все наши работники медпункта: Ольга Андреевна Райхерт и Екатерина Павловна Шныпа. Они вместе с бригадами «Скорой помощи» оказали первую помощь травмированным шахтерам, направляли их для госпитализации в Осинниковскую больницу...

К этому времени, мы уже знали о размерах трагедии и подготовились к мас-

совому приему пострадавших. Но оказалось, что принимать было уже некого, потому что пошли сообщения о погибших, о степени разрушений.

К десяти часам на шахту стали приезжать родственники, тех, кто в эту ночь был на смене. В актовом зале АБК люди ожидали сообщений о сыновьях и мужьях. Они надеялись на чудо, а чуда не случилось.

- Трудно нам пришлось, - с горечью говорила Михеева, - женщин приходилось отпаивать лекарствами, приводить в чувство, успокаивать. Мы понимали их горе, старались помочь, чем могли. За полчаса в здравпункте закончились все запасы успокаивающих и сердечных средств.

...И Людмила Вениаминовна поехала в Осинники закупать лекарства. Медра-

ботники «Тайжины» успевали оказывать помощь и в здравпункте, и в актовом зале. Им помогали две бригады «Скорой помощи» из Осинников и три бригады - из Новокузнецка.

- Скорые дежурили у нас круглосуточно, - делилась впечатлениями того тяжелого дня Людмила Вениаминовна. - Работы хватало всем. Тяжелее всего было первые двое суток.

Было не просто тяжело физически, но и в большей степени морально. Домой медработники впервые после аварии попали только через сутки и только для того, чтобы немного передохнуть.

- Мы были потрясены случившимся, не хотелось ни есть, ни пить, - вздыхает

Михеева, - так кофейку похлебаем и дальше.

А что же было дальше? Работы медицинским работникам не уменьшилось. Пришлось не только работать в медпункте на шахте, но и дежурить на похоронах. Задействованы были все. На их долю выпало дежурить в пятнадцати похоронных процессах.

Горе невосполнимой утраты нависло над семьями погибших горняков. Обмороки, нарушения сердечной деятельности на фоне перенесенного стресса - так реагировали люди на трагедию.

Не только дежурство в семьях входило в обязанности медработников «Тайжины», но и проведение предсменных осмотров всех спускающихся в шахту тайжинцев.

и снова в шахту, как только они все это выдержали, да еще в экстремальных условиях.

Оказывали помощь и членам комиссии и работникам различных служб, задействованных на шахте в эти дни. У них от перенапряжения возникали проблемы со здоровьем: головные боли, повышается или понижается давление.

Хотелось бы сказать о том, что не относится к моим служебным обязанностям. Долгое время после взрыва я не читала газет: не до того было. А когда в пятницу взяла в руки одну из них, то диву далась: о чем только некоторые журналисты не наговорили. Не понятно с кем корреспонденты общались, откуда они такие данные взяли.

Пишут, что люди чувствовали запах метана, но общеизвестно - метан не имеет запаха, цвета, вкуса, потому он так коварен. Метан можно определить только специальными приборами. На человека он воздействует по-разному в разных концентрациях... Да, кроме метана в газетах написали много неправды, всего не перечислишь...

Вот как комментировала действия коллег журналистов газета «Горняцкая солидарность» в те скорбные, полные печали дни: «Еще не были подняты тела всех погибших в результате аварии на шахте «Тайжина», еще не были разобраны завалы, экспертная группа в то время только приступила к работе, а средства массовой информации уже всю заговорили о причинах (в первый же день после трагедии). Говорили со слов прохожих пешеходов, очень дальних родственников (а скорее и не родственников вовсе) горняков, по слухам на улицах поселка Высокий, только не со слов специалистов. Читать прессу, смотреть некоторые новостные телепрограммы тех дней было тошно и стыдно.

Конечно, нам понятны желания некоторых людей быстро все понять. Даже если не знаешь, о чем там речь. А таких среди коллег-журналистов - не знающих, что такое лава, забой, горная выработка и так далее, но спешащих показать себя ни много ни мало экспертами горного дела, - оказалось, увы достаточно.

Хотелось первыми объявить виноватых, пощекотать нервы читателей и зрителей жуткими (пусть даже не этичными) снимками, кадрами и подробностями. А где же истина? Истина оказалась погребенной под грудой амбиций пишущей снимающей братии.

Вскоре новая беда - весенний паводок, сорвавшийся, как пес с цепи, и накинущийся на незащищенные поселки и города, - отвлекла внимание средств очень массовой информации. Про «Тайжину» и ее беду быстро забыли: то ли тема стала неинтересной, то ли скучно было сидеть и выжидать, когда компетентная экспертная комиссия доберется до причин. Все силы местных и не местных СМИ были брошены на созерцание южнокузбасского потопа.

А тем временем на пострадавшей шахте шла упорная и кропотливая работа. Члены комиссии в тяжелых условиях шаг за шагом обследовали километры разрушенных выработок, выясняя первопричины аварии. Тайжинцы и спасатели вручную разбирали завалы - тонны высыпавшейся породы, восстанавливали энергоснабжение, вентиляцию. Это поистине героический труд!

В своем сочинении о трагедии на «Тайжине» так писала ученица 7-го класса школы №5 города Осинники Алина ШАРИФУЛЛИНА: «Работа в шахте очень тяжела и опасна. Очень больно про это говорить, но горьким примером стал взрыв на шахте «Тайжина» 10 апреля 2004 года, который унес жизни 47 человек. Жители города прощались с каждым из погибших шахтеров, как со своим близким родственником. Город оделся в траур. Воздух, как будто, наполнился страхом и вопросом: «Как такое возможно? Этого просто не должно случиться?» И слезы, слезы, слезы...»

В памяти проплыли и картины итогового заседания комиссии по расследованию причин аварии. Начальник Кузнецкого управления Госгортехнадзора (в то время - прим. авт.) Виктор Иванович ХРАМЦОВ дал краткую характеристику шахты. Затем оценил действия персонала в роковую смену. Выходило, что до аварии в шахте не было нарушений режима, в норме было и содержание метана. В эту смену наряды получили 65 человек, из них в шахту спустились 59 человек. В 6 часов 15 минут произошло частичное обрушение кровли в лаве, что привело к нарушению целостности высоковольтного кабеля и возникновению искры. Взрывы распространились по всем выработкам, как в цепной реакции. Комиссией были сделаны выводы, что в действиях персонала нарушений не было. В выработках произошел взрыв метановоздушной смеси с участием угольной пыли. Основными причинами этой аварии комиссия считает обрушение пород в лаве, возникновение упругой волны, которая вызвала обрушение сопряжения, и расслоение пород, так как эта часть выработки находилась в зоне опорного давления, и участие угольной пыли, которая подпитывала взрыв на протяжении его распространения по системе горных выработок. Двенадцать человек вышли на поверхность, получив травмы, четверо из них тяжелые, а сорок семь оказались в эпицентре взрыва.

...Из-за поворота показался черный камень обелиска. На нем высечены слова «памяти шахтеров шахты «Тайжина», погибших 10 апреля 2004 года посвящается». Монолитная грубо отесанная глыба памятника сгорбилась над тем самым местом, где на большой глубине 12 лет назад произошел взрыв метана и угольной пыли. На полированной плите осиротевшая шахтерская каска застыла в Вечности. По черной глади от каски и высеченных гвоздик белесые полосы, словно камень и природа плачут по сорока семи мужчинам, имена которых высечены на памятных плитах. Не дожили... Не долбили...

К мемориалу подкатывают машины и автобусы. Представители Распадской угольной компании, шахты «Осинниковская», администрации города Осинники, Новокузнецкой территориальной организации Росуглепрофа, родственники и коллеги погибших приехали, чтобы почтить память отцов, сыновей, мужей, товарищей и коллег. Среди приехавших, молодые люди лет шестнадцати - восемнадцати, и более старшего возраста - это сыновья и дочери погибших горняков. У многих уже свои семьи, кто-то еще учится. Но не дано отцам увидеть, как растут их дети, как мужают сыновья и хорошеют дочери, поиграть с внуками... Не могут они обиходить старость своих матерей и отцов...

Весеннее солнце настойчиво разгоняло тучи по краям, смещая их к горизонту. Ночью шел дождь, его слезы видны на траве, соснах, обелиске. И они не спешили высохнуть, напоминая живущим о долге памяти.

Траурный митинг, организованный профкомом Росуглепрофа и админист-

рацией шахты «Осинниковская», начался с панихиды, которую отслужил Благочинный церковью Осинниковского округа, настоятель Свято-Троицкого храма протоиерей Василий Грушицкий. Затем отец Василий обратился к собравшимся со словами утешения и печали. Он говорил о том, что никто уже не может помочь погибшим, однако, мы можем молиться о их душах, «молитва не имеет преград, и погибшие шахтеры нуждаются в наших молитвах».

Была зачитана телеграмма от депутата Совета народных депутатов Кемеровской области Петра Куруча: «Искренне соболезную семьям погибших горняков в трагедии 2004 года на шахте «Тайжина». Глубокая боль и горечь от этой потери по-прежнему отзывается в наших сердцах. Очень важно сегодня, спустя годы, хранить память об этих сильных и мужественных людях, об их трудовом подвиге. По-прежнему профессия шахтера остается самой опасной среди мирных профессий. Черное золото дается слишком дорогой ценой. Необходимо сделать все, чтобы трагедии больше не повторялись».

Глава Осинниковского городского округа Игорь Романов говорил о том, что для Осинников дата 10 апреля стала днем памяти и скорби по погибшим тайжинцам. Игорь Васильевич напомнил о том трагическом дне, когда 47 горняков не поднялись на-гора. «Страшная беда пришла во многие семьи города Осинники и поселка Тайжина. У кого-то в этой трагедии погиб муж, у кого-то брат, у кого-то сын, у кого-то друг, коллега. Это наше с вами общее горе, горе жителей Осин-

ников и поселка Тайжина. Погибли люди, которые своим трудом обеспечивали благо города, области, своих семей. Они хотели воспитывать своих детей, хотели просто жить. Прошу почтить память погибших шахтеров минутой молчания».

И замер на мгновение мир. Слезы капались по щекам вдов и матерей, горестно вздыхали осинниковцы. Только метроном отсчитывал секунды памяти, очередные мгновения без тех, кого любили, с кем смеялись, разговаривали, да ветерок приносил запахи весны, как последний привет от безвременно ушедших горняков.

Игорь Васильевич поблагодарил родных, близких, друзей и коллег за память о тех, кого уже нет среди нас. «Выполняя завет горняков, вы занимались главным - воспитанием подрастающего поколения. Многие дети погибших сегодня уже взрослые и занимают трудовые места. Они стали достойными членами общества и трудятся на благо Осинников, Кузбасса и всей страны».

Все выступающие говорили о том, что память о погибших горняках сохраняется в сердцах родных, близких и друзей. Что тайжинцы остаются примером настоящих мужчин, героев, профессионалов горняцкого дела. Но только один из них - директор шахты «Осинниковская» Константин Зеленцов сказал о промышленной безопасности в шахтовом деле. О том, что надо строго заниматься промышленной безопасностью, воспитывать молодых горняков, обучать их безопасному ведению горных работ.

Под тихую скорбную музыку верени-

ца людей шла к памятнику, чтобы возложить цветы. Тихо ложились красные гвоздики и розы на черную полировку камня, на родную фамилию, загорались свечи, трепетали фитильки пламени - память жива, пока мы помним!

Для человеческой памяти нет срока давности. Мать помнит первое слово своего сына, первые шаги... Еще свежи в памяти молодых и первый поцелуй и свадебный вальс... вспоминается последний анекдот, рассказанный перед смелой напарником, для которого утро так и не наступило...

Главное помнить, да и забыть не удастся, ведь боль не ушла, боль только припустилась. Камнем легла на сердце, чтобы не отпустить никогда.

г. Новокузнецк.

Семяночка

Иван Иванович Иванов, директор ПоСТФУНИИСХ не знал, куда себя подевать. Подходил к концу отчетный период, а отчитываться было нечем. Ни одна кафедра, ни одна лаборатория ничего приличного не предоставила.

На столе Ивана Ивановича лежала груда никому не нужной исписанной бумаги. Понять схемы и цифры, пояснительные записки и заключения директора даже не пытался. Зачем? Всё равно в них нет той самой запятой, которая могла бы стать восклицательным знаком.

Глава ПоСТФУНИИСХа встал с насиженного места, прошелся по обширному кабинету, постоял напротив окна: вокруг простирались поля, сады, опытные делянки, испытательные полигоны – тоска.

Припомнилось предыдущее место работы: центр, склады набитые дефицитом, приемы, женщины в мехах и шелках. И ведь «погорел» на мелочи, на глупости. Чутье подвело, заполировалось за годы власти «Свой своему», а потому поставил не на Того. А Того и не поставили, вместо него выдвинули противника. В результате Тот и его противник помирились, а Ивана Ивановича «задвинули» в ссылку вот в этот ПоСТФУНИИСХ.

Как это расшифровывается, запомнить практически невозможно. Поэтому на столе всегда перед глазами лежала бумажка, где черным по белому было написано «Покрышкинская станция Тёсовского филиала Усского научно исследовательского института сельского хозяйства». Правда бумажка лежала для проформы. Все говорили: «ПоСТ», а он, директор, всегда был на посту.

...Иванов еще немного побродил по кабинету, потрогал всякие там колоски, веники засушенных растений: «Господи, какая пылица, и ведь не выбросишь. Достижения!..» Вернулся к креслу, устроил свое тщедушное тельце в одном из уголков обширного кожаного сиденья. Предыдущий директор был непомерно больших размеров.

Вздыхнул Иван Иванович, подвинул к себе большую синюю папку, открыл титульный лист: «К вопросу о районированных сортах картофеля...» - начал читать название темы.

- Разве это тема, - заворчал он, отшвыривая от себя папку, - разве это поднимет народное хозяйство целой страны. Кому нужны районированные сорта. Два года только о них и слышу. Нет, чтобы создать что-то такое фундаментальное, чтобы крик на весь мир, чтобы репортеры в очередь стояли, чтобы звания академика... на блюдечке.

Посмотрел на свои холеные руки. Розовые ногти аккуратно подточены. Покрутил пальцы так и сяк перед глазами, любуясь их красивой формой.

- Кто это оценит в нашей Тмутаракани? Здесь и женщин-то толковых нет, одни синие мухи, только об опытах, сухом весе, опылении и могут говорить.

Иван Иванович покривился: «Опыление... Специально при мне всякие там словечки кидают: селекция, геном, генотип... ничего, ссылка все равно закон-

чится, вот тогда я их всех расплюю на генотипы, дай только открытие какое-нибудь сделать».

Смахнул пылинку с пиджака. «Пылица, - снова подумал он, - приличный костюм не надеть...» Мысль закончить не успел, дверь в кабинет с шумом отворилась, и в кабинет вломился ненормальный Петюнин.

- Эврика! – заорал он с порога так, что у Ивана Ивановича в ушах зазвенело.

- Какая еще эврика? – пробурчал директор, затыкая пальцами уши. - Кругом сплошной вакуум.

Камнеподобный Петюнин грубо кинул на стол толстую папку с оторванными ленточками и принялся совать под начальственный нос грязную ладонь.

- Что ты мне суешь?

- Это и есть «Эврика»!

- Твоя рука?

- То, что в руке... - сиял Петюнин.

- Совсем с ума спятил. Петюнин, может в отпуск сходишь? Успокоишься, сил наберешься.

- Я открытие сделал мирового значения, - обиделся громадный Петюнин и сжал кулак.

Ивану Ивановичу стало неудобно, кулак у младшего научного сотрудника был внушительный, а за горячий нрав его звали по имени отчеству. Маленькое тельце директора сжалось в кресле и стало почти не видимым.

- Хорошо, хорошо, Сергей Никитович, расскажите, какая ценность грязи на вашей руке. Изложите коротко, а то мне на совещание ехать надо.

- При чем здесь грязь? – снова обиделся Петюнин и раскрыл руку. – Вот оно мое открытие!

На ладони лежало крохотное семечко.

- И что это? – миролюбиво произнес директор, расправляя тело и тяжело вздыхая. – Что в нем особенного? Опять изобрели перпетум мобиле?

«Ох уж мне эти ученые, - думал про себя Иван Иванович, слушая восторженные крики Петюнина, наблюдая, как тот бегаёт по кабинету, размахивая зажатым в кулаке семечком, - вырастят зернышко и носят с ним как с писаной торбой. Тонну бумаги испишут, а ты всю эту галиматью читай. Такие зануды...»

...Государственная и Нобелевская премии в одном зерне... - вдруг уловило ухо Ивана Ивановича.

- И что теперь? – настороженно спросил директор.

- Испытания нужны, - поднял грязный палец к потолку будущий нобелевский лауреат, - пресса, московские, зарубежные эксперты.

- Мы в прошлый раз подорвали свой престиж на подобных испытаниях. И снова?... Нет уж, увольте. Только наш Ученый совет будет на испытаниях. Сами знаете, нас финансируют по остаточному принципу. Не рентабельные мы.

- Это же революция! Вы только прочтите отчет, там все описано...

Младший научный сотрудник стал рыться в исписанных листочках папки, разложил на начальственном столе какие-то схемы, диаграммы... «Китайская

грамма», - подумал Иван Иванович, а вслух сказал:

- Только наш Ученый совет. А теперь коротко изложите, о чем, - он кивнул на схемы головой, - здесь идет речь?

Петюнин плюхнулся на стул. Стул от неожиданного веса захрустел.

- Я вывел Семяночку, - восторженно проговорил Петюнин и снова раскрыл ладонь. Там среди мозолей и складок лежало круглое, как горошина, семечко серо-коричневого цвета.

- И что?

- Как что? – приподнял плечи Сергей Никитович. – Это новое слово в растениеводстве.

У Ивана Ивановича разболелась голова от этого гения, но слушать приходилось, в памяти были свежи воспоминания о последнем гневном Петюнина, когда оскорбленный недоверием ученый разнес в щепки кафедру на ученом совете.

- Представляете, - с жаром рисовал картины будущего Петюнин, - посадил семяночку, полил один раз и стриги с нее урожай целых три года! Ни пахать, ни сеять лишней раз не надо. Растет прямо на глазах, сорняки от нее сами гибнут, и мороз ей нипочем. В Арктике на снегу будет расти, как в парнике.

- Что же это за чудо такое? – крутанул головой Иван Иванович.

«Хотелось бы такое чудо, хотелось... - думал про себя директор ПоСТа, - Однако, похоже на сказку».

Сколько лет испытания проводил? – спросил Иван Иванович и порадовался тому, что запомнил некоторые фразы местных умников. – Где результаты исследований? Ладно, едем на делянку, посмотрим, что ты вырастил.

«Надоело в кабинете сидеть, снова про себя подумал Иван Иванович, - посмотрю на это чудо. Если не удивлюсь, то хоть развеюсь».

- Какие опыты, испытания? – оторопел младший научный сотрудник. – У меня Семяночка всего одна. Я её только что синтезировал. Я не селекционер, я – биохимик!

«Не сик-лек-ци-онер. Тьфу ты зараза! Не выговоришь!»

- Что же вам удалось синтезировать? – опустил снова в кресло директор.

- Семяночку!

- Это удобрение?

- Нет! Это пока роза, - в голосе Петюнина послышались нотки раздражения. Он был готов взорваться.

Бестолковость и некомпетентность Кактуса Ивановича (так окрестили директора работники ПоСТФУНИИСХ) была легендой в институте, о ней ходило множество анекдотов, однако и назначить испытания без его визы было невозможно.

- Хорошо, - примирительно поднял сухонькую руку Иван Иванович, - посади ее, вырасти, проводи опыты, тогда и поговорим.

...Скала петюнического тела медленно поднималась из-за стола. Стул, счастливо проскрипев, освободился от крупного зада ученого, но от удара ногой кубарем отлетел к стене.

Огнедышащий дракон был так близко, что руководитель ПоСТа взвизгнул:

- Согласен... Согласен... Давай обговорим детали.

- Семяночка растёт минут двадцать,

- успокоено говорил Петюнин, упершись кулачищами о стол, - Затем цветение, а семена даст, может быть, через три года, а может через тридцать...

«Какая мне разница, - переводя дыхание и проклиная тот день, когда попал в ссылку, равнодушно думал Иван Иванович, - когда будут семена у этой Семяночки? Какая польза?»

- Вы же мой руководитель проекта, - вдруг произнес отчаявшийся младший научный сотрудник, - если все пройдет удачно, вы станете академиком, а я - кандидатом, а может и доктором.

В среду на Ученом совете яблоку было негде упасть. Пресса с утра атаковала институт. Маститые академики устроились поудобнее и обсуждали новости селекции, генетики, биохимии...

Герой этого дня, младший научный сотрудник Петюнин сиял, как начищенные ботинки. Плохо завязанный галстук душил его мощную шею, новый пиджак сковывал движения. Однако в точно назначенное время «именинник» сделал доклад на тему «К вопросу о решении продовольственной программы в мировом масштабе». О названии темы Петюнин долго и безрезультатно спорил со своим новым руководителем, однако пришлось уступить.

И вот он настал момент истины. Хозяева и гости перешли в ботанический сад в павильон субтропиков. Дрожжащими руками младший научный сотрудник вырыл ямку в прокаленном песке, опустил туда, как великую драгоценность, Семяночку. Закопал, прихлопал ладонью. Вода из лейки обильно окропила место посадки.

Минута тянулась, словно год. Вторая потянулась еще медленнее.

Иван Иванович заерзал на стуле, он затылком чувствовал тяжелый взгляд самого важного академика, а желудком почти материально ощущал место своей очередной ссылки, где-то на Крайнем Севере.

Время остановилось, и казалось, что Земля перестала вращаться.

Киношники, чтобы скоротать время, решили закурить, но Петюнин на них так накинулся, что не раскуренные сигареты вернулись в карманы. В течение последующих двадцати минут собравшиеся слушали наставления о том, что любит Семяночка, и от чего ее надо оберегать. Получалось, что главным врагом растения, выращенного из Семяночки, является никотин...

На исходе лекции послышался возглас удивления...

Из песка возник крохотный серый бугорок. Он стал быстро увеличиваться в размерах, потянулся в высоту, и, как в детском мультике, начал трансформироваться. Из стебля отпочковывались ветки, которые в свою очередь расщеплялись.

На ветках серые бугорки превращались в листья. На концах веток, словно воздушные шарики, наливались бутоны. Они увеличивались и наконец раскрылись. Через несколько минут это был пышный розовый куст. На конце каждого побега красовался роскошный цветок.

Не умолкая чакали фотокамеры, жужжали кинокамеры. Академики забыли о важности собственных персон и поребьячи смеялись. Волшебство случи-

лось, но радость была не полной. Чего-то в этом чуде не хватало...

Цвета!

Возгласы удивления сменились возгласами разочарований. Розовый куст отливал серо-коричневым цветом. Люди науки безмолствовали. Они не знали, как реагировать, что говорить. Похоже, опыт не удался.

Счастливым Сергей Никитович стоял на коленях около своего детища. Он рыдал и целовал грязно-коричневые листья, обнимал колочий куст.

Директор ПоСТ хотел уменьшиться до размеров Семяночки, чтобы слиться с песком, быть невидимым.

- Н-да-а, - сказал самый важный академик, - недоработано...

Недовольно посмотрел на Ивана Ивановича и встал, чтобы уйти.

В это время куст начал темнеть, из густоты красок пробился вначале зеленый цвет листьев, затем брызнул ярко малиновый цвет лепестков роз. Восторженные зрители бросились к растению. Они трогали листья, рассматривали цветы. Девушка журналистка поднялась на цыпочках и понюхала один из цветков.

- Пахнет, - удивленно проговорила она, - и какой тонкий аромат...

Аромат розы быстро наполнил павильон. Самый важный академик приподнял бровь, немного подумал и ударил в ладони. Гром аплодисментов окружил Дегюнина, потом переместился в сторону Ивана Ивановича. Обалдевший директор ПоСТа, манерно раскланиваясь, мысленно примерял на себя звание академика и подсчитывал кому и сколько достанется от Государственной премии.

- От всей души поздравляю, - протянул академик руку директору. - Знал, что не подведете.

Это было согласие академика на соавторство в открытии, финансирование и гарантия получения всех премий, которые только существовали.

А розовый куст благоухал, раскрывая все новые и новые цветки. На правах хозяина, Петюнин срезал розу и протянул ее академику. И тут же словно по волшебству, на месте срезанного побега начал отрастать другой, но уже с двумя цветками.

- Напомните-ка нам, чего боится наша Семяночка? - добродушно улыбнулся академик.

- Табачного дыма. Никотин разрушает атомные связи...

Он может еще бы поговорил, но подскочивший Иван Иванович необычно для своего тщедушного тела громко крикнул:

- Прошу к столам...

Банкет гудел до самого утра. Гости разгоряченные выпитым и съеденным часто выходили перекурить и довольные возвращались в зал.

С первыми лучами солнца Петюнин наконец-то вырвался из цепких объятий, желающих с ним выпить, и побежал в павильон, посмотреть, как там его детище провело первую ночь.

...Солнце беспечно заглядывало сквозь стеклянный купол оранжереи и освещало жалкую кучку серо-коричневой пыли, вокруг которой, словно бревна, валялись сотни сигаретных окурков различных марок.

«Дура я, дура!..»

Личная жизнь Люси не клеилась. Отношения с мужской частью человечества не складывались.

Подруги приводили ей одного кандидата за другим, но все было тщетно. То парень оказывался слишком грубым, то очень заносчивым, то... Ну в общем не клеилась жизнь и всё.

Все девчонки уж замуж повыскакивали, а она всё одна да одна.

- Чего капаешься? Останешься старой девой, - возмущались подруги.

- Принца жду, - отвечала она с ухмылкой.

- Все принцы вымерли еще в прошлом веке, - махали на неё руками.

Свободное время она занимала чем угодно, лишь бы не завывать с тоски. Шила наряды себе и подругам, разгадывала сканворды, бегала на дискотеки. Большую часть дневного времени отдавала работе. Благо этой работы на работе было больше, чем полагалось. В результате оптимизации отдел из семи человек сократился до одного. В их кабинет переселили, оставшихся после сокращения из соседних кабинетов.

К увеличившемуся объему работы, добавилась нервозность. О чём еще мечтать молодой девушке? О принце! Принц на белом коне протянет ей свою руку, скажет заветные слова, подхватит и увезёт от дурацкой рутины.

Каким он будет?

Смелым, решительным, мужественным...

В этот момент размышлений Люся себя останавливала, ухмылялась сама себе: «Размечталась, а Колю из планового не хочешь?»

Мягкий, плюшевый Коля из планового давно ходил за ней по пятам и каждый день приносил шоколадки «Алёнка».

От одного вида обертки шоколадки Люсю начинала бить нервная дрожь. Однако «послать» незадачливого кавалера не могла, иначе на неё бы ополчилась вся контора.

Укладывая очередную партию «Алёнок» в сумку, девушка наткнулась на невесть откуда взявшийся рекламный трилистник. «Отдыхайте на Лазурном берегу города Сочи», - возвещала красочная бумажка.

Вспомнился декабрьский солнечный город Сочи, с цветущими розами, пампасной травой, знакомство с пареньком по имени Володя, прогулки с ним по берегу зимнего, великолепно-го Черного моря.

Улыбнулась, припомнив, как из бушующего, пенного Черного моря спасали черную утку, смытую штормовой волной, как едва успели выскочить на берег, и как могучая волна грохнулась там, где только что бежали они...

Смеялись над тем, что неблагодарная птицы, вместо того, чтобы крикнуть: «Спасибо», клевала пребольно руку. Потом забралась под кучу лежачков и недовольно шипела.

«Где он сейчас, этот Володя? Так глупо расстались, даже телефонами не обменялись», - подумала Люся.

Мысль потерялась в опротивевшем запахе шоколада.

- Угости шоколадкой, - мило улыбаясь, попросила Любовь Ивановна, - а то нам чаю попить не с чем.

- Да, да, - заторопилась Люся, вываливая из сумки плитки, - берите, у меня их много.

- Повезло тебе, - вздохнула Сонечка, - а мой говорит: «Деньги то у тебя, сходи и купи».

Вечером, добравшись до дома, Люся снова вспомнила про тот замечательный отдых, о темноволосом пареньке Володе. Защемило сердце.

«Дуры мы, бабы, - думала Люся, лёжа на диване перед телевизором, - Правду говорят: что имеем не храним, потеряем - плачем».

Вообще-то я не плакала, так попереживала месяц, другой...

- Если бы месяц, другой, - отзывалось в душе, - весь год всхлипываешь.

«Ну и что? Он же мужчина, должен был сам всё спросить, узнать, приехать».

- Ага, приехать! А куда? Вдруг у тебя тут семья, дети. Он тебя спрашивал?

«Ну, спрашивал».

- Ты же ему ничего не сказала, лишила надежды. Теперь кого винишь?

«Никого я не виню, просто вспомнила отпуск».

Тот отпуск был абсолютно неожиданным. Просто пришел начальник отдела и спросил: «Есть горящая путёвка в Сочи. Желающие есть?»

На носу был Новый год, а потому никто не хотел ехать.

- Новый год праздник семейный, - сказала Любовь Ивановна, - куда я мужиков своих дену? Они у меня как котята малые.

- Мы обещали приехать к маме, - вздохнула Софья Сергеевна.

И так у всех нашлись отговорки. Только одной Люсе некуда было ехать, некого бросать.

- Решено, - сказал металлическим голосом начальник отдела, - Людмила Николаевна, немедленно идите домой, собирайте чемоданы, путёвка бесплатная, самолет завтра в семь ноль, ноль.

На всхлип и протестующий жест Люси, он добавил: «Завтра в пять часов за вами придет машина, директор распорядился. Билет сейчас секретарь по интернету закажет».

Тут оказалось, что по такой путёвке хочет поехать Вероника Андреевна, да и Любовь Ивановна не против. Но хмурые брови начальника охладил пыл всем. «Надо было раньше желать!»

Вот так Люся и оказалась в Сочи.

- Вообще-то здорово, что все откалывались от путёвки, - размышляла она, попивая кофеёк, - когда бы я попала в Сочи при моей зарплате? Если бы не

Новый год, никто бы о путёвке и не знал. Поехал бы кто-нибудь из своих. Первый раз я видела, как зимой на юге здорово: снега нет, теплынь, кусты зелёные.

Вспомнились экскурсии, прогулки, нежные руки Володи.

- Такой робкий, всё боялся за руку взять, - усмехнулась Люся.

Она заснула там же на диване, даже не переодевшись. Во сне они с Володей снова плыли на белом прогулочном теплоходе, а с неба лились потоки солнечной благодати...

Некоторое время у Люси в душе бродили непонятные чувства, они заползали во все уголки души и щекотали воспоминания.

Конец месяца с его отчетами вытеснил всё, что могло помешать выстроиться цифрам в нужном порядке. Однако, где-то в глубинах океана работы иногда ещё всплескивался почти забытый образ.

Уставшая до изнеможения, пришла в пятницу домой. Разулась, босиком пошла в душ, на ходу сбрасывая с себя одежду.

Затрепавший телефон оказался вне зоны её желаний. «Опять шеф достаёт, - подумала она, - а меня дома нет. Я ещё не пришла». Она хмыкнула и вошла в ванную комнату.

Уже лёжа на кровати, размоленная и размокшая, она снова услышала звонок телефона. Подождала немного, телефон не унимался.

Нехотя встала, подняла трубку: «Але, слушаю...»

В трубке помолчали, потом мужской голос спросил: «Люся, это ты?»

- Дурацкий вопрос, - сказала она, - конечно это я. А ты кто?

- Володя...

Гнев охватил женщину, тут и так устала до беспамьяства, в голове ни одной мысли, одни цифры, а какой-то Володя ей голову морочит.

- Парень, - грубо выдохнула она, - а ты номером не ошибся?

- Нет, - прозвучал робко ответ, - ты же его сама написала на фото.

- Какое ещё фото, я уже лет двести не фотографировалась.

Человек на том конце провода её раздражал.

- В прошлом году в Сочи мы с тобой фотографировались, помнишь?

- Не помню, - рявкнула она и бросила трубку.

«В прошлом году в Сочи... - прозвенело в голове. - Володя... Вр-лodia!»

Люся схватила трубку: «Але, Володя! Володя!», но в ответ слышалось тихое: «Пи...» «Номер... Перезвонить...» - металась мысли по голове, руки искали клавиатуру мобильного...

В руках была трубка простого, советского телефона.

Растерянно Люся села на стул, приложила трубку ко лбу, постучала ей по этому же лбу.

«Дура я, дура...»

Дмитрий СЕМЕНОВ

Дмитрий Семенов родился 17 мая 1977 году в Новокузнецке Кемеровской области. В 1994 году окончил 11 классов средней общеобразовательной школы № 27. В том же году поступил в Кемеровский государственный Университет на Юридический факультет, который окончил в 2000г. по специальности – юриспруденция. В 1997 году поступил на службу в Органы Внутренних Дел РФ, где в настоящее время работает в Управлении МВД России по Новокузнецку в звании майора. Награжден медалями «За отличие в службе» 2-й и 3-й степени. Женат, дочь-школьница.

Стихи начал сочинять в возрасте 14 лет, но записывать - только с 2000 года, после того, как случайно встретился и пообщался с настоящим писателем Косточаковым Г.В. Сам факт того, что в Новокузнецке есть писатели повлиял на то, что Дмитрий серьезно занялся литературным творчеством. С 2003 года посещал городское литературное объединение «Гренада» (руководитель - член союза писателей России Любовь Никонова). С 2004г. имел несколько публикаций. В настоящее время пишет рассказы, преимущественно фантастику с социальным подтекстом.

По щучьему велению

Григорий Фролов - глава корпорации «Game Gate Development» не торопясь шел в конференц-зал Бизнес центра «GGD». Настроение у молодого олигарха было приподнятое. Наконец-то удалось собрать на встречу «живую» всех директоров его Картеля.

И место встречи в Москве на так называемом «Нано-острове» Григория устраивало. Не любил он слякотный Лондон - официальную штаб квартиру «GGD».

А этот новый московский небоскреб, с его серебристыми лучами стрелами из стекла и нержавеющей стали радовал его своей кажущейся невесомой воздушностью и приятной стремительностью. «Замок Снежной королевы» - так назвал его Григорий.

Пройдя в зал, Григорий кивнул собравшимся людям разного возраста и стилиа одежды, и расположился за овальным столом конференц-зала.

Да уж, публика собралась разная, кто-то был одет как Лойдонский денди в самое дорогое и модное, некоторые наоборот демонстративно щеголяли бородами и потертыми свитерами, но одно объединяло эти полтора десятка мужчин: почти все они были долларовыми миллиардерами и все они представляли Топ игровой и софт индустрию половины Земного шара.

- Господа! Я собрал Вас тут, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие! - начал Григорий, сразу увидев, как стали ухмыляться гости с русскоговорящей половины публики.

- Нет! Ревизор к нам не приехал. Но власти подложили нам сюрприз! Вы все партнеры нашего картеля, которые имеют право использовать комплект программного обеспечения «NR 9.99» - New Real. Но теперь основной сегмент применения в Евросоюзе и нашей стране - Игры виртуальной реальности под угрозой полного запрета, под предлогом разрушительного влияние на сознание людей.

Я не буду сейчас распространяться, какие парламентские лобби продавливали законопроект одновременно в 36 странах, какие мы принимали меры, и какие убытки нам грозят, все это есть в

материалах, которые я вам направил еще неделю назад. Мы тут собрались, чтобы выработать направление как нам выйти из этой проблемы без банкротств. Не скрываю, что у меня есть план. Но окончательное решение согласится с ним или нет принимать Вам. Также предлагаю заслушать тех, кто уже подготовил свои предложения. Не буду тянуть. Доктор Пауэрс - вам слово.

Из-за стола встал очень худой лысый господин в черном деловом костюме. Если бы не сверкающие энергией глаза, он бы походил на ожившую мумию. Господин резво подбежал к интерактивной стене для презентаций и, жестами меняя слайды с проектора, начал бодро рассказывать:

- Уважаемые партнеры! За прошлый год доходы от лицензий, как вы видите, выросли на 34%, мы открыли 44 кластера наших серверов поддержки по всей планете. Благодаря новой технологии «NR Stream» информационные потоковые данные совместимы с любым поколением цифровой и сотовой связи. Таким образом, везде, где есть прием цифрового вещания и телефонии, продукты нашей компании будут поддерживаться! В этой связи, со своей стороны заверяю Вас, что телекоммуникационная часть наших сервисов будет функционировать в любом случае!

То есть те клиенты, которые сейчас у вас есть, не потеряют возможности продолжать общаться! Наоборот, в связи с новыми обстоятельствами, качество и технический уровень наших сервисов только увеличатся!

В области военных и пилотских тренажеров в финансировании все по-прежнему. Два наших проекта в рамках концепта «Виртуальная география» Париж и Иерусалим проходят бета-тестирование. Программный пакет для дизайнеров «NR 9.99» уже продается в 12 странах. Пять игр в жанрах научной фантастики и военных стимуляторов будут развиваться и в дальнейшем, с ними никаких проблем не предвидится.

- Я очень сильно извиняюсь! - пе-

ребил его грузный человек в сером свитере, на вид лет семидесяти.

- Меня зовут Ричард Далтон! Да, тот самый, который раскрутил «Dangeon Draken Quest» в технологии «NR 9.99». Теперь, судя по той хрентени, которую вы разослали, я и моя команда пойдем по миру! Вы предлагаете нам рассчитывать только на клиентов в Африке, Южной Америке и Юго-Восточной Азии? Но 44 миллиона клиентов нашей игры - это развитые страны! 44 миллиона, я повторяю!

- Мне трудно утешить Вас господин Далтон - взял слово Григорий.

- По нашим сведениям, США, Канада и Китай тоже могут вскоре присоединиться к ограничению виртуальной реальности. Но может вам поможет опыт Юрия Стиженова? Юрий, можете поделиться вашим опытом?

- Да чего там рассказывать? - молодой человек с кучей рыжей бородкой в зеленом костюме пожал плечами и с нарочитой ленцой пояснил:

- На 34-й странице регламента, разосланного «службой здоровья и санитарного благополучия», есть пункт, что под запрет не попадают ролевые компьютерные игры, основанные на реальных событиях и не содержащие в основе фантастический вымысел...

Вот, у нас в работе был проект «обычной неославянской фэнтези» - «Руны Сварога». Мы почистили леших, вурдалаков, оборотней, навок, Кощеев, сняли магические эффекты на оружие. Прикрутили исторические сценарии «Из варяг в Греки», «Гардарика», «Коганат», «Царь-Град».

Сейчас ждем оценки историков и ожидаемо попадаем в категорию «Образовательные ролевые игры. История». Если все получится, то проект «Мумия» мы тоже переработаем в Историю Египта и вероятно дальше займемся «Библейской Историей».

Ведь, согласно приложению номер три, все основные священные религиозные тексты к «фэнтези» не относятся. Автоматически все перейдет в рубрику «История Мировых Религий».

- Да как вы не понимаете! Это же кастрация самая натуральная! Они вы-

холостят нам все самое интересное! - взорвался возмущением господин Далтон.

- В наших проектах именно магические эффекты, алхимия, маунты, драконы, гномы и эльфы самое интересное и притягательное для игроков! У нас 44 миллиона клиентов за полтора года! У самых продвинутых космо-симуляторщиков «Space Ships», использующих тоже ядро программного кода за три года, набралось только четыре миллиона подписчиков! А у нас? Я не хочу убивать свой проект! Средеземье превратить в банальные «Холмы Кельтов»? Да ни за что!

Эмоциональность Далтона была поддержана большинством присутствующих, по залу раздался недовольный гул.

- Давайте все успокоимся и продолжим обсуждение - слово снова взял Председательствующий Григорий, он встал из-за стола, обращая на себя внимание и подойдя к стене-аквариуму, нарочито спокойно сказал:

- Не надо заикливаться на Игровом аспекте виртуальной реальности. Это не досуг! Это инструмент. А для нас, например, способ заработать. Я лично вижу 7 вариантов применения виртуальной реальности, семь кругов сказки, так сказать. Общение. Обучение навыкам и знаниям, изучение истории, моделирование и изобретательство, реабилитация инвалидов, контроль девиаций, эротика в конце концов!

Вспомним, что когда-то воздушный шар, первый паром, телефон были забавными игрушками, развлечением для богачей...

И как потом эти изобретения изменили наш мир? Я открою Вам небольшую тайну! Сейчас одновременно с нами в других кругах идут переговоры. Наша судьба решается, выбросят ли нас на помойку как интересную, но опасную игрушку или это уже мы будем диктовать условия.

- Все равно, это все очень неожиданно и странно! Запрещать компьютерные игры! Как по взмаху волшебной палочки! - проворчал себе под нос мистер Далтон и покачал головой.

- Скорее по шучьему велению. - Сам себе сказал и улыбнулся Григорий Фролов, прекрасно расслышавший эту реплику...

- Так, значит, пришлось три желания этому колдунушке исполнять? А не прошше было порчу каку навесить, а Кикиморушка?

- Ты костяная Нога совсем коры объелась? Как на него порча подействует наперед не ведомо, не знаемо! Да и не один он там, кто вертит этой напастью! Но искушение заронила я... - существо неопределенного пола, неопределенно серо-сине-зеленого оттенка кожи улыбнулось жуткой мелкозубой улыбкой.

- Рассказывай все. Все рассказывай! - проскрипел тягучий голос, в углу закопошилась куча тряпья вперемешку с блеском костей.

- Не волнуйся Кощеюшка! Лежи... А то рассыпаешься! Выполнила я твою просьбу. Перешла я грань тьмы в мир живых по следу Пришельцев этих... Узнала откуда все там пошло.

Оказалось, придумали смертные сказки по-новому показывать. Колдовство сильное и мудреное, Морок знатный, Вера от него у людей сильная. Знали бы они свою силу, сами бы летали аки птицы да исцелились от хворей тяжких, а так захотели многие из них Чудес и оказались у нас в Тридевятом Царстве, Хвала Тьме Предвечной мало пока таких. А скоро надеюсь совсем иссякнут!

- Мало, да удалые и почтения с них никакого! Давеча встретила такого добра молодца! Гонялся за мной, кричал: «Бабка гони хвост!». Кого гнать, какой такой Хвост? Ударил меня так, что с меня все посыпалось! А он кричит... Что ж кричал-то? А! «Лут плохой!»

Древняя, как мир старуха театрально замахала руками.

- Они все говорят странные слова, но про Волшбу... Меня называли личем и умертвием... Чуть дух не испустил... - проскрипел из своего угла Кощей.

- Водяного они тоже по своему - Ктудой называли... - сказала Кикимора.

- Но не слова их странны, а то, что они всегда возвращаются! Вот топишь их! Топишь! А они снова приходят и жалят... Ох... Водяной-то страдалец! Натерпелся с них!

- Ты бы про колдуна рассказала бы лучше!

- А да! Про колдуна! Спасибо, Кощеюшка, внучке твоей Василисе Премудрой! Нашла она метку на всех Пришельцах. Общую метку этого Колдуна! По этой метке я его и извела!

Сначала рыбкой золотой в бочажке у него в подворье долго внимание на него обращала... Не чуёт!

Пришлось из золотой рыбки в шкуру превратиться, чтоб он меня заметил и перстнем «Познания сути» воспользовалась, чтобы внял. Трудно с ними с чужаками энтими.

Но нутро у них общее... Как у всех смертных! Падок он на власть оказался, и заключили мы с ним сделку, я ему могущество... Он в ответ нас не тревожит! Через год, обещает станет все по-прежнему.

- Гриша! Как ты запрограммировал эту нано-нить?.. Как? Этому же нет никакого объяснения! - молодой человек в белом халате оторвался от распечаток с графиками и схемами и озадаченно поглаживал подбородок.

- Считай, Аркадий, это моей тайной.

- Это военка или инопланетяне вообще подсутились?

- Допустим, есть у нас перстень, то есть, имеется некая технология «Познания сути». Вот, с ее помощью колония нанитов, приобретает нужные нам свойства нейросети.

- Поправь меня, если я ошибусь. Значит, получается следующее. Вся сеть наших игровых серверов начинает работать по новому алгоритму. Наши приложения на ядре NR 9.99 по всем доступным протоколам связи соединяются в единую сеть с общим объемом информации. Туда резервируются вычислительные мощности всех, всех компьютеров и телефонов, смарт телевизоров, приставок, смартфонов и прочих гаджетов какие принимают протоколы связи. Все их камеры — это наши глаза, все их микрофоны — наши уши... Все их данные — наши данные... Теперь еще пойдут данные от внедренных наносетей. Все люди у кого вживлен хоть один волосок нити, включаются в эту систему и смогут использовать ее ресурсы? Это же глобальный контроль! И для этого ты и придумал запрет онлайн игр? Чтобы высвободить ресурсы для управления реальностью.

Григорий улыбнулся.

- Да! Именно так! Но это не все! Мы создали колоссальную мощь для расчета графики виртуальной реальности, мы внедрились сначала шлемы, потом обручи для подключения к виртуалу. Мы научили людей пользоваться нашим интерфейсом, и они к нему привыкли! Теперь это все доступно вообще бесконтактным способом через нейросеть! Понимаешь, что это? Каждый человек — это звено нашей вычислительной системы. Он ходит и сканирует... И создает цифровую модель увиденного. Любой слепой может к ней подключиться и видеть то, что вокруг видят другие! Он видит виртуальность, наслаившуюся на реальность. Эта виртуальность для него реальность! Так как она даже тактильно совпадает с реальностью. А что мы еще можем сделать, имея опыт и знания по формированию виртуальности? Мы нарисуем виртуальность, и она станет реальностью! Есть у меня артефакт один, который нам в этом поможет... Золотая рыбка, волшебная палочка... Шучье веление, называй как хочешь! Но эта сказка будет реальностью! Этот мир будет у нас - вот где! - Григорий сжал кулак и выразительно потряс им. На среднем пальце шучьим желто-зеленым глазом блеснул перстень.

А где-то далеко в параллельной реальности икнуло магическое существо Кикимора, и прошептала:

- Жаль Ктулку! Ой, Водяного! Пришибли его пришельцы! Только перстень один на память остался, и тот не сберегла. Пришлось Колдуну отдать, как откуп. Храни нас Владыка вод, от пришельцев!

Отзывы

Владимир ХАЛТУРИН

В прошлом кадровый военный, подполковник в отставке проживает в автономной Республике Алтай, в Майменском районе, село Майма (район аэропорта города Горно-Алтайск).

«Выпуск № 12 альманаха получил. Большое спасибо. Все публикации по душе. Наслаждаюсь второй вечер. Кстати, в связи со статьей о генерале Преснякове Александре Васильевиче, сообщаю, что он писал и стихи. Одно из его стихотворений, прочитанное им 9 мая 1998 года на митинге посвященном Дню Победы в городе Феодосия, высылаю его. Может оно у вас есть, а если нет, то, думаю, оно будет кстати. На мой взгляд, лучше не скажешь».

Александр ПРЕСНЯКОВ,

Герой Советского Союза, генерал-майор авиации

К Дню Победы

*Победа! Как же долгие были наши пути,
И как трудна была к тебе дорога.
Но знали мы — нельзя с ней свернуть,
Не перейдя заветного порога.*

*Враг был силен! Одета в броню,
Внезапно ринулась на нас его армада:
Крушила всё, всё предала огню...
И превратила мир в исчадие ада!*

*И боль утрат зажгла наши сердца,
Мы бились до последнего патрона,
Сражались и стояли до конца,
И с каждым часом крепла оборона.*

*И, наконец, мы опрокинули врага,
Очистив землю от фашистской швабы.
Нам Родина, как мать, всем дорога
И, чтоб добить коварного врага,
Мы с боем пол-Европы прошагали.*

*На страшном том пути потерь не счесть.
Казалось, вся земля залита кровью.
И тем сильнее нам душу рвала месть,
Пропитанная болью и любовью.*

*За смерть в боях отцов и сыновей,
За поругание Родины любимой,
За слезы вдов, сирот и матерей,
За отнятое детство у детей —
Громилы мы врага в самом Берлине!*

*Фашистский рейх под корень сокрушив,
Перечеркнув все горести и беды,
Святое знамя над рейхстагом водрузив,
Под гром орудий, подвиг совершив...
Так к нам пришёл желанный День Победы!*

*Победой завершив эту войну,
В борьбе за мир, положенной по праву,
Мы превратили разорённую страну
В короткий срок в великую державу.*

*И стали жить свободно, без нужды:
Трудиться, отдыхать и веселиться.
Кто заболел — бесплатно мог лечиться,
Кто захотел — мог запросто учиться,
Без всяких ссор, без войн и без вражды.*

*Но в это время подлый враг не спал.
И зная, что ему не взять нас силой,
Он хитростью, предательски копал
Для нас глубокую, вонючую могилу.*

*Кто предал нас — тех знает вся страна,
Известно как они способны гадить.
Я не боюсь назвать их имена,
Но не хочу язык о них поганить.*

*В итоге неразлучные «дружки»,
Устроив в Белоруссии попойку,
Развалом Родины на мелкие куски,
«Благополучно» завершили перестройку.*

*Вконец разграблена, развалена страна.
С издёвкой оклеветаны святыни.
Идеология охаяна до дна,
История совсем извращена,
Клякши не унялись и поныне.*

*Чернит и извращает всё подряд
Безумно «независимая» пресса:
И Гитлер уж почти что демократ.
И стоил ли блокады Ленинград?
И наконец... Кто жертва?
Кто агрессор?*

*У молодёжи, без утайки, культ:
Секса, силы, хамства и наживы.
А совесть, честность тут же
топчут в грязь.
И сетуют на то (в который раз),
Что ветераны, к сожалению, ещё живы.*

*В короткий срок приобрела размах,
Коррупции невиданная сила.
Без взятки ты не будешь в барышах.
Без подношения — съедешь на иллинах.
А за порядочность —
уйдёшь быстрее в могилу.*

*И нищета, и голод, и нужда...
А рядом - проститутки, наркоманы.
Кругом национальная вражда.
А наверху жсируют господа:
Преступники, бандеровцы и пань.*

*Ещё кровит священная война,
Ещё долги мы павшим не отдали,
А уж китит базарная итана:
«В продаже боевые ордена,
И на размен — победные медали».*

*И я сейчас хочу у вас спросить:
«За это ль мы Отчизну отстаивали?
За это ль столько жизней мы отдали?
И как теперь должны мы дальше жить?»*

*По нам уже прицельно, день за днём,
Ведут огонь и хворости, и беды.
Но не должны мы дрогнуть под огнём!
Мы Дню Победы снова присягнём,
Что вновь готовы драться до Победы!*

*И я уверен, скоро весь народ
Предателей взметнёт на эшафот,
С колен поднявшись, вновь покажет силу
(Конечно тех, кто за рубеж не удерёт)
И сбросит их в позорную могилу!*

Елена ОСТРЫХ

В 2013 году стала претендентом на литературную премию им. В. П. Астафьева (г. Красноярск). Являюсь автором поэтической книги «Кошка, окошко и любовь», изданной в г. Санкт-Петербурге в 2013 году.

Имею публикации не только в литературно-художественных изданиях, но и в изданиях педагогической направленности.

Притча о ловце жемчуга

Сгруппировав стройное тело, Паоло со скалы бросился в море. Секунды не прошло, как он оказался под водой. Парень развел руки в стороны, устремляясь вниз. Синие глаза ищут среди камней и кораллов серые спины раковин. Длинные черные волосы прилипли к щекам, парень мотнул головой, убирая мешавшие пряди. Подстричься он так и не успел. Массивный охотничий нож, которым Паоло что только ни делал, затупился и годится теперь разве только что для работы. Раскрывать створки раковин, доставая жемчуг. Ему везло, каждый день попадалась жемчужина. На десяток пустых моллюсков. Неровный, шершавый перламутровый камень парень отнес Гиральдину Свату, выручая за него 10 су. Этим денег хватало только на еду. Ювелир брал в руки скребок и отгачивал камень, превращая бесформенную материю в идеальную форму. Кропотливый труд. Гиральдин Сват предлагал парню работу в мастерской, но Паоло отказался. Он ждал Юджину, она устроилась в городе прачкой. В наскоро накарбанном письме, любимая сообщила что в этом месяце приедет домой на несколько дней в старую хижину на берегу моря, где Паоло вот уже год один коротает вечера. Долгие и беспокойные.

На большом камне пристроился домик моллюска. Незаметный на первый взгляд, он сливался с серым камнем. Парень взял в руки скользкую и прохладную раковину. Вынул нож, прикрепленный к ремню. Раскрыл створки, обнажая беззащитное существо, бледно-розовое тело моллюска дернулось. На этот раз повезло сразу – в середине упругой массы Паоло нащупал камень.

Наклонив голову набок и, прыгая на одной ноге, парень вытрясал из ушей воду. Мокрая собака трясет телом, пытаясь высушиться, разбрызгивая вокруг капли воды и Паоло в этот момент напоминал верного друга человечества. Он не заметил подошедшего к нему крепкого полноватого пожилого мужчины. Лицо у него загоревшее, багровое, маленькие голубые глаза, усы над толстыми красными губами, густые брови, нахлобученная на голову нелепая ковбойская шляпа, непонятного цвета волосы. Мужчина окрикнул парня:

-Эй!

Паоло вздрогнув от неожиданности, остановился. Задумчиво взглянул на нечаянного собеседника. «Ковбой» растянул губы и хрипло прокричал.

-Эй ты, бездельник! Уходи отсюда, я купил это место ...

Мужчина провел рукой, показывая ширь и даль своих владений. Рука описала внушительное пространство.

- Но это единственное место, где...

- Меня не волнует, я деньги заплатил.

- Но в нашем поселке нет работы...

- Меня не волнует, сейчас парни приедут...

Ковбой глубоко вздохнул, окинул взглядом залив. Повернулся к Паоло:

- Уходи.

Паоло схватил брюки, рубашку и пошел прочь.

Гиральдин Сват доставал из ящика стола инструменты, поглаживая железные наточенные лезвия крючкообразными пальцами. Его мучил артрит, всякое движение приносило невыносимую боль. Детей у Гиральдина не было, ученики не шли. Слишком долгий тяжелый труд, не каждый решался поработать у ювелира. Паоло до сих пор раздумывал стоит ли, он не видел себя в роли Гиральдина, который методически обрабатывал камни, придавая им и блеск и форму, и изумительный цвет. Камни оживали, переливаясь и источая необъяснимую магию. Магию природы.

Гиральдин Сват долго крутил в руках серый шершавый камень. Смотрел через лупу, пытаясь прикинуть стоимость. Наконец сказал:

- 10 су.

Старик оторвал взгляд от инструментов, и посмотрел на парня.

- Ты еще не надумал?

- Так всего 10 су?

- Да, знаешь приходил один «ковбой», сказал, что скоро у меня жемчужин будет как собак нерезаных... Он нанял целую команду. Ловцов жемчуга. Так что не обессудь, мои двери всегда открыты тебе, надумаешь - приходи. Я уже стар... И опыт передавать кому-то надо...

Гиральдин показался маленьким и беззащитным. У Паоло доброе сердце, он ощутил тоску старика. Жалко стало ювелира, не смотря на жадность и вредность Гиральдина.

- Я подумаю...

- Забери жемчужину, скоро у меня их будет десяток, а то и больше...

- А как же...

Парень сжал в руках жемчужину. Вспомнил, что денег осталось только на хлебную булку. Даже без молока. Направился к булочной.

На углу деревянного дома, шаркая босыми ногами, одетый в грязные серые лохмотья нищий просил милостыню. Старик, шамкая беззубым ртом, пытается проговорить слова, но его еле слышно. Нищий протягивает руки, умоляю-

щим взглядом касаясь прохожих, но люди ходят мимо. Паоло еще издали заметил его. Нищий тоже увидел парня, инстинктивно мужчина пошел навстречу загорелому черноволосому пареню. Он схватил Паоло за руку и, шевеля губами, невнятно произнес:

- Молодой человек, подай Христа ради. Маковой росинки с утра не было. Я голоден. Христа ради, не по своей воле, мать при смерти, жена сбежала давным-давно, дочери не нужен...

Нищий внезапно выпустил слезу.

- Ради Христа, прошу тебя... Маковой росинки... Христа ради...

Паоло растерялся. Дать те крохи, что он оставил на хлеб, это очень мало, не хватит на воду для больной матери. Да и нищему нужно побольше – похоже неделю голодает. Парень захватил крепкими руками ладонь старика и положил жемчужину. Торопливо направился к булочной. Мужчина раскрыл грязную ладонь. Недоумевающе посмотрел на серый некрасивый камень.

- Что это? Что мне делать с ним? Я голоден. А глаза такие добрые, синие, как у моей жены. О! Та стервой оказалась и этот решил подшутить над бедняком! Над бедняком!

Старик громко расхохотался. Вскинул руку и выбросил камень.

Продавец из Черного города

Рынок размещался на главной площади многоэтажного города никогда не видевшего солнца. Жители обходились тусклым светом ярко-желтых, а местами багрово-красных фонарей. Впрочем, и без смены дня на утро и вечер обитатели этого места чувствовали себя претворительно, так как иного образа жизни они по большей части и не видели, и не тосковали без солнца и птичьих трелей. Все потому, что это был не обычный земной город, а подземный и те, кто его населял, были совсем не люди. Впрочем, и зверями их тоже не назовешь, разве только внешне. В основной массе это были демоны всех мастей, злобные колдуны-отшельники, которые спускались сюда в поисках волшебных артефактов, ведьмы, ищущие себе пару, потому как на земле вряд ли многим нравилась их не лишенная своеобразия внешность и нравы, а если какая ведьма и выглядела красавицей, то большинство земных женихов не устраивало их специфическое увлечение некромантией и проклятиями. Большинству подавая спокойствие и заботу, чего от ведьм никогда не дождешься.

Обитали тут и черти и демоны всех рангов, и упыри, и оборотни, и лешие, и хозяева домов – в общем, вся нечисть, которую можно придумать, селилась тут.

Шумный базар занял всю площадь, по краям которой стояли руины башни с часами, грязно-ржавый замок местного мэра - пучеглазого демона, который отличался тем, что у него вместо рук торчали две лягушачьи лапы. Оригинальный замок нужно сказать, так как он был построен из человеческих костей, утративших белизну. Ворота были украшены натянутой человеческой кожей, а флигель костяком дракона. Флажок из человеческих скальпов развевался по ветру над входом в замок, и словно, напоминал о том, как брэнна человеческая жизнь и как бесконечно правление всякой нечисти.

С левой стороны от базарной площади громоздился памятник, закрытый высоким забором, что это был за памятник, никто не знал, никто его не видел кроме строителей, но ходили слухи, что это вовсе не памятник расположился за забором, а усыпальница воплощения самого Дьявола или Люцифера, которого так боятся на земле. Впрочем, страшились его и тут, в подземном царстве. Поговаривали, что страшный Демон жив и питается исключительно редкими яствами - младенцами, девственницами, пышущими здоровьем героями, но не прочь съесть и местного жителя за неимением лучшей пищи.

Базар загромождали торговые ряды с выставленными товарами. Тут были и привычные для человеческого глаза товары: различные колбасы, фрукты, овощи, орехи, которые считались редкостью, и более подходящие для адского места изделия и продукты: мышьи хвостики, крокодилий клыки, заячьи лапки, осинные ветки, мертвая и живая вода, побег папоротника, маленькие пузырьки с отварами черт знает какого характера.

Продавцы охотно демонстрировали товар всем желающим и случайным прохожим. Некоторые, не самые жадные даже предлагали кусочек бесплатного яда. В этот день народу собралось столько, что было не протолкнуться. Только подрастающие воры, чертенята, юрко шныряли там и тут, проверяя карманы зазевавшихся покупателей. Нескольким удавалось обчистить знающую и огонь и воду, и даже медные трубы нечисть, но чаще они получали тумачи и оплеухи от «старшего» брата.

Среди всей этой разношерстной толпы слонялась высокая фигура, одетая в пепельно-серый мрачный балахон. Лицо

фигуры глухо прикрывал капюшон, и только нос длинноватый и заостренный торчал из-под него, как будто что-то все время вынюхивая. Фигура остановилась у малоприметной лавки.

Нескладный худенький, неброско одетый продавец, дремавший в уголке, услышав шаги, высунул голову из-под прилавка. Он имел вполне человеческую внешность: мужчина небольшого роста, усатый, но мы-то с вами знаем, что людей в этой местности вряд ли встретишь. Это был оборотень.

- Чего угодно? - спросил торгаш.

- Новый товар где? - просипел «Нос».

- Всё тут! Как видите все розовенькие, чистенькие...

-Знаю я ваши чистенькие...

- Оцените вот это.

Продавец протянул что-то круглое, завернутое в белый полотняный мешок.

- Фффу, запах какой! Просрочен товар-то! Тухля-я-тина! - Покупатель злобно сверкнул глазами из глубины капюшона.

- Да побойтесь черта! Вчера привез, молоденькие сорвал...

- Молоденькие говоришь? - Покупатель протянул руку к маленькому полотняному мешочку.

- А это?

- Незрелое еще, ему бы налиться... Дня три подержу в тепле...

- Какого сорта?

-Самого лучшего, ух, окаанная, кое-как достал!

-Это из тех, что я на той неделе покупал?

-Да, да, да, - закивал оборотень...

- Сла-а-аденькие...

Мужчина мечтательно посмотрел вверх.

- Не нужны мне такие, гнилые оказались...

Оборотень недоумевающее оставил в то место под колпаком, где чуть поблескивали глаза.

- Ты мне наливные подавай, маленькие, младенческие. Знаю, есть у тебя.... Не жадничай, цену хорошую плачу.

- Будет тебе... - резко произнес оборотень, доставая из-под прилавка несколько белых мешков, - младенческие, тут девственница, подписавшая себе приговор, бросилась в реку с обрыва от неразделенной любви, - мужчина бросил на прилавок мешок, перетянутый красной ниткой, - наивная, юная душа, недолго ее уговаривал. Тут, - оборотень показал еще один мешок, - пацан, захотевший разбогатеть, но ничего для этого не делать. Зеленый и юный, тисцславный немного, но так, твой товар - чист еще. А это... - оборотень бережно взял в руки белоснежный мешочек, перетянутый кроваво-алой ниткой, - чистая младенческая душа, еще не вкусившая горечь мира. Нерожденный еще, а беременная уже продала его мне, причем сама, так и сказала: «Черт бы забрал тебя! Чтоб ты мертвым родился!». А я тут как тут, недолго мешкая, бумажку с договором ей под нос, а она в пьяном угаре ничего не различает. Думала, наверно, что ей мерещится все, но чиркнула на бумажке-то подпись... - мужчина на минуту задумался, потом махнул рукой и произнес:

- Нравы другие стали, раньше с таким трудом доставал души. А сейчас? Как только зайкнешься о плате, деньгах, богатстве, они даже не возмущаются, не спорят... Скучно так-то, без боя добывать. Эээх! Ну и люди пошли!

-Заворачивай! - крикнул носатый в балахоне, бросая на прилавок мешочек

с золотыми монетами. Шаркая ногами, он полпелся с рынка в сторону монумента. Да Вы не ошиблись, это был сам Сатана... Не только люди измельчали.

Про жизнь одного белого и пушистого кота

Хочется поплакаться на свою загубленную жизнь, да кому? Разве только коту. Он не может оторваться от своего главного занятия в жизни - причесывания энного места. Кошку что ли ждет, старый девственник?

Пусть ждет, он боится остаться один в комнате, начинает кого-нибудь искать и громко мяукать, а от кошки сбежит так и не успев зачать родных котят. Чуть открывается входная дверь - он шмыг и уже на площадке, бежит, хвост трубой, в глазах огонь, обследует лестницы. Как только своим чутким ухом услышит, что хозяйке надоело держать дверь открытой специально для него, и она уже ее закрывает, он тут как тут, оправдывающе мяукает, смотрит грустными глазами, мол, погулять не дали!

Целый день ест «орешки», то есть сухой кошачий корм, терпит ведь жестокое с ним обращение! Сколько раз был на грани жизни и смерти! То на хвост ему наступят, то за очередной проступок выкинут на улицу, то на балконе заставят прохладиться, то носом тычут в собственную лужицу, то туалет не убьют, то кормят как зека какого-нибудь, воды не наливают! И все это за то, что он не царапается, даже когда дразнят, расщепив руку над пушистой мордой, что ласковый и ничуть не мстительный.

Он один раз гулял на улице, да и то не по своей воле, пришлось силой тащить его воздухом дышать. Заболел как раз тогда, целый день отрыгивал еду, потом вообще перестал кушать, одну воду пил. Я испугалась за кошачью жизнь, решила вывести его на улицу, бабушка говорила, что кошки, когда болеют сами себя лечат, травку найдут и жуют. На газоне около дома он вообще растерялся, нахохлился, испуганно замыкался, на руки запрыгнуть норовил. Пришлось тащить его обратно домой. Я-то думала, он травки пощиплет, с собаками подерется, побегадет, на деревья полазит, в общем, разнообразит мою скучную жизнь, ан нет.

Каждый Новый Год наряжаю его - мишуру на шею, вычесываю его, причесываю, даже купаю и мылю ни каким-нибудь хозяйственным мылом, а шампунем, чтоб вкусно пахло! В тарелку кладу ему рыбу, сыр, колбасу - все, что котовой душе угодно! Сама с бокалом шампанского в руках тупо смотрю телевизор - все заранее поздравлены, все знакомые и подруги обзавелись семьей, им некогда. А у меня куча свободного времени! Целая Новогодняя ночь впереди! Да и семьи нет, одна работа. Работа от слова раб - лет пять тружусь в газетенке, называемой «Вестник», до зама уже дослужилась, а толку? Столько времени потрачено впустую, ни мужа, ни детей, одна трудовая неделя за другой. Помню, когда-то мечтала поступить в литинститут на Литературные курсы, документы собирала, деньги копила. Писала еще тогда рассказы и стихи, литераторы из Союза писателей находили в моей писанине и талант, и смысл и, якобы, что-то особенное, отличающее меня от других писателей. Да куда там! В ли-

тинститут не приняли, мои рассказы и стихи оказались посредственностью, мне так и сказали. С тех пор все покатило по накатанной - устроилась журналистом в газету и сама не заметила, как стала замом, с головой ушла в работу. И забыла про главное предназначение в жизни женщины - рожать детей, хоть даже и без мужа. Поклонников много, друзей еще больше, а любимого нет. Да и не будет. Я привыкла жить одна, а кот привык обходиться без кошки.

Я вот думаю, Он тоже играет с нами, как с котятками. Кого-то бросит в печь, кого-то в кипяток, в иносказательном смысле конечно, а про кого и вовсе забудет. Кого-то гладит день за днем, в миску молока льет, а кого-то за малейший проступок наказывает. Играет, в жизни учителя в школах, да и мамы, и каждый человек выбирают любимчиков, подруг, друзей, а Он чем отличается? Тоже кого-то любит больше, а кого-то совсем не любит. Неправда это, что мать ко всем детям одинаково относится. По себе знаю, что неправда, нас в семье двое, мама одна и любит Колю, до сих пор у него живет, кушать готовит, стирает на семью, которая с каждым годом растет, жена Колина что кошка, - в год по ребенку. Кто ласков, тому и любви больше. Вот и Он, наверное, также. Мало ли, что Бог, а повадки человеческие...

А может, испытания и различные кризисы, духовные я имею в виду, даются не просто так, может человек отступил в жизни от своего пути, который ему предназначен, вот и посылает беды, чтоб человек понял суть свою, ошибки смог исправить, если грехи были, то и грехи искупить. Но и каждый выбирает путь, руководствуясь своими мотивами, не вспоминая о Боге, не веря в него и не задумывается над непреложными истинами, вот как я сейчас размышляю. Таким легче отбывать существование на земле. Я верю, что Бог есть, точнее раньше не верила, а вот с этого дня начинаю подозревать что он все-таки есть... Я же есть у кота.

Меня-то и забыл давно, я кота иногда «специально» забываю на площадке. Ох, и перепадает ему! Терпит ведь! И не кушает! Вот и я терплю, подушку слезами умываю каждую ночь, кусаю губы и вою от тоски и безысходности, а тьмы-то нет пойти и постучаться в дверь, попросить любви и ласки, может дверь-то и не закрыта вовсе...

Взгляд сквозь прутья решетки

Я был заперт в четырех стенах, я задыхался. Вот оно - особое состояние души, когда выхода нет... Нет?

За моей спиной нависала дверь. Впереди меня белело окно, а я стоял посреди комнаты один...

Свет проникал в окно, он манил меня. Пошел дождь. Тяжелые капли падали на подоконник - тын-дын, тын-дын равномерно и четко. Казалось время отмеривало свои шаги. Шаги...

За дверью кто-то ходил, потом будто затих, интересуюсь и прислушиваясь, что внутри. Он выжидал. Время остановилось, затем бег минут словно переваливался снежным комом с мифической горы, существовавшей только в моем воображении, снежный ком нарастал.

«Этот кто-то просто так не уйдет» - подумал я, и начал его бояться.

Дождь закапал быстрее, теперь уже звонкие, сильные капли ударили о подоконник. Мелодично и весело отстукивая ритм. Даже солнце плеснуло лучом на этот танец.

Я встрепенулся. В той точке пространства, где я существовал, был только я и эта комната с окном, все остальное существовало вне меня и этой комнаты. И было не важно.

Капли настучивали ритм, и я прислушивался к нему, он звучал во мне песней без слов, обретая подобие звука.

Время было ошутимо, сердце запрыгало в груди. Я радовался, насвистывая песню, которую сочинял на ходу. Я был счастлив. И мне захотелось поделиться этим счастьем, этой песней, нарастающей и просящейся наружу.

Мне захотелось петь, творить, дарить и делиться с кем-то таким простым знанием. Мне захотелось подарить миру эту мелодию, этот жизнерадостный ритм. Окрасить все вокруг в яркие цвета, чтобы каждый постиг знание мира, которое пришло ко мне, просто так, ниоткуда. Чтобы в каждом существе отражалось это знание, этот неунывающий веселый ритм, мой ритм, мой мир.

Мне захотелось плеснуть часть своей души во все уголки вселенной, осветить горизонт солнцем, прыгающим во мне.

Дождь перестал. Сила, нарастающая внутри меня, уже достигла своей заоблачной вершины.

За дверью кто-то вышагивал, отстукивая и фиксируя шаги.

Я стоял. Ритм возрастал. Я рвался к свету, окно исчезло, за ним был огромный мир. Мелодия пульсировала в горле, а с той стороны двери кто-то приник к замочной скважине ухом, прислушиваясь...

Во мне всколыхнулся страх, но песня уже клокотала, подобная лаве. Высокий звук пронесся над унылой комнатой и даже дальше, он был слышен, как мне казалось, всему миру.

Когда я пропел песню, дверь открылась. В комнату вбежала маленькая девочка, следом за ней вошел ее папа. Девочка шустро понеслась к клетке, где сидел я. Золотистые кудряшки рассыпались по плечам Лилит, и тоже были живыми, они прыгали на плечах в такт шагу маленькой ножки. Глаза! Глаза блестяли, они сияли звездами, звезды падали на меня. Она посмотрела на меня и звонко воскликнула:

«Я знала, что он запоет! А вы говорили - канарейки не поют! А вы говорили - канарейка - самец вообще не поет! А вы говорили - канарейки не поют, когда они одиночки!». «Я верила в тебя! Я всегда в тебя верила!» - Лилит приникла лицом к моей клетке и, протянув руку, погладила меня. Она обожаемо смотрела на меня, купала в любви, что-то щебетала ласково и тихо. Отчего я еще больше раззадорился и развеселился, выписывая такие трели, что папа Лилит задумчиво произнес:

«Может он заболел? Почему он поет? Он все время молчал. У нас года три живет и хоть бы раз что-нибудь спел. Вот что - нас не было дома три часа, я включил хронометр в коридоре, чтобы ему не было скучно, думаю, привык к людям, до того привык, что мог бы умереть оставшись один, да еще в тишине. А он петь начал!!! Вы только посмотрите что вытворяет. Ай, да Кеша, ай, да молодец!!!».

Надежда КАЛАШНИКОВА

Родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии в 2014 году. Работает на кафедре психологии НФ КемГУ. Член Новокузнецкого клуба любителей фантастики «Контакт» с октября 2010 года. Первая публикация в газете «Губернские ведомости» от 19 мая 2001 г. Публиковалась во многих новокузнецких газетах, кроме этого в газете «Пестовская правда» (Новгородская обл.), в подборке рассказов, номинируемых на премию «Интерпресскон» в номинации «Микрорассказ» (Санкт-Петербург), в журнале «Союз писателей». В 2009 году силами клуба и городской библиотеки им Гоголя вышла её первая книга «Королевство Сердце». Также клубом «Контакт» в 2011 году выпущены книги «Пушистая сказка» и «По зелёной жёрдочке» (сборник сказок и рассказов). В 2014 году выпущены «Шут и король» и другие сказки для детей от семи до семидесяти» и сборник эссе «Действительность не лечится...». Сказка «Мечта дракона», завоевавшая первое место в читательском голосовании в конкурсе «Время для драконов», и «Цена одной песни» (Фанфики по вселенной Дж.Р.Р. Толкина, обе – 2015г.). О её творчестве одобрительно отозвалась в своей статье «Легкий жанр сказки не для слабых» московский писатель и критик Руслана Ляшева. Лауреат Губернаторской премии в области культуры и искусства в 2014 году.

В зоопарке

Передо мной решётка. Железные прутья, переплетённые между собой. Сбоку – дверца, на ней висячий замок. Его дважды в сутки открывает смотритель и заисит еду, иногда треплет меня по загривку и приговаривает: «Ну и молодец, ну и умница...» – и уходит. Он ничего, смотритель, хороший. Не дерётся. Выпить, правда, любит, песни тогда горланит во всю глотку. Но это так, ерунда. К слову пришлось.

Это мой дом – клетка. Четыре шага налево, четыре шага направо. Дальше стена. За стеной тоже клетки. Мне не тесно. Я не очень большой. И не очень взрослый. Скоро я подрасту, и меня переведут с площадки молодняка во взрослый отсек. В другую клетку. Не беда – тесно и там не будет, я не крупный.

Я родился в неволе. Моя мать родилась и выросла в ней. Отца поймали слепым детёнышем, по сути, он тоже здесь всю жизнь прожил. А я вообще здесь впервые глаза открыл, неуклюже учился ходить, затем лазил по брошенной колоде, кувыркался по насыпанному песку... Это мой дом. Моя Родина.

А потом я подошёл к решётке вплотную, вставал на задние лапы и смотрел на людей, больших и маленьких. Они тоже смотрели на меня, некоторые показывали пальцем, другие бросали вкусности, я их ловил и съедал. Потом надоело, перестал, и смотритель запретил меня угощать. Но люди всё равно старались мне что-нибудь всучить, а ещё называли разными ласковыми словами и переговаривались друг с другом: «Смотри, какие умные глаза... Всё понимает... Какая, наверное, мягкая шерстка! Ого, а лапища-то... Такой как двинет...» Это было приятно слышать.

И вот так я жил, помаленьку рос, ночью спал, днем ел и смотрел на людей, а они на меня. И скажу честно, мне было хорошо. Пока на меня не свалилось оно.

Я так и не понял, откуда это взялось и когда именно навалилось. Вообще ничего не успел понять, всё смешалось, перепуталось, переплелось в один большой ком и рухнуло мне на голову. Наверное, я потерял сознание. А когда очнулся...

Я вспомнил, что я зверь, что у меня четыре лапы и хвост, острые глаза и чуткий нюх. Я могу развить огромную ско-

рость. Вспомнил, как я лежу в засаде, выслеживаю добычу, а потом срываюсь и мчусь за ней, лишь свистит в ушах ветер. Мои лапы едва касаются земли, редкие деревья саванны мелькают, схваченные боковым зрением, а небо огромное, белое и раскаленное. Белое небо моей Родины.

Ро... Какой Родины? Что за чушь, бред, галиматья?! Моя Родина – четыре стены, подстилка и миска! Я никогда не видел белого неба! Здесь оно синее или серое... Я никогда не гнал добычу с беснством азарта, не достигал её и не вонзал клыков в трепещущее тело. А ноздри сами собой раздуваются и вдыхают запах страха, отчаяния и смерти. Запах свежей крови... Во рту становится солоно.

Я сплевываю и в ярости кидаюсь на решетку. Это что же, я схожу с ума?! Мерещится то, чего со мной никогда не было, да так ярко и выпукло? Я хлещу себя хвостом по бокам, а потом принимаюсь выть. Вою, наверное, долго, потому что появляется испуганный смотритель и с ним директор зоопарка. Меня осматривают, ощупывают, пытаются погладить, затем покормить. Всё безрезультатно. Потом откуда-то выскакивает маленький вёрткий человечек с чемоданчиком, ставит мне укол – и я моментом засыпаю. Проваливаюсь куда-то.

А ночью просыпаюсь. Кругом темно, лишь где-то на углу качается тусклый фонарь. И я снова вспоминаю ночь, затопившую саванну, крупнющие звезды причудливых созвездий... Влажная от росы трава под лапами... Ночные запахи, шорохи... Кто-то ходит и сопит, чавкает... Тело подбегается для прыжка, мышцы напрягаются, хвост дергается от напряжения... Толчок! Прыжок! Я со всего маху врезаюсь в решётку и с грохотом обрушиваюсь на пол. Тело болит от падения, но я нарочно долблюсь о железные прутья. Пусть будет больно. Пусть будет много боли, только не это дурацкое наваждение.

С этого дня начинается пытка. Глюки (а как еще назвать?) приходят в любое время дня и ночи. Я забываю, что всё это ненастоящее. Забывает моё тело – в нем оживают все инстинкты, расправляется каждая клеточка, каждая жилка. Забывает душа – я хохочу от счастья,

морщусь от неудачи, кувыркаюсь от беспричинной радости – просто оттого, что светит солнце, бурлит речной поток, а по берегу прохаживается моя стая. А разум... Какой разум у зверя? Говорят, у нас и души-то нет... Может, я не зверь? Выродок?

Нет, разум у меня всё-таки есть. Я понимаю, что, окажись я и впрямь на свободе – загнусь через пару дней. Там учатся выживать с самого рождения, а я не прошёл этой школы. Солнце будет жечь меня, добыча ускользнет из-под носа, стая не примет к себе. Ни одна свободная самка не дастся мне. Мне нечего будет передать своим детям.

Я чужой на свободе. И она мне чужая и враждебная. Моя Родина здесь – четыре шага налево, четыре шага направо. Я не в обиде на судьбу, на людей, что так сложилось. Кого проклинать? Собственных родителей, что они взяли меня сотворили? Они не виноваты в этом.

Меня только одно интересует: кто, какой дьявол насылает на меня эту ерунду? Клыки чешутся перегрызть гаду горло. Потому что... Потому что я люблю свободу. А её нет, и она меня любить не может и никогда не будет.

...Я бы даже горло не стал перегрызать. Просто спросил бы зачем? Что кому это дает? Здесь полный зоопарк. Вся малышня с площадки молодняка родилась в неволе. И ни у кого нет такой дикости. Они спокойно живут себе, растут, балуются, огорчаются. Да бывает, подойдут к решётке на задних лапах и затоскуют. Но это мимолетно. Они там не были. Они не знают. Не помнят. И не чувствуют. И потому им не больно.

Я понимаю, когда зверя ловят и сажают в клетку. У него вся жизнь переворачивается, он тоскует, мечется, чахнет, может вообще помереть. Но это понятно! Он был на воле – он действительно там был. Ему есть о чём тосковать и за что умирать! А мне за что? За призрак, дымку, чад? Галлюцинацию большого воображения?

Память... Наследство... Да на кой она здесь нужна, эта память! Я другой. И жить мне по-другому. Мне надо жить по-другому, чтобы выжить. В клетке тоже приходится выживать. А эта память мешает, тащит меня назад, в прошлое, в небытие... В другое – чужое здесь и не-

нужное. А мне чуждость кажется Родной, а ненужное чем-то ужасно важным и таким, без чего прожить невозможно...

Может, я и впрямь сошел с ума? Или болен? Но от этой болезни нет лекарства. А покончить со всем разом... Я пробовал голодать. Не выдержал и снова начал есть. Силы воли не хватило. И – да, умирать страшно.

А ещё... Как ни смешно звучит, я не хочу умирать. Я так молод, так мало видел в жизни! У меня даже самки ещё ни разу не было. Я хочу жить... Наперекор клетке, свободе, этим идиотским глюкам и мерзкому положению, в которое они меня ставят. И самому себе, да. Я хочу жить. Только ещё больше я хочу понять – для чего. Зачем это всё. Почему именно со мной. И что же отсюда следует.

Только вот кому задавать эти вопросы?

Шахматы

Игра. Сколько она продолжается? Час, два, сутки? Счёт времени потерян. На шахматном поле застыли лишь три оставшиеся фигуры – Белый Король, Чёрный Король и Чёрная Королева.

...Больше никого не осталось. Нет уже Белой Королевы – обманчиво милой, беспощадной, по сути. Её загнали в угол, и ничем не мог помочь Белый Офицер, до того дважды прикрывавший Королеву собой. Он лишь до крови закусил губу, когда обезглавленное тело летело за край доски. Через три хода за край упал и сам Офицер, а его напарник согласился на честный размен ещё в самом начале Игры.

Чёрный Офицер держался дольше, пережив обоих Белых Офицеров, чем заслужил благосклонный кивок своего Короля. Но, разогнавшись, он пошёл в атаку на Белого Короля – и был сражён обычной Пешкой. Её смешной хвостик так забавно топорщился, когда она бросилась на защиту Короля, а серые глаза её почему-то улыбались, словно умирать было совсем не страшно. Разозлившись за промах, Чёрный Король отправил Коней проучить глупых пешек, и сразу три из них поплатились жизнью за жизнь Чёрного Офицера.

Не отставал и Белый Король от своего противника, нанося точные и выверенные удары по тщательно сплетённой, как

паутина, защите. Они стояли друг друга, одинаково просчитывая ходы – и одинаково преподнося сюрпризы.

Но Чёрному Королю улыбнулась удача: он сумел сохранить одну пешку. И, что ещё важнее, сумел провести её сквозь всё поле и подарить корону. Белый Король остался совсем один. Конеч игры близок, и финал её прозрачен – Белый Король уже вынужден отступить к краю доски...

Взгляд Королевы затуманен, силки расставлены, добыча бьётся в тенётах, петля на горле, на бьющейся голубой жилке уже захлестнута. Осталось лишь крепче затянуть и ловить на рваном выдохе медленно исчезающую, столь непокорную и неуправляемую жизнь...

Нога в изящной туфельке поднимается для решающего шага – и внезапно застывает в воздухе.

Некуда шагать.

Взгляд из опьянённого мгновенно превращается в хищный, цепко оглядывающий маленький участок поля. Мысли вспыхивают одна за другой искорками. Но мозг бесстрастно констатирует: шагать некуда.

Два хода. Теоретически. Практически – ни одного.

Королева оборачивается к Чёрному Королю. Тот скучающе смотрит в сторону, словно ждёт, когда же, наконец, закончится эта, ставшая скучной игра, и можно будет идти домой пить чай. Зелёный, с жасмином.

Но хода нет слишком долго, и он нехотя поворачивается с раздражённым видом, словно рядом с ним не грозная Королева, а всё та же прежняя жалкая Пешка. Бровь его чуть изгибается, когда он видит застывшую в нелепой позе соратницу и противника, стоящего на краю доски с невозмутимым видом.

Чёрный Король опускает взгляд на три квадрата, что окружают Белого Короля и чувствует резкую нехватку воздуха. Ему хватает доли секунды, чтобы оценить положение, но как?! Как они могли просмотреть, прошляпить... Так позорно, почти по-детски зевнуть?..

Белый Король скрещивает руки на груди и склоняет голову набок. Он по-прежнему спокоен, лишь на дне серо-голубых глаз просвечивает торжество победителя.

Он победил. Он не поставил ногу на грудь противника и не обагрив клинок алой кровью, льющейся сквозь чёрные доспехи. Но он не дал победить себя, а именно об этом грешил Чёрный Король во сне и наяву.

Королева переводит взгляд с одного короля на другого, и чуть покачивается при этом. Сказывается напряжение полуторачасовой игры и азарта. Но она всё ещё не сделала шага. Ветер взметает подол чёрного платья, обнажая изящную лодыжку, перетянутую узким ремешком. Если бы не он, туфелька, пожалуй, уже слетела бы с замершей в четырёх дюймах от доски ступни. Но Королева всё ещё не может решиться, ибо шагнуть вперёд – смерть, а остаться на прежнем месте – поражение.

– Дьявол!.. Дьявол, дьявол!.. – Чёрный Король не выдерживает, и проклятия оглашают молчаливое поле. Скучающий вид исчез, уступив место нелепой в своём бессилии злости проигравшего.

Он проиграл. Его не пригвоздили к доске, не сбросили с неё. Его лишили возможности сбросить противника. Это даже не ничья, это пат, чёртов пат, когда

ходить некуда.

В ярости Чёрный Король топчет белую – белую! – клетку, на которой находится. Каблуки оставляют царапины на лакированной поверхности. Это не доска – это ненавистное спокойное лицо Белого Короля, искажённое мукой и мольбой о пощаде, в багровых кровоподтёках. Это сломанные рёбра, что врезаются в лёгкие, исторгая предсмертный хрип, и опять-таки мольбу о пощаде...

На настоящем, не из фантазий, лице Белого Короля медленно проступает улыбка. Так мать глядит на неразумное и капризное дитя, – всё понимая и не имея возможности и желания поступать иначе.

Улыбки противника Чёрный Король не переносит, с особо громким и красочным проклятием он в два прыжка преодолевает отделявшие его от края клетки и, взметнув полы чёрной мантии, словно птица Рух крылья, срывается вниз. Крик его становится тише и, наконец, тишина оглушает оставшихся на клетчатом поле.

Её нарушает негромкий стук опустившегося, наконец, каблука – на свою же клетку. Серо-голубые глаза разочарованно отворачиваются. Но тонкие руки взметаются вверх и снимают тяжёлую корону.

Вновь налетевший ветер взлохмачивает и без того беспорядочную причёску ещё больше. Королева делает шаг вперёд на клетку, соседнюю с Белым Королём, на верную смерть, хотя игра и окончена. И кладёт корону к его ногам.

Подёрнутые было льдом глаза теплеют, и улыбка, на сей раз искренняя, восхищённая вновь трогает бледные губы.

– А вы умеете проигрывать, миледи, – произносит Король, и уважение в его голосе медленно перетекает в теплоту. Сцепленные, казалось, насмерть руки разъединяются.

Королева не двигается с места. Сейчас цепкие пальцы возьмутся за эфес меча, и её отрубленная голова покатится, смешно подпрыгивая, за край. Потом туда же отправится тело – она столько раз наблюдала этот нехитрый процесс за время игры! И хотя игра должна бы закончиться – Чёрного Короля нет, но он ушёл против правил, глупо ждать их исполнения от его противника.

К тому же... Игра не кончена. Чёрная Королева это чувствует всей кожей, так ярко, будто никакого платья на ней и нет. ...Сняющая серебром корона со звоном ударяется о доску и катится куда-то к центру поля. Король, чуть качнув обнажённой головой, делает шаг вперёд к Королеве.

Ветер подхватывает подол чёрного платья и белой мантии, накладывает их друг на друга и нещадно треплет. На одной клетке совсем мало места для двух фигур.

Успевший попрощаться с жизнью взгляд обрушивается на Короля вновь закружившимся азартом.

– А вы умеете играть, милорд, – констатирует Королева, и лёгкая улыбка трогает её губы. Как эхо улыбки, не сходящей с губ Короля.

Жалоба волков

Волк не может нарушить традиций.

Видно, в детстве – слепые щенки,

Мы, волчата, – сосали волчицу

И воссали: нельзя за флажки!

В. Высоцкий. «Охота на волков»

Она большая, мохнатая, затравленная. Мы пьём её молоко и чувствуем, как в

нас вливается страх. Бессознательный, безотчётный. Безосновательный, быть может. Но нам не дано это понять. Страх проник в нашу кровь и лимфу, стал плотью, стал частью нас, стал нами. Его нельзя из нас вырвать, убрать, потому что тогда мы умрем. Мы привыкли к нему, срослись с ним, мы не можем без него.

Запрет для нас это святое. Кто его нарушает – святотатец. Нельзя – и всё. Нам этого достаточно. Почему, кто придумал, разумно ли, честно ли, нужно ли, такие мысли не приходят нам в голову. Они просто не могут прийти. Исключено. Если страх наш бог, то запрет его наместник на земле. Наш кумир. Мы поклоняемся ему, пляшем вокруг с криком и воплями, как некогда язычники, и приносим ему жертвы: себя, свои возможности, детей, любовь, счастье... Жизнь наша остается у нас, наша серая тухлая жизнь. Жизнёнка. Зачем нас убивать? Ведь тогда неоткуда будет взять рабов...

Прошло то время, когда на нас устраивали облавы, и егеря смеялись, глядя, как тяжело ходят бока у загнанного зверя, а собачий лай терзал окрестности на много миль вокруг. Теперь иная тактика. Флажки уже не красные, а синие. Но что с того? Все равно флажки. Ими огородили часть леса, и мы там живем. А охотники превратились в типичных надзирателей. Им так тоже удобнее. Не надо тратить нервы и силы на утомительную и не всегда удачную охоту. В любое время можно прийти и отобрать нужное количество дичи. Спокойно, легко и просто. И мы уступаем – без боя, без малейшего взрыкивания. Мы признали над собой хозяев.

Мы рабы. Нас так не называют, это грубо звучит. Но кое-какие мозги у нас всё же имеются, чтобы понимать это. С раба нет спроса. За всё в ответе хозяин. Он же, кстати, обеспечивает пусть мелкий и паршивый, но стабильный паек. И в нас притупляются инстинкты, глохнет чутьё, дряхлеют мышцы, слабеют глаза... Зачем нам всё это? Зачем, если можно – на халяву?

Мы вырождаемся. Это заметно по нашим детям. Они слабые, чахлые, как былинки. Они третьи, четвертые... Мы сбились со счёта какое поколение с рождения вбирающее в себя нехитрую рабскую премудрость. С молоком матери её всасывающее. Это уже не волчата, а ягнята, их гонят на бойню, они боятся, упираются, отчаянно мекают, но тупо идут куда велено... Наши разве что не мекают. Но это дело недалекого будущего. Объявится в биологии новый вид – волк-баран блеющий...

Смешно? Если бы. Мы разучились смеяться. И скалиться тоже. Мы вообще отвыкли клыки обнажать, кроме как чтоб вонзить их в перезревшее мясо, от щедрот хозяйских перепадающее. Мы себя не узнаём... Да нам не с чем сравнивать – мы забыли, что было с нами раньше. У нас атрофировалась память за ненужностью. Зачем память рабам? Лишь иногда мелькнут обрывки смутных то ли воспоминаний, то ли (чур меня!) фантазий...

Но они мигом улечувываются, не находя применения, не встречая опоры. Они не нужны нам. Мы стали существами иного порядка. И нам его не изменить.

Это выше наших сил. Хуже наших желаний. Мы не хотим ничего менять. Нам хорошо здесь – в страхе, в мерзких

условиях, на маленьком огороженном пятачке. Нам хорошо. Мы не хотим менять хоть что-нибудь.

Он

Он был Богом-творцом, повелевающим стихиями. Миры рождались по его слову, кружились, иногда лопались как мыльные пузыри, но чаще уходили и жили дальше своей жизнью, без его ведома. Порой от них долетали приветы, порой проклятья, порой – ничего... А он с остервенением создавал новые, вкалывал на них, выкладывался весь, без остатка, так что под конец становился похож на выжатую досуха лимонную дольку. Но сок брался откуда-то снова и всё начиналось сначала...

Он был чёртом разрушителем. Так планомерно и самозабвенно разрушал он себя, своих близких, вообще всех, с кем доводилось встречаться... Нет, не из природной злости. Слишком сильным огнём он был набит, как чердак хламом. Не получалось его весь перевести на созидание. Да он и не стремился – беречь себя он не умел абсолютно. Других – старался, а выходило по-разному.

Он был человеком. О двух руках и двух ногах, и рубашки на нём также грязнели и лоснились от пота, и их надо было стирать. Не всегда отвечали взаимностью те, кто надо, а те, кто не надо упорно не желали уйти с горизонта и вынуть палки из колёс.

Он мог смеяться, да что там, просто улыбаться, и у людей поднималось настроение. Достаточно было глянуть, как он идёт по коридору, и хотелось расправить плечи и тоже, как он, стать человеком цели. К нему тянулись, многие подражали, иные передразнивали, ещё больше народу грелось об него, как о костёр в дождь...

Он мог хандрить по-чёрному, отвергая все советы друзей и врачей, начальников и просто доброжелателей. До самоубийства, почему-то, всегда неудачного. До злости на всех и вся, до неверия полного в себя, в друзей, во всё святое, что есть на свете. До пьянок своих, загулов бесконечных, расхристанности полной...

Он был борцом с дерьмом в округе и в самом себе. Он его, дерьмо это, ненавидел и там и там. Но оно было таким милым и привычным, что рука не поднималась драться с ним... А как только поднималась, наконец, – дерьмо оцетинилось, шипело, выпускало когти и всеми силами старалось удержать прежние позиции.

Он был тем, кто бороться не хочет. Дезертиром, эмигрантом, сдавшимся в плен. Потому что война – это было вообще не его, на передовой ему мерещился рай – место, где можно любить и творить, где нет мелочных дряг и кляуз, где не убивают...

И он устраивал этот рай на крохотном пятачке, сбегал в него со своей передовой, а трибунал присуждал то к расстрелу, то к штрафбату; пойдешь разбери, что хуже.

Он был всем. Пустыней и Арктикой, матершинником и бабником, узником и освободителем в одном флаконе. Как-то ему удавалось совмещать крайности и не быть при этом серой серединой. И не лоскутным, не обрывочным – он очень цельным был, словно вырезанным из одного куска неведомого материала.

Он был.

Размышления на тему о «Запрещённой Руси»

Тема «Запрещённая Русь», то есть, та информация о Руси, которую, якобы, говорить запрещено или не желательно из каких-то этических, моральных или иных соображений, возникла передо мной можно сказать случайно. Скажу прямо, сосед (в прошлом шахтёр, ныне пенсионер) надоумил. Пришёл ко мне и говорит: «Историей занимаешься, а - почитай!» И положил на стол три книги Льва Прозорова и одну Натальи Павлицевой.

Я начал было отнекиваться, мол - занимаюсь сугубо историей своего родного края, а такие книги не читаю. Он, не слушая меня более, положил принесённые книги, развернулся и ушёл.

Девять некуда, пришлось полистать и почитать кое-что в них. По литературному сюжету и жанру все принесённые книги историко-публицистические с информацией о дохристианской - языческой Руси, полемика и рассуждения на эту тему.

На последней странице обложки книги Натальи Павлицевой с названием «Запрещённая Русь» «10 тысяч лет нашей истории», сказано:

«Эта Русь фактически под полным запретом в «научных кругах». В неё не верят «профессиональные историки». Её существование отрицают «серьёзные учёные». Её следы старательно не замечают доктора наук и академики, привыкшие закрывать глаза на всё, что не укладывается в прокрустово ложе научного официоза, и замалчивать неудобные факты, не вписывающиеся в «общепринятые» концепции, хотя год от года таких фактов становится всё больше.

Эта сенсационная книга прорывает заговор молчания, переворачивая все привычные представления о прошлом и неопровержимо доказывая, что русская история насчитывает не 1200 - 1500 лет, как врут учебники, а в десять раз больше!

Наперекор негласной цензуре и «профессиональным» табу, основываясь не на пересказе замшелых «научных» мифов, а на новейших данных археологии, климатологии и даже генетики, это исследование предлагает новый, революционный взгляд на истоки Древней Руси и глубочайшие корни русского народа, разгадывает главные тайны нашего прошлого и разоблачает нищету исторического официоза!».

Сказать, что в данной книге есть какой-то запрещённый (то, что называется - «запрещённым»), я - как бывший кадровый военный, понимаю) материал говорить не приходится. Есть доводы полемического толка, которые якобы не обсуждаются представителями официальной исторической науки, опять же, якобы, как «неудобные» и прочее.

Хотя, справедливости ради, что-то, интересное, возможно и поучительное, возможно и действительно несправедливо забываемое и забытое, в названных книгах, наверное, есть.

Краткого обзора всем названным книгам давать не буду, выборочно дам авторский материал из книги Натальи Павлицевой «Запрещённая Русь», несколько иронизируя обсуждаемое и не только, переведя разговор в заключительной части получившегося материала на местную тему. А вначале, кратко, об авторе книги:

Павлицева Наталья Павловна - родилась 11 марта 1955 года в Туркмени, в семье военнослужащего. В Туркмени же прошли и её детские годы. Позднее переехала на жительство с родителями в Ленинград. Училась на химическом факультете одного из ВУЗов, но работать в выбранном направлении не стала из-за отрицательной реакции организма на различные химические элементы. Замуж вышла за военного же, в связи с чем, пришлось много раз переезжать с мужем с одного места военной службы на другое. В конце концов, на жительство вернулась в Питер.

Поскольку большая часть личной жизни Натальи Павловны носила кочевой образ, возможности заняться какой-то постоянной трудовой деятельностью ей не представилось. Имея от природы наклонности к литературно-творческой деятельности, на этом она и сконцентрировала свои силы. Биографы и критики творчества Натальи Павлицевой называют её - «непрофессиональным» историком и «непрофессиональным» писателем, автором сентиментального жанра. При этом, эти же люди сообщают, что книги Натальи Павлицевой пользуются у читателей большой популярностью и спросом, в них успешно уживаются художественный вымысел и документальный исторический материал.

Наталья Павлицева автор более десятка исторических романов, член Союза писателей России, член Академии русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина. За своё творчество она награждена медалями - «За особые заслуги» Н.В. Гоголя, С.А. Есенина. Живёт в Санкт-Петербурге.

Есть ли жизнь на Марсе?

Есть ли жизнь на Марсе? На эту тему не одно столетие ломают головы и спорят учёные всей планеты.

Одни говорят и научно доказывают, что жизни на Марсе нет! В доказательство своим утверждениям, что жизни на Марсе нет, ими написаны многочисленные научные труды, защищены диссертации. Многим учёным за эти работы присвоены высокие учёные звания.

Другие учёные с мировыми же именами утверждают, что жизнь на Марсе есть. В последнее время учёные NASA убедительно доказывают, что на Марсе вода обнаружена, следовательно, должна быть и жизнь, хотя бы, на молекулярно-бактериальном уровне. Ими, так же написаны научные работы, защищены диссертации, получены учёные звания.

Обе группировки, с совершенно противоположными и взаимоисключающими друг друга научными взглядами и убеждениями, мирно сосуществуют друг с другом в обыденной жизни: проводят симпозиумы, конференции, встречи, одинаково выступают в печати, и... ничего! Вопрос «Есть ли жизнь на Марсе?» так и висит в воздухе по сей день. Наверное, и не будет разрешён до тех пор, пока люди не побывают на Марсе, не посмотрят на Красную планету своими глазами. Тогда и сообщат нам, землянам: есть жизнь или её нет на Марсе. Возможно и то, что люди на красной планете ни когда не побывают, тогда и однозначно правильного ответа на заданный вопрос никогда и не будет.

Что мы можем сообщить землянам сегодня о Марсе, если толком не знаем более близкого нам. К примеру - не знаем истории зарождения своего родного Государства, не знаем истории родного города, истории родного села и так далее.

При этом мирных симпозиумов на эту тему у людей почему-то не получается?

Знающие - не говорят, говорящие - не знают

В 2012 году, в издательстве «Яузпресс», вышла книга «Запрещённая Русь» «10 тысяч лет нашей истории», Натальи Павлицевой.

Открывается книга эпиграфом из высказываний древнекитайского философа и мудреца Лао-цзы (жившего, предположительно, в пятом или шестом столетии до нашей эры): «Знающие - не говорят, говорящие - не знают».

- Мудрец прав, - говорит автор. - Поскольку я не молчу, следовательно, отношусь ко вторым. У человечества есть вечные вопросы вроде Шекспировского - «Быть или не быть?», или русских - «Кто виноват?» и «Что делать?».

«Кто мы?» и «Откуда мы?» - на два эти вопроса человечество много раз отвечало, причём ответы у разных людей получались разные. Чьих-то предков слепили из глины, чьих-то высидели из яйца. Чей-то предок - Адам, был выпихнут на Землю из Рая за излишнее любопытство и нарушение запретов Создателя. Потом господин Дарвин вроде логично объяснил, что этот самый Рай находился на пальме, а изгнание было, скорее, добровольным сползанием его с пальмы вниз. Чем дарвиновскому Адаму не понравилось на пальме неизвестно, но после этого он начал придумывать всякие приспособления, чтобы достать то, что совсем недавно мог взять голыми руками. Этим занимается по сей день - придумывает.

Правда, подавляющее большинство населения планеты всё же предпочитает верить, что без Божьего умысла в создании их предков не обошлось. Так оно как-то приятней, чем сознавать себя родственниками (даже очень далёкими) питомцев зоопарка.

Есть ещё один вопрос, который временами мучает охочую до философствований русскую душу: «Как мы дошли до жизни такой?». Вот этим любимым русским вопросам и посвящена книга «Запрещённая Русь».

Это только одна из версий, ни в коем случае не истина в последней инстанции, скорее способ подтолкнуть читателя «зарыться» в более научную литературу. Эта книга для недоверчивых, которым не всё равно, почему считают так, а не иначе и что могут означать явные нестыковки и пробелы в наших знаниях.

К размышлению подвигло удивление, почему публикация переводов «Велесовой книги» вызвала такой интерес и столь бурное обсуждение.

Почему она вызывает столь ожесточённые споры?

Почему равнодушных попросту нет, её либо напрочь отвергают, либо поднимают на щит?

Что же такое сообщила миру Велесова книга?

В городе Великом Новгороде стоит памятник «Тысячелетие России», автором которому является российский скульптор Микешин. Всё в памятнике хорошо, за исключением самого названия - «Тысячелетие России». Не перечислить всего того, что написано о нелепости этого названия! Памятник установлен в 1862 году в ознаменование тысячелетия прихода варягов на Русь. Россия, как известно, начала так называться после Смутного времени, с возведением на престол Романовых. До этого называлась Русью и Московской. О каком тысячелетии России может идти речь?

Когда же началась та самая Русь?

Вспомните название самой известной древнерусской летописи: «откуда есть, пошла Земля Русская».

Это творение летописца монаха Киево-Печёрского монастыря Нестора трактовало нашу историю так: земля русская началась всего-то чуть более одной тысячи лет назад с приходом на Ладогу варяжских дружин под предводительством канунга (князя) Рюрика. Вот так! Жили себе русы «звериным образом», а потом пришли разумные варяги и навели порядок, то есть согнали аборигенов с берёз и ёлок (пальм не было) и в государство организовали.

Очень «помог» развитию исторической науки России замечательный и выдающийся её деятель - историк и писатель Карамзин Н.М. Его перу принадлежит, буквально уничтожающая тысячелетия истории руссов, фраза из «Истории Государства Российского»: «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных её климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погружёнными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками».

Вот так врезал по всем нам великий

наш соотечественник. Эту фразу с удовольствием взяли на вооружение сотни учёных-иностранцев, портивших бумагу на ниве русской истории. И пошло гулять по свету: предки русских прозябали в полном невежестве до самого появления варягов. Так что же ожидать от потомков?

Мы изучаем мифы Древней Греции, подвиги Геракла, из которых подвиг, по существу, только один – очистка Авгиевых конюшен, остальные – примитивный разбой с отягчающими обстоятельствами. Подробно исследуем, изучаем и запоминаем деяния римских императоров и полководцев, ахают от размеров и древности египетских пирамид.

И почти ничего не знаем о своём собственном народе тех же времён.

Вот в этом и кроется всемирный интерес к Велесовой книге! Она повествует о русах до прихода варягов! И главное, рассказывает, какими успешными были наши предки. Как широко распространили своё влияние, насколько опередили многие другие народы в развитии. Велесова книга, скорее, повод, чтобы поговорить о наидревнейшей истории русов, о месте их появления не просто на исторической, а на доисторической мировой сцене.

Велесова книга (правдиво или нет) рассказала нам о многом, но гораздо больше не рассказала. И это несказанное может быть много интересней того, что в ней содержится. Сейчас есть неоспоримые научные данные, в том числе археологические, способные перевернуть все устоявшиеся теории о колыбели человеческой цивилизации.

Что же есть такое - «ВЕЛЕСОВА КНИГА», о которой так загадочно было упомянуто выше?

Для тех, кто не имел счастья быть знакомым с трудами господина Асова, кратко поясню. Из многочисленных объяснений следует, что осенью 1919 года при отступлении в составе Марковской дивизии Добровольческой армии, в имении, предположительно, Задонских-Захаржевских под Великим Бурлуком, полковник Али Артурович Изинбек нашёл на полу в разгромленной библиотеке мешок со связкой странных деревянных дощечек, с какими-то значкообразными росписями на них. Распорядился денщику прихватить мешок с дощечками с собой и увёз его вначале в Турцию, затем в Париж, а потом и в Брюссель, где дощечки попали в руки русского иммигранта историка-любителя и филолога Юрия Петровича Миролубова.

Изинбек по первоначальному своему образованию был художником, имел некоторые странности: он ни кому не разрешал выносить дощечки из своей квартиры. Позволяя, однако, Миролубову срисовывать с них в своём присутствии, вырезанные на них, значки. Титаническая работа продолжалась целых 15 лет!

В 1941 году Миролубов вынужден был уехать из Брюсселя, а оставшийся там Изинбек вскоре умер.

Дощечки бесследно исчезли, возможно, они – попросту, попали в камин к соседу, имевшему ключ от квартиры Изинбека. Хотя, апологетам Велесовой книги нравится другая версия – дощечки угодили в загадки Аненербе (одного из специальных подразделений гитлеровской разведки, работавшей в обла-

сти окултных наук, мистики и прочее), потом дощечки перекочевали в тайники и хранилища КГБ, где-то там до сих пор и лежат. Возможно и так, но всё то, что смог срисовать Миролубов он опубликовал в русскоязычном малотиражном журнале «Жар-птица» в Сан-Франциско в 1953 году.

Через два года эта публикация попала на глаза другому русскому иммигранту – австралийцу С.Я. Парамонову (Лесному).

С этого времени и началось активное продвижение текста Велесовой книги в человеческих головах и умах, интересующихся древней историей Руси.

Переводчики Велесовой книги утверждают, что на дощечках Изинбека содержался текст - древнейшей книги (девятого века) из истории наших предков (заканчивается Велесова книга приходом Рюрика на Русь).

Сомнений в подлинности действительно, в сказанном, не мало. Почему-то не бедный Изинбек не счёл нужным просто сфотографировать дощечки. При этом единственная имеющаяся фотография вызвала больше вопросов, чем ответов. Оправдания, что Миролубов был беден, поэтому мол, сам не смог сделать фотографий, к тому же и Изинбек не разрешал, тоже не выдерживает критики. За 15-ть то лет, тайком от пьяного Изинбека, по одной дощечке за полгода, наверное, можно было уносить, фотографировать их и приносить обратно.

Так нет же – не уносил, не фотографировал. Словом путаницы в копированном тексте немисливо много.

Скорее всего, Миролубову попал в руки древнейший текст, с которым он просто не смог справиться. Разобрал – как ребёнок игрушку, чтобы понять, что там находится внутри, как ребёнок же – собрать её обратно, не смог.

Современные переводчики пытались это сделать, однако встретили довольно серьёзную критику учёных, и язык – де не тот, и материал у дощечек молод, и у самой истории этой книги слишком много натяжек.

Велесова книга не единственная (и далеко не самая удачная) публикация по древнейшей истории русов, просто её весьма успешно пропиарили и скандально преподнесли.

Всё о чём так туманно и путано сообщает Велесова книга (и даже много больше), есть в гораздо более конкретном виде – в массе научных трудов.

Правда, научные труды тяжеловато читать.

А Велесову книгу легко?

Тот же нет, но нашлось множество «толкователей», всяк на свой лад расшифровывающих преподнесённый Миролубовым текст. И ничего, что слишком многое притянута за уши, а на любые вопросы один ответ – обвинение в некомпетентности.

При этом – помнить и руководствоваться огромным количеством серьёзных работ рассказывающих о тех же и даже более древних временах, не – не менее патристично, главное – документально.

Русы и есть арии? Откуда они пришли в свой край зелёный? Сколько тысячелетий насчитывает история русов? Если верить Нестору, то пальцев одной руки

будет многовато. Если Велесовой книге, то придётся привлекать и руки соседа.

А в действительности?

Согласно утверждению замечательно-русиста Ю.Д. Петухова, вообще – 50000 лет. Немногим меньше дают генетики. Почти столько же – 48000 лет, по территории Русской равнины – археологи. А мифы и сказания твердят о сотнях тысяч лет. Так почему мы знаем только мальчика из пещеры, антов, полян, а ещё варягов, которые «навели» порядок на Земле Русской?

Попробуем понять, что же творилось на Земле-Матушке много тысячелетий назад, где в то время могли жить люди и что это были за люди.

Клио, ты не одинока

«Знание столь драгоценная вещь, что его не зазорно добывать из любого источника».
Фома Аквинский.

В немисливо древние времена (даже задолго до описываемых в Велесовой книге) бог небес Уран и богиня земли Гея общими усилиями наплодили массу потомства.

Среди их деток была красавица титанида Мнемозина (богиня памяти), ставшая женой Зевса, от которых родилось девять замечательных сестричек, взявших на себя ответственность за развитие человеческих знаний в самых разных областях.

Старшая из сестричек – Каллиопа, стала ответственна за эпическую поэзию (оды, патристические песни, многотомные сочинения о славных деяниях разного рода победителей, её рук дело). Эвтерпа, взяла на себя заботу о развитии лирической поэзии. Эрот, покровительствовала эротической лирике.

Талия, руководила комедийным жанром. Мельпомена, взяла на себя драму.

Терпсихора, увлеклась танцами и балетом. Пилигимния, создала пантомиму.

Урания, занялась астрономией и точными науками.

И, наконец – Клио (по-гречески – «Прославляющая»), стала отвечать за историю. Клио изображали со свитком папируса и грифельной палочкой в руках.

Сестрички весьма успешно помогали человечеству в его развитии. За что неблагодарные люди не мало над ними издевались.

Особенно доставалось бедняжке Клио. Каждое следующее поколение новило переписать историю, если не всеобщую, то уж – свою, собственную – заново. Люди придумывали, а музе – работай. Клио не одинока потому, что со временем на помощь ей пришло множество других, о которых во времена Урана и не подозревали.

В изучении истории доваряжской Руси есть одна большая, ну очень большая проблема! Как люди изучают историю? Прежде всего, по чьим-то записям на бумаге, пергаменте, папирусе, дереве, камне... Все официально признанные русские записи считаются со времени Крещения Руси. Это то, что было написано кириллицей с одобрения властей.

Откуда брали сведения о предыдущих столетиях? Кто вообще писал эти самые летописи, и кто их правил? Почему позабыли Белую, Синюю и Красную Русь? Почему счёт цивилизации начали вести только от Рюрика? Неужели все были

мазуриками? Пришло время кое-что рассказать о знаменитом Несторе и его «редакторах».

Сразу оговоримся: настоящей летописи - протографа – у нас нет ни одной! Всё, что имеется, – это более поздние их повторения, списки.

Итак, летопись – историческое произведение, в котором повествование велось по годам, каждая новая статья (это не я их так назвала, так принято) начинается словами: «В лето такое-то...» Летописец – то же, что и летопись.

Летописный свод – сведение в единое повествование разных летописных документов, всевозможных актов, житийных произведений, разного рода поучений.

Летописный список – это одинаковые летописные тексты, переписанные в разное время и разными людьми в разных местах. То есть одна и та же летопись была множество раз переписана и от того, кто это делал, часто зависит текст списка. Например, Ипатьевская летопись известна в восьми списках, и все они заметно отличаются друг от дружки. При этом не сохранилось ни одной летописи в первоначальном виде – протографа. Представляете, какой суррогат мы сейчас имеем!

Летописный извод – это редакционная версия какого-либо текста. Тут уж вообще редактору раздолье!

Если ещё учесть, что мы не в состоянии без перевода прочитать текст даже при чётко прорисованных буквах, поскольку не знаем старославянского языка, то на все эти переписки и приписки накладывается ещё и личностный подход современных переводчиков.

Надо учиться ещё и вот что. Дошедшие до нас летописи довольно «молоды»: знаменитая «Повесть временных лет» писана около 113 года, «Остромирово Евангелие» чуть пораньше – в 1282-м. И все не в оригинале, а более поздних списках, где, те, кто переписывал, чуть-чуть, но добавляли своё (или пропускали неудобное). Главное, что о событиях IX – X веков писалось не просто со слов, а с давних воспоминаний или чужих записей. То есть тоже не беспристрастно. Не хочется винить летописцев в нечестности, любой человек, прежде всего, видит то, что хочет видеть. Расставленные акценты – вещь очень важная, особенно когда касаются неизвестных или спорных фактов.

Есть ещё одно «но» (сколько же их всего?).

Иногда даты, в общем-то, хорошо известных событий очень разнятся. Почему? Дело в том, что датировка записей ведётся от Сотворения мира, но в разной системе, так сказать. Такое ощущение, что даже в той же «Повести» даты даны вперемежку, сначала по болгарским хроникам, а потом по византийским. Для нас это приводит к разным невообразимым несуразностям. Нестор описывает последовательность события 112 года, в Киевской летописи – идёт май, в след за ним ноябрь, январь и февраль этого же года! И таких примеров множество.

Мало того, Указом Петра I от 15 декабря 1699 года, в России было введено христианское летоисчисление, и год стал начинаться с 1-го января. День после 31 декабря 7208 года от Сотворения мира полагалось считать 1 января 1700 года от Рождества Христова. Таким образом, 1699 год длился всего 4 месяца. Но нам

интересно не это, просто кто-то из переписчиков летописей это учёл, а кто-то нет. Как так может быть? Может! Новый стиль также был спущен сверху и 1 февраля 1918 года.

То, что «Повести» безжалостно были правлены уже в XI веке при жизни автора, сомнений не вызывает, причём по заказу, а не просто из дури переписчика. Великий князь Владимир Мономах и был тем самым властью имущим заказчиком, что приказал переписать Несторову «Повесть временных лет» сообразно с его княжеским мнением. Что-то было переписано выдубицким игуменом Сильвестром, доверенным лицом князя Владимира Мономаха, что-то соскоблено, а что-то просто вырвано и выброшено. Что бы понять, что именно так мешало князю, и какие слова Нестора могли ему не понравиться, нужно понять, кто такой Владимир Мономах, когда и как пришёл он к власти, и кто такой сам Нестор, что вообще он мог написать. Ведь в «Повести...» были записаны далеко не только факты, но и их оценка.

Первым предстоятелем Русской православной церкви по пригородному местечку Берестову – любимой вотчине киевских князей – был Ларион. В «Повести...» о нём говорится так: «В лето 6559 (1051). Поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом, в Святой Сбфии собрав епископов». Представляете себе скандал – князь буквально назначил митрополитом своего духовника, то есть сделал то, на что имел право только Константинопольский патриархат! Разве такое самовольство могло искупить то, что Иларион был «муж благ, книжен и постник»? Кстати, он стал известен в Киеве ещё до скандального решения Ярослава, поскольку вырыл себе за городом молитвенную пещерку, куда удалялся для размышлений. Эта пещерка положила начало будущему Киево-Печерскому пещерному монастырю, нынешней Лавре.

Так вот, «книжен» муж был митрополитом, конечно, только при жизни Ярослава, а потом просто исчез из всех хроник. Странно, не так ли? Это фигура огромного масштаба: первый русский митрополит, первый русский философ, тот, чьи проповеди часами слушали и князья, и простые миряне; первый русский христианский писатель, надежда и опора в славных делах князя Ярослава. Если его напрочь перестали упоминать во всех летописях, то, наверное, это произошло не зря. Умер вместе со своим князем? Скорее всего, нет.

В это же время среди братии Киево-Печерского монастыря появляется новый монах – Никон. Личность настолько выдающаяся, что при жизни он был прозван Великим. По его проповедям и остаткам кое-каких воспоминаний ясно, что это и был Иларион.

К чему так подробно о первом русском митрополите? Дело в том, что автор «Повести» Нестор был монахом того же монастыря, а его учителем – Никон, уже ставший игуменом Киево-Печерской обители. Этот монастырь – пример, пожалуй, первой русской оппозиции власти, был костью в горле нового митрополита грека. Из-за слишком высокого авторитета его монахов, их просто выкурить дымом из пещер было опасно, тогда решили действовать тихо, но наверняка. Сначала изъяли все монашес-

тырские манускрипты, а потом – потребовали удаления Никона из обители.

Пришлось бывшему первому русскому митрополиту и опальному монаху бежать в Тмутаракань (Крым). Позднее в Киев он вернулся, вновь стал в монастыре игуменом и навсегда остался в оппозиции к власти.

Именно труды Никона и использовал Нестор при написании своей «Повести временных лет». Поэтому-то, одними из первых страниц, которые безжалостно вырвал Сильвестр из «Повести...» Нестора, были тексты написанные Никоном, особенно те, в которых он не лестно отзывался о нелюбимых им представителях Киевской власти.

Не мог Никон, а за ним и Нестор, хвалить засилье в Киеве иностранщины, в первую очередь византийской диаспоры, поскольку всю жизнь с ними боролся, как и с распрями наследников Ярослава Мудрого.

Изъятые из Несторовской летописи безвозвратно утеряны. Владимир Мономах, придя к власти на исходе жизни, также пожелал оставить о себе несколько иную память, чем та, какая оказалась на страницах Несторовской «Повести».

И снова пришлось править. Да как! Кое-где просто вставлен текст якобы от имени Нестора (это где про самого Владимира Мономаха). В итоге «операция» по «улучшению» летописи вышла настолько топорной, что даже не слишком сведущему читателю ясно, что это текст другого пошиба. Мы простили бы Владимиру Мономаху, если бы он просто вставил в «Повесть...» текст про себя любимого. Его ведь можно было бы и не читать, просто пролистать и всё на том. Так нет же – его самовосхваления вставлены вместо Несторовского текста.

Понимал ли выдубицкий игумен Сильвестр, когда брался за ножичек и перо для правки творения Нестора, как его собственное дело в веках отзовется?

Вряд ли, во-первых, потому, что кто же мог знать, что «Повесть...» окажется основополагающей летописью по древнерусской истории?

Во-вторых, он явно не видел ничего особо крамольного в такой «редакторской» правке, иначе не оставил бы на ней своё имя.

Был ли у него выбор? Ну, если отбросить вариант с его гниением в тюремной яме, то – не было. Воля князя – закон, кто не подчинился, пенял на себя. Тем более – воля Владимира Мономаха. К тому же – князь был грамотен. Маленькая ложь рождает большое недоверие.

Ну и кому тогда верить в рассказах о Киевской Руси? Поэтому, как не вспомнить известное выражение, что человечество запуталось в своей собственной истории, как собака в репейнике!

Вновь вернёмся и поговорим ещё немного о ВЕЛЕСОВОЙ КНИГЕ.

Как утверждают переводчики Велесовой книги – события, описываемые в ней, начинаются двадцать две тысячи лет тому назад, примерно в 20-м тысячелетии до нашей эры (возможно и раньше, просто писавший её об этом не догадывался).

Юрий Петрович Миролюбов утверждал, что дощечки из мастерской Изенбека не просто исчезли, фактически они были похищены страшной организацией Аненербе, а потом – после разгрома фа-

шисткой Германии в 1945 году, они попали в заглашки русской разведки или КГБ.

Что собой представляла «Аненербе»? Зачем могли понадобиться деревяшки со славянскими значками людям из этой секретной организации?

Для тех, кто мало знаком с господами из Третьего рейха, небольшая справка:

Аненербе – одна из самых таинственных и загадочных организаций Третьего рейха была создана в 1935 году приказом рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера, с 1937 года она перешла в ведение войск СС, что сулило безграничные возможности. Название организации изначально было более длинным, но позже сокращено до Аненербе, что переводится как «Память предков». Аненербе отличало от многих других служб германской разведки, прежде всего – официальное финансирование государством и широчайшие полномочия, которые год от года росли!

Росла и сама организация. Удивительное дело, практически все слышали её название, все знали, что специалисты Аненербе занимались оккультными изысканиями, пытались найти Шамбалу, чашу Грааля, меч Артура и многое другое. Все знали, что они трудились над созданием атомного оружия и даже летающих тарелок. Что изучали физические возможности человека, ставя жесточайшие опыты над военнопленными. Что руки специалистов Аненербе – не по локоть, а по плечи – в крови замученных ими жертв.

У тех, кто попадал в число подопытных этой организации, становилось единственной мечтой – как можно скорее умереть!

При этом наказание за всю организацию по решению Нюрнбергского суда понёс, пожалуй, только последний её глава Вольфрам Зиверс. «Память предков», уничтожившая в ходе своих экспериментов многие тысячи людей, чьи щупальца протянулись по всей Европе, и не только, добрались до каждой маломальской стоящей реликвии на оккупированной Германией территории, щедро финансированная государством, осталась не просто закрытой, а по-настоящему тайной организацией!

Под офис Аненербе был восстановлен замок Вевельсбург. Количество её институтов доходило до полусотни, организация ворочала огромнейшими деньгами, но, кроме принадлежности её к СС во главе с Гимmlером, мало что известно. Любой сотрудник, учёный и даже просто сосед по дому мог оказаться членом Аненербе, а то и не последним в ней человеком. Яркий пример – скромный ассистент профессора Экка Марк Шефтель.

В 1936 году приказом Гитлера Аненербе получила исключительные права производить обыски в любых организациях. В том числе в религиозных; в частных библиотеках, архивах, просто домах, наконец, чтобы выявлять материалы, имеющие ценность для Германии.

«Наследие предков» было основано философом Фридрихом Гельшером и врачом Германом Виртом. Всё началось, пожалуй, с книги Германа Вирта «Происхождение человечества», увидевшей свет в 1928 году.

Позднее, он же переработал и опубликовал «Хроники Ура-Линды». Последователи и сторонники, которой нашлись

быстро, деньги у них тоже были, ведь Вирт твердил о преимуществе белой расы (имея в виду, под этим названием, прежде всего немцев). А уж когда Вирт выдвинул свою теорию об Атлантиде и «нашёл» её, в том числе, в болотах неподалеку от Бремена, деньги полились рекой!

В 1935 году в Мюнхене прошла историческая выставка, организованная всё тем же Виртом под названием «Дойче Аненербе», то есть «Германское наследие предков». Гордостью профессора были построенное для этой цели огромное здание под названием «Хаус Атлантик» и древнейшие рунические и прото-рунические письмена, собранные по всему свету. На выставке побывал Генрих Гимmlер, увиденное ему очень понравилось, особенно впечатлила наглядность выводов о превосходстве нордической расы.

К этому времени шеф СС уже несколько затосковал в роли охранника при вождах партии, он чувствовал в себе огромные дремлющие силы, хотелось чего-то большего, мирового масштаба, что ли. Не беречь от нападений тушки главарей, а заботиться сразу обо всей нации, даже не нации, а нордической расе!.. Да так, чтобы потомки и в двадцатом поколении, и в сотом с благодарностью вспоминали его, Генриха Гимmlера, за спасение, возрождение, духовное перерождение и воспитание новых достойных арийцев!

Дальше – больше. Таких представителей новой расы ведь не просто воспитывали, их в буквальном смысле слова выводили, заставляя совокупляться отобранных самцов и самок, наиболее подходящих под определение представителя нордической расы, а рождённых от них детей растили и воспитывали отдельно от их родителей!

Трудно сказать, водились ли мысли мирового масштаба в голове у Гимmlера сами по себе или подтолкнула его к этому выставка, но результат получился ошеломляющим. Шеф СС, взялся за дело с присущей ему энергией. Тут же была создана организация, которую вначале возглавили Вирт и Хильшер, а президентом её стал Гимmlер (своя рука владыка).

Однако же, быстро пошедшая вверх карьера Германа Вирта, быстро же и закончилась – не смог он определить нужного национал-социалистам направления. К развенчанию недавнего героя приложил руку сам Гитлер, фюреру показалась оскорбительной сама мысль о зарождении сильной расы в каких-то болотах, пусть и немецких! А ещё Вирт, переводя «Ура-Линду», настаивал на матриархате древнейших предков своей расы.

Это не годилось уже никуда! Утверждать, что нордическая раса была создана бабами, да ещё и в болоте?!

После таких крамольных сентенций «Хаус Атлантик» стал выглядеть просто нелепо разукрашенным сараем, о чём Гитлер лично известил публику.

Герман Вирт со своего поста был смещён и посажен под домашний арест, между прочим, до самого конца войны! Зато многолетняя опала спасла ему жизнь.

А Аненербе во избежание руководства ею всякими мягкотелыми интеллигентами, способными по своему недомыслию извратить дух национал-социализма и отклонить от нужного курса, полностью поступила в подчинение

Гиммлера и работала под его чутким руководством до мая 1945 года, послушно (и не без успеха) выполняя все заказы своего шефа.

Когда читаешь материалы о деятельности Аненербе (а нам вряд ли известна хотя бы их сотая часть), берёт оторопь. Поскольку начинаешь понимать, что немецкий народ находился под таким сумасшедшим психологическим давлением, что коммунистические идеи мировой революции и сталинские лагеря - просто детские шалости, по сравнению с широтой размаха замыслов Аненербе! Большинство людей даже и не подозревают о размахе деятельности эсэсовских выкорышней!

Когда на Нюрнбергском процессе начался допрос последнего руководителя Аненербе Вольфрама Зиверса (Гиммлер оставался её бессменным шефом, но, административно - управлял Зиверс), то после первых же его слов, о деятельности его организации, допрос был прекращён, а Зиверса приговорили к смертной казни и без особых расспросов.

Удивительно, но ни одна из заинтересованных сторон не возмутилась! Все промолчали.

Скорее всего, мир никогда не узнает всё о деятельности Аненербе полностью, но сейчас разговор не о том. В самой организации в связи с Миролубовым и дощечками Велесовой книги нас интересуют два человека, об одном из них мы уже поговорили - это Герман Вирт, «логический папа» возвышения нордической расы, к которому ещё вернёмся в разговорах связанных с «Ура-Линдой».

Самой влиятельной и таинственной фигурой в Аненербе был, пожалуй, Карл Мария Виллигут, специалист по чёрной магии и не только. Личность этого человека тоже интересна в связи с дощечками Изенбека. Дело в том, что согласно текстам с дощечек Велесовой книги - история русов началась не позже 22 000 лет назад.

По Виллигугу - история германцев ещё более древняя, Карл вещал с куда большим размахом! Его хронология начиналась где-то около 228 000 лет до нашей эры, в те времена, когда на небе светило три солнца, а земля была населена гигантами, карликами и другими мифологическими существами.

Дальше больше, согласно утверждению главного идеолога будущей Аненербе, главную роль во всех происходящих событиях, конечно же, играли его собственные предки - мудрые короли, ведущие свой род от союза богов воздуха и богов воды (тогда земля занята была ещё чудовищами).

Бог с ним, если бы теория так и осталась простым увлечением, сочли бы чудачком-сказочником, но Виллигут принялся издавать в Зальцбурге газету «Железная метла», откровенно направленную против евреев и франкмасонов. А это закончилось уже принудительным лечением в психиатрической больнице с диагнозом шизофрения с мегаломанией и признание судом о его не дееспособности.

Виллигуга такие мелочи, как какой-то там людской суд или диагноз врачей, не остановили, он продолжил своё дело и свои изыскания. Об избранности своего рода и его немислимой древности Карл Мария утверждал не переставая. По его

словам, род был ещё в средние века проклят папой римским из-за имеющихся у Виллигутов табличек с тайными письмами, содержащими зашифрованные описания языческих ритуалов. На все требования уничтожить таблички Виллигуги отвечали отказом, они словно ждали своего часа.

Вообще, «Виллигут» переводится как «бог воли». Второе толкование - «падший ангел», то есть - тот, кто принёс на Землю потусторонние знания.

Карла Виллигуга называли Распутинным Гиммлера. Он утверждал, что является носителем родовой памяти за многие тысячелетия, и поражаёл своими видениями древних ритуалов и системы военной подготовки древних германцев.

Род его действительно был древний, герб Виллигутов с двумя свастиками внутри есть на рукописных памятниках XIII века.

Карл Виллигут отошёл от дел в 1939 году и доживал свой век в своём имении в одиночестве, причём крестьяне окружающего земель почему-то считали, что он тайный король Германии.

Умер Карл Мария Виллигут в 1946 году, не оставив наследника.

К чему нам этот представитель проклятого рода? - Только в связи с его родовыми записями на дощечках.

Я никак не соотношу написанное на табличках Виллигуга, с Велесовой книгой, просто о них были достаточно слышаны в Аненербе, а потому особо внимательно относились к любым другим тайнописям, в том числе и к славянским, руническим.

Специалисты Аненербе не брезговали ничем, уже добытым человечеством в предыдущие эпохи. Так что после оккупации Бельгии, брюссельский представитель Аненербе Марк Шефтель вполне мог упомянуть своему начальству о дощечках, хранившихся в мастерской русского художника. Если вспомнить, что изъятием всего заинтересовавшего Аненербе занималось гестапо, в ведение которого попало и наследство Изенбека, то вполне вероятно, что Юрий Петрович Миролубов прав, утверждая о бездонных архивах, куда попали дощечки. Надо напомнить, что Аненербе имело несколько пунктов своей дислокации. Архивы организации тоже располагались в нескольких местах. Один из них - замок Альтан в Нижней Силезии, попал в руки наступающих советских войск. Что было в этом архиве - тайна за семью сотнями печатей и по сей день. Известно лишь то, что отправляли архив в сторону Москвы - в 25-ти, плотно набитых, железнодорожных вагонах!

Про «падшего ангела» более или менее понятно, а причём здесь всё тот же Вирт и «Хроники Ура-Линды»?

Вряд ли эти «Хроники» хорошо известны большинству нынешних читателей. На русский они были впервые переведены только пару лет тому назад и издаются, вызвав большой интерес самим фактом издания перевода. Это как «Майн кампф» - и хочется, и колется.

Меньше всего меня интересует текст «Ура-Линды», гораздо больше история её появления и триумфального шествия по вывихнутым после усиленной обработки умам немцев.

Дело в том, что история «Хроники

Ура-Линды» неумовимо напоминает историю Велесовой книги, а уж её руны. В общем, бо-о-ольшие подозрения!..

Но вернёмся к Герману Вирту и его литературно-философским трудам.

В собственном сочинении о происхождении человечества Герман Вирт чётко поделил изначальное человечество пополам - на северную «нордическую» расу и выходцев с южного континента Гондваны. Северяне, конечно, сплошь и рядом умные и развитые, а южане подвержены низменным инстинктам.

Все остальные народы Земли просто смесь тех и других.

Естественно, что все земные беды происходили от этого смешения.

Вот если бы нордическая раса жила сама по себе. Отсюда вытекла потребность очистить северную расу от всяких напластований, вроде кровосмешений с южной расой, и утвердить её превосходство на веки вечные.

Критиковать расовые теории сейчас не будем, речь не о них, иначе нужно будет писать ещё сто двадцать два листа только об Аненербе и её деятелях.

Нам интересна не расовая теория Вирта, а обработанная им «Хроника Ура-Линды». Вначале немного истории появления манускрипта:

В 1867 году некий Корнелис Овер де Линден попросил фризского библиотекаря Ээлко Вейверса перевести несколько страниц копий, сделанных им собственноручно со старинного манускрипта, являющегося семейной реликвией. Показал и сам манускрипт, пояснив, что раритет достался ему от деда в 1848 году, а тот получил манускрипт от своей тётки.

Корнелис полагал, что в тексте содержатся какие-то семейные предания и тайны относительно сокровищ предков-викингов, но он сильно ошибся. До сих пор непонятно, как попал этот манускрипт в довольно простую фризскую семью моряков, но излагалась в нём ни много ни мало - история человечества, во много раз более древняя, чем библейская.

Правда, библиотекарь и его сотоварищи с первого взгляда объявили манускрипт простой подделкой, но - исследовать его, всё же взялись:

Анализ бумаги развеял остающиеся сомнения - было объявлено, что бумага совсем «молодая» - изготовлена всего четверть века назад и искусственно состарена (видимо) дымом. Потому, что на срезе она белая, а язык манускрипта представляет собой дикую смесь древнего фризского с вполне современными голландизмами.

Разгром, казалось бы, полный. Но «Ура-Линду» всё же перевели на нидерландский и английский языки и ещё долго обсуждали на серьёзных заседаниях (чем не может похвастаться Велесова книга).

В манускрипте утверждалось, что древнейшая его часть излагает события с 2194 года до нашей эры, по 803 год нашей эры.

Последняя её часть начата в 1256 году нашей эры!

Средняя, самая большая часть «Ура-Линды» - это Книга последователей Аделы - написана в VI веке до нашей эры на основе более древних материалов, которые уже не сохранились.

2194 год до нашей эры, по «Ура-Линде» - это год гибели Атлантиды.

Вирта в книге заинтересовала теория «корневых рас». Согласно манускрипту «Святой Дух» - Вральда для начала создал трёх дев: Лиду - из раскалённой пыли, Финду - из горячей пыли и Фризу - из тёплой пыли.

Вральда - приблизился к каждой из дев, они родили по 12 сыновей и по 12 дочерей, это были соответственно лидийцы, финны и фризы.

Лидийцы, произошедшие от черноволосой и черноглазой Лиды, оказались подвержены низменным инстинктам более остальных и не знали никаких законов. У детей - рождённых Финдой - законы были, но не исполнялись.

Наибольшая благодать, естественно, обнаружилась у детей рождённых Фризой. Отсюда следовал вывод, что лучшая из появившихся рас - фризы, осевшие в северных районах Европы.

Под финнами подразумевались не только жители Суоми, но и все народы восточной Фризы. Причём некоторые из лучших потомков Фризы иногда отправлялись к этим самым финнам, становились у тех вождями и правителями, принося, в жизнь недоразвитых - организованность.

Нужно ли напоминать, откуда, приплыл на Русь, Рюрик со товарищи?

В плане классификации народов по принципу организованности - «Ура-Линда» зашла дальше самого Вирта - в манускрипте народы поделены не на две расы (Нордическую и Гондвану), а на целых три.

Причём финны - представляющие собой народы Евразии, за исключением избранных фризов, были не промежуточной расой, а вполне самостоятельной, но, имевшей второстепенное, подчинённое значение.

Вирт никогда не отрицал, что представленный манускрипт, скорее всего, не подлинник, но считал его заимствованным из более древних памятников. Поэтому призывал коллег к тщательному его изучению.

Надо отдать должное Герману Вирту, он проделал огромную работу, дотошно исследуя каждую букву в «Ура-Линде». В отличие от тех, кто, уверовав в фальсификацию предоставленного текста, сразу же и отбросил его.

Вирт же попытался разделить пласты манускрипта, отделить более древнее - от нововдела. И постепенно понял, что в манускрипте содержится много полезной информации. Причём не в совпадении его с собственной теорией, а в языковом материале.

Немецкий вариант «Хроники Ура-Линды» был старательно обработан и издан Германом Виртом где-то в 1935 году. Кстати, Вирта за это старательно помазали грязью и предали анафеме большинство почтенных мэтров от науки, даже говорить об опальном манускрипте тогда было неприлично!

Поучиться же у Вирта разумному отношению к любой попавшей в его руки информации, пожалуй, стоит и сегодня.

Идейный создатель Аненербе, прежде всего, был учёным, и останься он у руководства организации, возможно, она зани-

малась бы не зверскими опытами над людьми, а историческими исследованиями.

Владелец «Ура-Линды» предоставил явную подделку, но, возможно, несколько неряшливо списанную с более древнего источника.

Учёные сам манускрипт отвергли, а вот его содержание и язык попытались изучить и разгадать. Старательней всего это делал бедолага Вирт, поплатившийся за свои старания своей научной репутацией.

Его вывод однозначен: манускрипт новодел, но в нём есть весьма большой пласт ценного научного материала.

Недавно «Ура-Линда» издана на русском языке и, по моим наблюдениям, долго на полках книжных магазинов не залёживается. Бывает - бредовые идеи имеют больший успех, чем разумные. Из них - временами, вырастает нечто, что потом движет вперёд всю цивилизацию, после чего люди только руками разводят - мол, как же это мы раньше не видели, столь очевидных вещей?

Но есть и другие мнения по этому вопросу.

А не подделка ли это?

Научные круги сразу заинтересовались находкой. Такое открытие позволило бы заглянуть далеко за известные горизонты славянской истории. Ученые уже предвкушали сенсацию. Но наука, она основывается на фактах. Первое, что было сделано - это экспертиза опубликованной фотографии дощечки №16.

(Текст из Википедии)

«Летом 1959 года до сведения всех заинтересованных сторон были доведены результаты экспертизы фотографии этой дощечки, проведённой кандидатом филологических наук, сотрудницей Института русского языка АН СССР Лидией Петровной Жуковской, специалистом по исторической палеографии и фонетике ранне древнерусских рукописей. По утверждению Л. П. Жуковской, редакция советского журнала «Вопросы языкознания» сама направила ей фотографию дощечки. Заключение было опубликовано в 1960 году в этом журнале.

Выводы экспертизы были убийственны: фотография на самом деле сделана не с дощечки, а с прориси на бумаге. Содержание «Велесовой книги» и её язык свидетельствуют о подделке.

Что же не так было с языком, ведь дощечки датировались IX веком. С тех веков не сохранилось ни единого письменного раритета. То есть сравнить-то не с чем.

Оказывается, существует история языка, его корни и его структура.

И вот в дело вступают эксперты филологи. Они говорят, что весьма необычен для предполагаемого региона и времени материал письма - тонкие выпиленные дощечки (по другим данным, края их были отрезаны ножом), а не береста или церы на деревянной подложке, где текст располагался не на дереве, а на воске. В отличие от большинства известных древних рукописей на дереве, дощечки были тонкими (0,5 см), размером 20 на 30 см и разлинованы с двух сторон; эти параметры, по мнению некоторых критиков, способствовали бы хрупкости и раскалыванию материала ещё в древности.

«Велесова книга» написана особым

алфавитом, представляющим собой вариант кириллицы с некоторыми не свойственными ни кириллице, ни греческому алфавиту начертаниями отдельных букв. Этот алфавит, известный только по «фотографии» одной дощечки и описаниям Ю. П. Миролюбова, сторонники подлинности текста называют «в(е)лесовицей». Для каждой строки была проведена горизонтальная линия (как в индийском письме деванагари), под которой шли «прикреплённые» буквы. Само существование докирилловского письма - «протокириллицы», а также «протоглаголицы» - обсуждалось в науке, но убедительных фактов о наличии такой письменности обнаружено не было.

Язык «Велесовой книги»

Лингвистический анализ был проведён по тексту «фотографии» дощечки №16 Л. П. Жуковской, О. В. Твороговым и А. А. Алексеевым по материалу всего памятника, о языке Велесовой книги также отдельно высказывался А. А. Зализняк. Их выводы вкратце таковы. «Велесова книга» пользуется несомненно славянской лексикой и территориально приурочена в основном к восточнославянской территории; однако её фонетика, морфология и синтаксис (хаотичные и лишённые правил) решительно не соотносятся с тем, что известно сравнительно-историческому языкознанию о древнейшем состоянии славянских (и восточнославянских в частности) языков и наречий в такую эпоху, как IX век, незадолго до первых письменных славянских памятников. Более того, степень грамматической бессистемности и произвольности в тексте такова, что аналогов этому нет ни в одном когда-либо известном языке мира. Из этого делается вывод о том, что язык «Велесовой книги» не может быть каким-либо естественным языком какой бы то ни было эпохи вообще; это результат искусственной деятельности фальсификатора, не имевшего представления об истории славянских языков.

«Велесова книга» выдаётся за текст, написанный в IX веке, незадолго до того, как у славян появились глаголица и кириллица. В то время в позднеславянском имелись носовые гласные, в глаголице и кириллице обозначенные впоследствии как юс большой и юс малый, особые гласные звуки, обозначавшиеся затем буквами Ъ, Ь (редуцированные) и ?; после мягких согласных могли следовать только определённые гласные звуки, а после твёрдых, наоборот, другие. Были и иные особенности фонетики и морфологии, позднее исчезнувшие или изменившиеся по разным языкам. Однако в «Велесовой книге» сотни примеров очень поздних форм. Во многих словах отражено падение редуцированных, в IX веке ещё не произошедшее, или фонетические изменения, ставшие возможными только после этого процесса. Отверждение шипящих и Ц, отразившееся в «Велесовой книге», - процесс ещё более поздний в славянских языках. Формы вроде пшебенде «пробудет» ориентированы на современный польский язык, но произношение *prz-* с шипящим начинается не ранее XIV века и ранее не отмечено и в других славянских языках. В тексте представлены имена индоиранских божеств в их современной форме (в славянских языках Индра, например, выглядел бы как Ядрь, Сурья - как Сьль и тому подобное). Используются совре-

менные (но отсутствовавшие в древности) синтаксические явления (например, родительный падеж принадлежности), лексика, нарушаются древние грамматические правила (см. также ниже).

Теоретически можно было бы предположить, что в неизвестном языке (диалекте) «Велесовой книги» какие-то фонетические и грамматические изменения произошли гораздо быстрее, чем в известных нам древних славянских языках. Однако тогда пришлось бы допустить, что эти изменения вдобавок произошли в одном языке несколькими разными, взаимоисключающими способами. Орфография «дощечек» показывает, что их автор не умел обозначать носовые гласные: он в ряде слов воспроизводил их в соответствии с тем, как это гораздо позже делалось в польском языке. В то же время на «дощечках» есть места, показывающие изменения, которые позднее произойдут в сербском, хотя эти процессы взаимоисключают друг друга. Так, слово «князь» написано не менее чем 10 различными способами, отражающими развитие по польскому, по сербскому и тому подобному типу. Сочетание *-*ge-* записано то по русскому образцу (*re*), то по польскому (*же*), то по чешскому (*рже*). Принципиально важно то, что ряд форм, ориентированных на воспроизведение характерных особенностей того или иного современного славянского языка, построен ошибочно, в результате чего появляются формы, никогда не существовавшие ни в этом, ни в каком другом языке. Так, в ряде случаев, наоборот, носовые выступают там, где этимологически их не было вообще (например, ренбы «рыбы», дощечки «до степи», о венце «о веке», згенбель «гибель»); это так называемые «ложные полонизмы». Формы «Велесовой книги» вроде щас «час», щистый «чистый» образованы по аналогии с парами свеча~свеща, горячий~горящий, ночь~нощ, отражающими различие между древнерусским и старославянским рефлексам; но в действительности в начале слова такого соответствия не было, и во всех славянских языках здесь было представлено (как и сейчас) такое же ч-, как и в русском - перед нами «ложные церковнославянизмы».

В «Велесовой книге» отражено смешение ряда букв (Ь, Е, ?), внешне напоминающее орфографию берестяных и пергаменных грамот, однако, в отличие от них, диапазон смешений гораздо шире и не имеет аналогов ни в каких рукописях (например, Е заменяет практически любую гласную). Часто отдельные буквы произвольно выбрасываются из реальных слов или вставляются в них.

В древних индоевропейских (в том числе и славянских) языках глагольная морфология чрезвычайно развита и располагает большим количеством различных категорий со строгим и однозначным порядком морфем в словоформе, в синтаксисе представлены чёткие правила согласования. В то же время глагольные словоформы Велесовой книги представляют собой, как правило, сочетание корня (обычно искажённого) и произвольно подобранных морфем разных категорий в фантастическом порядке (в частности, широко представлена этимологически невероятная форма на -щехом, сочетающая суффикс причастия и окончание аориста). С контекстом и друг

с другом грамматические значения этих показателей не согласуются (возможно сочетание окончаний 2 и 3 лица, показателей прошедшего времени в контексте настоящего). Приведена глагольная форма бя вместо существовавшей б?, есе вместо еси (или иных форм глагола быти, ожидавшихся по контексту). Кроме того, имеется ряд аналогичных нелепостей (также не образующих какой-либо системы) в склонении существительных (после одного и того же предлога в одинаковом контексте могут встретиться формы с любыми окончаниями; окончание -е выступает в позиции практически всех падежей и чисел), в согласовании именных частей речи (например, при слове женского рода употреблено числительное в мужском роде), в образовании причастий и тому подобное. В реальных языках мира наличие большого количества разнообразных окончаний при полной невозможности приписать им какие-либо систематические значения и правила сочетаемости непредставимо. Представлены также слова вовсе без окончаний (например, о руськ меча), широко используется несклоняемое слово сва «свой», по-видимому, взятое из словарной формы санскрита *sva-* (где это слово в реальности склоняется). Подобная ситуация с грамматикой является причиной того, что адекватный перевод текста «Велесовой книги», как отмечали Творогов, Алексеев и Зализняк, практически невозможен. Переводчики, опираясь на корни слов, домысливают общее построение фраз по контексту.

Словообразование текста также противоречит известным историко-этимологическим данным: например, такие сложные слова, как само слово Влескниго и наименование Греции Грецколань не могли быть образованы в древних славянских языках (Грецколань создано автором по образцу слова Русколань, в свою очередь образованного от имени античных роксоланов, название которых имеет прозрачную иранскую этимологию).

Ситуация с языком «Велесовой книги» приводит лингвистов к выводу о том, что она не может быть текстом на естественном языке, даже искажённом переписчиками. Создатель «Велесовой книги», не обладая какой-либо квалификацией в филологии, целенаправленно ставил задачу искусственного видоизменения современных русских или украинских слов с целью создания эффекта труднопонятной древности. Он стремился к тому, чтобы каждое слово писалось несколькими разными способами и не совпадало с современной русской формой, произвольно добавляя и удаляя окончания, выбрасывая и заменяя гласные, а также производя фонетические замены по образцу польских, чешских, сербских и тому подобных, в значительной части случаев с ошибками.

То есть автор создавал сенсацию на пустом месте.

Вот такие два мнения по поводу «Велесовой книги». Споры ведутся уже не первое десятилетие. Каждая сторона приводит свои аргументы, только правду знали несколько человек, тот, кто процарапывал буквы на дощечках, Изинбек и Миролюбов. Но ни у одного из них уже не спросишь: что истинно?

И нельзя возводить в догму то, что не имеет истинного подтверждения.

О исторической правде в истории

Кузнецк исторический

В 2003 году - Управлением культуры администрации города Новокузнецка, Историко-Архитектурным музеем «Кузнецкая Крепость» и издательством «Кузнецкая Крепость» - выпущен очередной, пятый, выпуск Историко-документального издания «КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА», под общей редакцией новокузнецкого историка кандидата исторических наук Ширина Юрия Викторовича.

В выпуске опубликовано 18 различных исторических документов и разработок разных авторов, в том числе интересующая нас в данный момент научная работа написанная в августе-сентябре 1734 года профессором из Санкт-Петербурга Иоганом Георгом Гмелиным (немцем по происхождению) одним из руководителей и участников Второй научной Камчатской экспедиции исследовавшей Сибирь в 1734-1744 года (в том числе и Кузнецкий край, вместе с Миллером Г.Ф.).

В самом начале работы «Поездка по Рудному Алтаю в августе - сентябре 1734 года» - Гмелина И.Г., опубликованной в Пятом выпуске «Кузнецкой старины» (стр. 86 - 88), говорится: «11 августа 1734 года в 9 часов утра мы благополучно прибыли в Усть-Каменогорскую крепость (прослав 6156 вёрст от С.-Петербурга). В двух верстах от крепости мы перебрали красивую речку Ульбу, берега которой были усеяны крупной галькой и булыжником.

Мы не особенно были утомлены поездкой и на следующий день после своего прибытия в Усть-Каменогорск решили съездить в Аблай-Кит, который с недавнего времени приобрёл всемирную известность. Решение было быстрое, и особой подготовки к этой поездке не требовалось, но всё же надо было как следует поразмыслить, прежде чем предпринять это путешествие. Нам сказали, что на него потребуются, по меньшей мере, пять дней. В таком случае нам сразу же по возвращении в Усть-Каменогорскую крепость пришлось бы уезжать отсюда, чтобы не упустить времени для осмотра медеплавильного завода Демидова и не запоздать с поездкой в Томск. Но в Усть-Каменогорске имелось многое такое, что заслуживало исследования. Однако побывать в Аблай-Ките надо было обязательно; нужно было описать это местечко и прихватить с собой находящиеся там редкости, чтобы они не оказались рассеянными по белу свету, и не были бы, таким образом, потеряны для исторической науки. Но никто из своей партии нам посылать туда не хотелось из боязни нападения казахских орд. И мы решили направить туда нашего унтер-офицера с двумя солдатами в сопровождении охраны из 30 человек и писаря местной канцелярии, которому поручили описать и измерить, по возможности, все достопримечательности; а унтер-офицеру и его команде поручалось забрать отсюда всё, что можно было взять.

Выехали они 12-го августа на закате солнца, а 15-го в 8 часов утра прибыли обратно. Они проехали, по их словам, вёрст 75 степью, западнее Иртыша; ехали, большей частью, вдоль речки Аблай-Кит то в южном, то в восточном направлениях. Аблай-Кит или Аблайн-Кит, как его называют калмыки, находится в версте от речки Аблай-Кит, к северу от неё. Местечко это состояло из четырёх домов и руин здания, внутри которого можно было ещё видеть остаток очага; помещение это своим видом напоминало кухню.

Все эти строения были обнесены стеной в 5,5 аршина высоты и 4,5 аршина толщины, сложенной из бутового камня, которая составляла продолговатый четырёхугольник с воротами на полуденной и восточной сторонах. Впрочем это не сплошная стена, с одной стороны она прерывается скалой, которая сама служит вместо стены.

Южные ворота стены ведут прямо к двум строениям, стоящим на весьма высоком фундаменте. Первое строение не имело ничего, кроме одного большого зала с двумя печами по уг-

лам, острыми наверху и вздутыми посередине, внизу они имели отверстие, из которого что-то, по-видимому, вытекало, было и другое отверстие для мехов.

Следующее сооружение также представляло один большой зал, у входа в который на большом постаменте стоял огромный бронзовый идол, окружённый шестнадцатью другими, меньшего размера. На стенах этого зала были видны многочисленные, совершенно оригинальные изображения.

У меня не хватило терпения подробно их описывать, но я замечу лишь, что по нелепости они не уступают алхимическим бредням. Видишь, например, человека с 4 головами и 24 руками, рядом изображен другой с 2 головами и 8 руками. Первый одной из своих правых ног наступал на голову некоему человеку, двое других лежат у его ног. Напротив помещается человек с 2 головами и 4 руками; рядом с ним женская особа, которую мужчина обнимает двумя из своих рук и целует одной из своих голов, сплетая также свои ноги с её ногами.

В этом же помещении имелся большой шкаф с множеством полок, где первоначально, когда Аблай-Кит был открыт, лежало много рукописей, рассыпанных по всему помещению.

Третье строение не имеет фундамента и стоит прямо на земле, и, кроме центрального зала, имеет ещё маленькие боковые помещения.

Все эти сооружения построены из обожжённого кирпича и имеют несколько отверстий, но не имеют даже следов огня.

Не желая вдаваться в подробности, я хочу лишь сообщить, что люди доставили нам отсюда множество тангутских и калмыцких рукописей, разнообразных по форме и оформлению, исписанных различными письменами.

Тангутские были большей частью написаны на синей, гладкой бумаге, белыми или золотыми буквами.

Калмыцкие же все написаны на белой бумаге чёрными или красными чернилами.

Кроме того, мы получили ещё и другие небольшие рукописи, на которых отчётливо было видно, что они отпечатаны.

Вместе с тем, нам были принесены четырёхугольные продолговатые деревянные таблички с вырезанными на них монгольскими письменами, обмазанными чёрной типографской краской. Но среди принесённых бумаг не нашлось ни одной с их оттисками.

Было доставлено так же несколько досок с плохо выполненными рисунками, сделанными акварелью, но хорошо сохранившимися; такими дощечками был завален каменный пол в обоих зданиях; изображены на них, по-видимому, святые.

В Усть-Каменогорске нам дали подобное изображение, сделанное на бумаге, но выполненное гораздо лучше, оно также было привезено из Аблай-Кита. Там должно было быть много таких рисунков, но наши люди не нашли ни одного. Замечено, что изображения на этих картинах, подобно святым у разных народов, имеют золотой нимб вокруг головы, и ещё ту особенность, что они вообще изображаются сидящими со скрещёнными ногами.

Заканчивая это описание, я хочу ещё добавить, что, по словам наших людей, там в настоящее время лежит ещё так много писем, что ими можно было нагрузить ещё около 20 подвод. И хотя лучше сохранившиеся уже изъяты, следовало бы сберечь и остальные, так как и плохо сохранившиеся могут быть прочитаны. Мы, следовательно, могли вполне удовлетвориться тем, что получили отсюда, но всё же было очень жаль, что нам самим не удалось побывать там, жаль особенно потому, что мы и отказались-то от этой поездки только из-за неверных сведений о её длительности.

Аблай-Кит есть не что иное, как языческий храм калмыцкого хана Аблая из племени Хошут, жившего в середине прошлого века и отстранённого от своей должности в калмыцком округе приблизительно в 1671 году.

Откуда ты есть, пошёл град Прокопьевск?

С выражением «откуда ты есть, пошёл град Прокопьевск?» - с вопросом, или без него, я повстречался давно, в самом начале своих исследований-испытательских деяний в области ранней истории родного своего города Прокопьевска и села Усаты, а началось это приблизительно лет двадцать тому назад.

- Откуда взялось это выражение? - спрашивал я сотрудников Прокопьевского краеведческого музея и Центральной городской библиотеки.

- Из каких-то старых документов или летописей, - неохотно отвечали они, зарождая в моём сознании интригу, возникшую в связи с неясностью вокруг этого вопроса.

С появлением в моём доме компьютера и Интернета, начал искать разгадку мировой путине. «Такого выражения не найдено», - отвечал компьютер.

- Что за чертовщина? - ломал голову я. - Прокопьевск знает, а компьютер - нет!

И только когда раскопал выражение Нестора-летописца «откуда ты есть, пошла Земля Русская», понял, что наше выражение - «откуда ты есть, пошёл град Прокопьевск» - одного поля ягода с Несторовским выражением.

Всё просто: кто-то из прокопьевских «историков» немного подрихтовал и перелицевал Несторовское выражение, после чего с гордостью, вставил его в историю Прокопьевска.

- Вот, мол, мы какие - читайте и радуйтесь - в старинных летописях о нас упомянуто.

Так, с тех пор, и переключивает полубившееся прокопчанам выражение (как своё) из книги в книгу, из письма в письмо, как бы указывая загадочным выражением на загадочную древность происхождения и зарождения Прокопьевска. Сами же прокопьевские «историки» однозначно и отвечают: «год зарождения города - 1650-й». Имея в виду, зарождение Монастырской деревни (позднее села), обозначенной этой датой в «Книге учёта населённых мест Томской губернии», изданной в 1929 году.

Подводила под 1650 год, якобы и научно-историческая справка со следующими доводами: что в 1648 году (без каких-либо сомнений, поскольку эта дата указана в отчёте Миллера Г.Ф. в 1734 году) образовался Кузнецкий христорождественский монастырь. Работавшие на монастырь крестьяне селились рядом - на правом берегу реки Аба, так в 1650 году (на два года позднее зарождения самого монастыря) и образовалась Монастырская деревня.

Что, в общем-то, и логично. При условии если бы монастырь находился где-то рядом с самой Монастырской деревней, нынешним городом Прокопьевском. Но так как вскоре стало ясно, что монастырь-то находился рядом с городом Кузнецком - более чем в 30-ти верстах от Монастырской деревни. Поэтому стало непонятным слово «рядом».

Опять пошёл в Прокопьевский городской краеведческий музей. Там ответили: «По сибирским меркам - «лапоты» по карте, в любую сторону от заданной точки, считается - рядом! Поэтому и 30 вёрст не расстояние».

Не скажу, что такое пояснение развеяло все мои сомнения, но, как-то успокоило. Тем не менее, жизнь шла дальше, поэтому «лапоты» дальше и глубже.

В результате дальнейших исследований, узнаю из книги «Кемеровская и Новокузнецкая епархия РПЦ», увидевшей свет в 2003 году, что в 1762/1763 годах в Монастырской деревне была построена «Прокопьевская» церковь.

После постройки и ввода в строй Прокопьевской церкви, бывшая деревня Монастырская получил статус села, стала называться двойным названием: и селом Монастырским, и селом Прокопьевским.

И вновь всё бы было нормальным, в отношении 1650-го года, если бы в 1769 году не последовало распоряжение о закрытии Кузнец-

кого монастыря, о чём нам сообщается всё в той же книге «Кемеровская и Новокузнецкая епархия РПЦ»:

«В октябре 1769 года из Тобольска после сношения со святым Синодом последовало распоряжение: «Его преосвященство определил: онный Кузнецкий монастырь за неимением в нём монашествующих и потому, что монахов определить туда некого - упразднить».

Барнаульскому духовному правлению велеть: какое в сём Кузнецком монастыре церковное и всякое иное строение имеется, - какая церковная утварь и ризница - описать и оное с описью, оставив при церкви к отправлению священнослужения нужное, без чего обойтись не можно, отдать на верные руки, кому надлежит, а другое всё церковное и монастырское имущество взять в Томский монастырь и тое Кузнецкого монастыря церковью сделать приходскою, причисля к ней указанное число дворов без обиды для других приходов; и «определить к онной церкви священника и двух причётников от других каких церквей по рассмотрению духовного правления. Что же касается до земли монастырской, из онной, по межной инструкции, оставить к содержанию священной церковно-служителей 30 десятин, а прочую оставшуюся за тем, по силе указов из коллегии экономии отдать в ведомство кузнецкой канцелярии».

Кузнецкий монастырь - закрыли, церковь же его оставили действовавшей, изменили лишь её статус, из - «монастырской», перевели её в разряд «приходских церквей», «нарезали» церковный приход и отправили в жизнь в новом качестве. Отчего, всё, что осталось от Кузнецкого монастыря и выросло действительно - рядом с ним, стало называться селом, которое в разное своё время называлось по-разному: и селом Христорождественским, и селом Монастырским, и селом Подгородним. В конце-концов стало называться Верхнеостровской площадью города Новокузнецка (войдя в состав и черту города).

Вырисовывается интересная новая картина. Зададимся вопросом - когда возникло село Монастырское (Христорождественское)? Ответ однозначный - в 1648/1650-м годах, поскольку это село и есть сам монастырь, в прошлом.

Тогда получается, что и село Монастырское (Христорождественское) и село Монастырское (Прокопьевское) - возникли одновременно, в один и тот же - 1650-й год? С 1650-м годом получается явная неувязка. Поскольку в отношении года образования села Монастырского (Христорождественского) вопросов нет, говорить об этом селе больше не будем.

Попробуем порассуждать о годе возникновения села Монастырского (Прокопьевского) - только по имеющимся у меня действительным и неопровержимым документам и фактам:

- В 1734 году - деревня Монастырская названа в отчёте Миллера Г.Ф. (как принадлежащая Кузнецкому монастырю). При этом, по имеющимся ныне сведениям, однозначно можно сказать, что информация в отчёте Миллера Г.Ф., о конкретных расстояниях между населёнными пунктами, взята из отчётов проведённых специальными командами геодезистов в 1721 году, по соответствующему Указу царя Петра Первого (поскольку учёные никаких замеров не проводили).

Таким образом - факт существования деревни Монастырской, перемещается ещё на 13 лет - в сторону 1650 года, тот есть - в 1721 год. К 1694 году Кузнецкий монастырь стал владеть максимумом своих приобретённых земель (около 70 000 десятин, считай и гектар) - сообщил в 1898 году в своей работе «Старинные монастыри Томского края» - Беликов Д.Н. (священнослужитель, учёный и писатель). В этой же работе он впервые сообщил и о возникновении в 1763 году села Прокопьевского (при этом, ничего не сообщил о построенной там церкви).

Следовательно, к 1694 году - дальнейшие монастырские земли, коими и являлись прокопьевс-

кие земли, стали принадлежать монастырю.

Поэтому, вполне вероятно, что именно в эти годы, на месте будущей деревни Монастырская появились какие-то первые хозяйственные, и иные монастырские постройки.

Далее необходимо сообщить вам, что во владениях Кузнецкого монастыря была ещё одна деревня – Шарап. Не тот Шарап который ныне находится по соседству с посёлком Лучшее, а который находился в низовьях ручья Нижний Шарап (между Бунгуром и Калачёво) вероятно там, где ныне имеется остановка Шарап, когда едешь из Новокузнецка в Прокопьевск (и наоборот) на электричке. Так вот - эта монастырская деревня Шарап и названный ручей, отмечены на карте Ремезова С.У., датированной 1701 годом (прокопьевской Монастырской деревни на карте нет).

Учёные-историки, специалисты по карте Ремезова С.У., утверждают, что этот документ несёт в себе информацию не позднее 1670-1680 годов. То есть – топонимы, нанесённые на карту, могут иметь более раннее своё происхождение, более позднее – нет! Поэтому, с твёрдой уверенностью можем говорить, что монастырская деревня Шарап появилась лет на 25-30 позднее образования самого монастыря, где-то - в 1680-м году. Это и логично, потому как к этому времени монастырь крепко встал на ноги на Кузнецкой земле (приобрёл в своё ведение для рыбной ловли часть реки Томь; построил и запустил в работу на малых речках Чесноковка и Аба – четыре небольших мельницы, которые приносили монастырю приличный доход; работал и пахал приобретённые земли как в районе своей монастырской деревни Шарап, так и районе деревни Араличево).

И всё бы ничего, но не давали спокойно жить и развиваться монастырю и его людям обиженные местные кочевые племена, которые регулярно устраивали набеги на Кузнецк, разоряли и уничтожали близ лежащие к городу деревни. Доставалось хлопот от кочевников и монастырю.

Во втором и третьем выпусках книг «Из Кузнецкой Старинь» увидевших свет в 2011-м и 2012-м годах опубликованы статьи переключаются между собой в излагаемых в них текстах: «Осада Кузнецка 18-25 сентября 1700 года» и «Служилые люди Бутримовы и Буяновские в Кузнецке второй половины XVII – первой четверти XVIII вв.», авторы соответственно – А.Ю. Бобровский и А.О. Кауфман.

«Обратившись к изучению любой темы ранней социальной истории Кузнецка, - сообщает в своей работе А.Ю. Бобровский, - неизбежно приходится сталкиваться с проблемами коллективной адаптации социума к условиям среды, откуда вытекает интерес к военным сюжетам, поскольку первые сто лет военная опасность серьёзно ограничивала возможности развития кузнецкого общества.

В 1673 году Ереняк «разорил» 14 дворов и одну телеутскую юрту в Кузнецком уезде на правом берегу Томи. В том же году телеуты сожгли русские подгородные деревни на противоположном берегу Томи.

В 1675 году Ереняк атакует красноярцев – строителей крепости в устье реки Абакан.

В 1680-м и 1682-м годах русские предприняли ответные военные операции против кочевников; но, обе - безрезультатно.

В 1682 году под стенами Кузнецкого острога появилось около 900 человек конных людей «киргизов и тубинцев» Мурата-тайши, они пытались форсировать реку Томь, но после упорного сопротивления кузнецких служилых людей и их удара, рассыпались и беспорядочно побежали в разные стороны.

18 февраля 1692 года «ожесточённо настроенные» красноярцы перебили всех тубинцев и киргизов, кочующих под Красноярском, чтобы те «какого дурна не училили». Главное сражение превратилось в бойню; русские вырезали не менее 600 кочевников.

В 1697 году на спорной пограничной территории появляется Коптатский острог. После чего набеги кочевников на Томский и Кузнецкий остроги вновь возобновляются.

14 ноября 1697 года Корчин Ереняков жжёт и грабит деревни на Чулыме. Одного крестья-

нина киргизы, «поймав живём, и ногами вверх привязали на дерево и распорили у него грудь, и ругались всячески; да лошадей отогнали 310» - сообщает источник.

Ещё более жестокой смертью погибли 10 служилых людей, у которых «груды вспарываны и глаза им застылань».

8 сентября 1699 года «воровские люди человек со 100 большого Корчинкова улусу» проникли под деревню Сидорову. Кузнецкий воевода выслал «для отпору» 250 служилых людей под командой атамана Ф.Сорокина. «Не дав бою, киргизы побежали в свои жилища».

В середине сентября 1699 года Корчун и его люди выжгли шесть крестьянских дворов, «перекололи копыями» женщин и детей, а также отогнали «немалое число скотины, которую умертвив «метали на дорогу». Служилые люди вступили с ними в бой и «стояли крепко и мужественно, и многих киргизских людей побили и переранили. И узнав своё безсилie с того бою они киргизы побежали наутёк».

В ноябре киргизы «с боем приступают» к Мелескому острогу, терроризируют сборщиков ясака и местных татар».

«Во второй половине сентября 1700 года объединённое войско енисейских киргизов и джунгар, численностью - более тысячи человек, подошло к Кузнецку и осадило его, - сообщает в своей работе А.О. Кауфман. - Осада длилась неделю, за это время кочевники разорили окрестности города, нанося большой урон и русским жителям, и «иногородцам» - абинским татарам и, принявшим русское подданство, «выезжим» телеутам».

«Первыми пострадали от рук кочевников русские деревни на правом берегу Томи и 100 юрт выезжих телеутов на реках Чёрная и Чесноковка. Окрестное население, не успевшее эвакуироваться под защиту крепостных стен, спасается, кто, как может (об этом известно документально), - продолжает информировать в своей работе А.Ю. Бобровский. - Пожарам и разорению подверглись деревни:

- 1 – Устьтская (район современной деревни Славинной);
- 2 – Етиберская (район современной деревни Терёхиной);
- 3 – Сидорова; 4 – Антонова; 5 – Тихонова; 6 – Бызова; 7 – Герасимова;
- 8 – Бедарёва (ранее располагавшаяся на правом берегу реки Томь).

Кочевники по традиции, убивают мирное население, грабят имущество, отгоняют лошадей и «рогатую скотину», уничтожают запасы хлеба в амбарах и урожай на полях. Выезжих телеутов толпами захватывают в плен. Немалое количество лошадей и «всякого скота» потеряли «грабские люди». Кочевники прямо на месте «покололи» свиней. От огня и под копытами лошадей погибает урожай горожан, - отмечает в своём докладе кузнецкий воевода. Мимоходом сообщает он и факт пожара Рождественского монастыря, но сведений о его захвате нет.

Точно измерить ущерб нанесённый кочевниками городу и его окрестным деревням не позволяет лаконичность источников, но ущерб был велик.

Пашенные крестьяне по причине «воинского случая» оказались не в силах заплатить налоги. Их отговорки не производили снисходительного впечатления на кузнецкого воеводу. Всех неплатильщиков и должников он традиционно ставил на «правёж», которых – в течение какого-то времени, ежедневно ставили перед военной канцелярией и в продолжение нескольких часов били батогами (род плетей), в том числе по голым пяткам.

Неизвестно по какой причине, но имущество жителей города (служилых людей и крестьян) проживавших к этому времени на левом берегу Томи, от деяний кочевников не пострадало.

В конце июня – начале июля 1709 года, кузнецкие служилые люди, закончив строительство Бикатунского острога на Алтае, в слиянии рек Бия и Катуня, вернулись в Кузнецк.

А уже 21 августа 1709 года под Кузнецк пришли войной калмыцкие князцы - Бойдой

Сакьялов «с товарищи», а с ними войско в тысячу человек. В итоге были разорены: село Ильинское; деревни – Устьтская, Бунгурская, Шарпская и Калачикова. Кочевники пожгли хлеб на полях, угнали с собой скотину, взяли в плен много жителей этих населённых пунктов.

Кузнецкие служилые люди дали прищельцам бой, в трёх верстах от города. В бою трое из четырёх калмыцких князцов были убиты, а вместе с ними было убито и около 300 рядовых воинов.

Понесли значительные потери в этом бою и кузнецкие служилые, в числе погибших значатся и два брата Бутримовых – Иван и Андрей», - сообщает в своей работе А.О. Кауфман.

Можно было бы сообщить читателям информацию о боевых действиях на Кузнецкой Земле и ещё (в 17-м, 18-м, вплоть до первой половины 19-го века). Но и названного достаточно для того чтобы понять, что время тогда было беспокойное и «мирного расселения переселяющихся на благодатные сибирские просторы», как считают некоторые наши историки - не было. Нужно было с оружием в руках отвоевывать своё место под солнцем или искать какие-то новые, менее опасные места для своего проживания.

По мнению новокузнецкого историка Ширин Ю.В. (и других) - именно летние военные события 1709 года, в районе города Кузнецка и близлежащих к нему названных и не названных деревень, и явились первопричиной для массового переселения жителей из уничтоженных русских населённых пунктов в иные места. В том числе и уход монастырских крестьян из монастырской деревни Шарап в Монастырскую деревню (будущее село Прокопьевское). Этого же мнения придерживаюсь и я, поэтому и веду свои рассуждения далее.

Итак, в 1734 году Миллер Г.Ф. в своём отчёте (процитировав более ранний документ 1721 года) указывает Монастырскую деревню (будущее село Прокопьевское), сообщив, что деревня принадлежит Кузнецкому монастырю, при этом он ничего не сообщает про монастырскую деревню Шарап; которая, вероятно всего, уже не существовала по оговоренной выше причине.

В 1898 году Беликов Д.Н., в своей работе «Старинные монастыри Томского края», в разделе о Кузнецком Христорождественском монастыре сообщает: «При второй ревизии в 1744 году крестьян, числившихся за Кузнецким монастырём, было переписано 75 ревизских душ, а в 1763 году за тем же монастырём состояло мужских 106 и женских 105 душ. Все они проживали в 33 верстах от города Кузнецка в одной деревне, известной под именем Монастырской, которая состояла в приходе села Прокопьевского».

Таким образом, как бы отвечая на вопрос, поставленный в заглавии этого раздела общей статьи «Откуда ты есть, пошёл град Прокопьевск?» с большой долей вероятности, сообщая:

Зародился в последнем десятилетии 17-го века (ориентировочно в 1694 году). Окончательно заселился в 1709 году. Название – село «Прокопьевское» получил в 1762/1763 годах, после строительства в бывшей деревне Монастырской Прокопьевской церкви, о чём немного ниже порассуждаем ещё.

Пока же, в качестве отступления, но в общем контексте статьи хочется сообщить Вам мой дорогой читатель ещё одну интересную деталь из нашей обыденной жизни. Как-то поделился выше обозначенными своими мыслями и переживаниями с одним своим знакомым – художником-оформителем, по образованию, который в своей работе занимается и художественным оформлением городских Краеведческих музеев в нашей области. Выслушав меня внимательно, он лишь улыбнулся с хмылкой. После чего пояснил свою иронию:

- Представь себе, - сказал он, - приезжаю в Питер, прихожу в Военно-Морской музей, а там - Ботик Петра Первого стоит, пушки, вооружение всякое. Всё - для меня больше ничего не нужно - вот она вся наша история.

А у нас-то этого нет, вот нам и приходится подрисовывать, придумывать красивые истории, так сказать, театрализовать всё, чтобы

развивать интерес у наших граждан и привлекать их к себе.

Самое главное в том, что он прав – всё именно так у нас и делается. За примером далеко ходить не нужно.

Как-то, опять же занимаясь поиском истин о ранней истории Прокопьевска, в прокопьевской городской Центральной библиотеке случайно наткнулся на материал, касающийся популярной в нашей стране песни прошлых лет «Огромное небо». Почитал, найденное, и к своему удивлению узнал из прочитанного, что сюжетом для песни стал подвиг совершённый нашим земляком Николаем Осиповым. Отчего у меня, в буквальном смысле слова – нижняя челюсть отвисла.

Позднее узнал, что на эту тему в городе ведётся интенсивная работа: дети в школах пишут сочинения, написаны рефераты и разработаны соответствующие методические разработки и так далее.

- Да вы что – братцы?! Это же чужая история, широко известная в стране, к тому же в песне говорится – «Огромное небо – одно на двоих», а Осипов погиб – один! – потихоньку сообщил я ответственному работнику библиотеки, занимающемуся и краеведением.

- Хорошо! Мы будем иметь в виду ваше мнение, - сообщила мне она.

Будут иметь в виду моё мнение, а оставаться при своём - понял я.

А поскольку, если уж взялся за какое-то дело, то не могу бросить его – решил довести всё до конца: Нашёл в Интернете информацию о песне «Огромное небо» с воспоминаниями о зарождении сюжета автора слов - поэта Роберта Рождественского (с сообщением конкретных лиц – капитана Капустина и старшего лейтенанта Янова, по подвигу которых им и были написаны строки стихотворения ставшего основой песни); нашёл воспоминания и первой исполнительницы этой песни - Эдиты Пьеха. После чего - сведу найденный материал в единую статью, опубликую её в «Устьтской россыпи».

- Ну, что теперь скажите? – спросил всё ту же свою знакомую, из библиотеки.

- Жаль, красивая история была, сорвалась словно золотая рыбка с крючка, - искренне посетовав, почти дословно сообщила мне она.

Вот так-то: жаль, что потеряли «красивую историю». И ни одной мысли восторга о том, хорошо, что наконец-то разобрались в этом не пристойном деле.

Все мы знаем и признаём, что: неприлично, незачинно, аморально, безнравственно брать чужое и присваивать взятое (украденное) себе. А вот если ворую и присваиваю себе чужие истории, легенды и отдельные красивые слова, понравившиеся нам; или, наоборот, без зазрения совести, вставляем куда заблагодарасудится то чего нам бы хотелось (как упомянутый выше летописец Сильвестр) - ничего дурного в этом не видим.

Отчего такое случается - не знаю. Видимо таковы у нас в Прокопьевске общественные нравы, менталитет и мировоззрение.

Безусловно, много в Прокопьевске хороших и честных людей. Их большинство, поэтому, заранее извиняюсь перед теми, кого незаслуженно обидел своими словами сказанными выше. Но - иных слов, которыми «помягче» можно было бы охарактеризовать - обговариваемое, не знаю.

28 августа прошлого года в Прокопьевске в торжественной обстановке был открыт памятник святому Прокопию Устюжскому.

На открытие памятника, естественно, я приглашён не был, но кое-кто из моих знакомых, коллег – прокопьевских литераторов был удостоен такой чести.

С их слов: зрелище было впечатляющее. Верю слову сообщившего мне эту весть: уж чего-чего, а устроить грандиозное зрелище, мы умеем!

Когда ажиотаж вокруг открытия памятника поутих, поехал и я посмотреть на него.

Что можно сказать: впечатляет, советуя посмотреть всем, кто хоть мало-мальски интересуется историей Прокопьевска и не только.

Памятник установлен на месте стоявшего

когда-то монумента изображавшего шахтовый копёр с надписью город Прокопьевск, в угловом сквере отводной дороги в аэропорт города Новокузнецк и автодороги Новокузнецк – Прокопьевск (со стороны Прокопьевска).

Сам сквер благоустроили, выложили плиткой, придорожную территорию засадили саженцами деревьев хвойных пород, с двух сторон сделали асфальтированные автомобильные стояночные площадки, обновили надпись города.

И сам святой Прокопий величественно встречает всех, кто направляется в наш город.

И всё бы ничего, если бы не болезненное пристрастие наших прокопьевских чиновников к чиновничеству и словоблудию. На мемориальных плитах сделаны надписи, поясняющие посетителям комплекса историю и трудовые заслуги города (всё перечислять не буду, только то, о чём веду речь):

1650 год – возникновение деревни Монастырская (ну это ладно, об этом выше говорилось и это, видимо, уже не отделяемое от истории Прокопьевска – на генном уровне).

1753 год – издан Указ императрицы Елизаветы Петровны о возведении в Монастырской деревне деревянной церкви во имя Святого праведного Прокопия.

1763 год – построена деревянная церковь во имя Святого праведного Прокопия.

Здесь стоит сделать остановку и поразмышлять – во втором и третьем пунктах, хватили, как говорится – «на полную катушку»: «по-нашенскому», «по-прокопьевски». Поскольку если нам что и предписывалось, так только по Царскому указам.

«Начнём всё по порядку. Непонятно конечно почему так долго строили деревянную церковь по Царскому указу? Ну да ладно – суть не в этом.

Суть в том, что первые церкви в Сибири (каковой являлась и наша Прокопьевская церковь) строились исключительно по волеизъявлению прихожан, жителей деревни, в которой принималось решение на строительство церкви. Это не моё мнение, так говорится в выше называвшейся уже книге «Кемеровская и Новокузнецкая епархия РПЦ» – на странице 49, вот дословные её слова: «Обычно инициатива строительства новой церкви, возобновления сгоревшей или обветшавшей исходила от самой приходской общины. При решении прихожан о строительстве церкви в городе или селе, в 17-м – начале 18-го веков, направлялись выборные от общины с прошением о построении церкви прямо в Тобольск. А со второй половины 18-го века установилась практика подачи прошения через духовное правление». О чём говорит и доношение (прошение) поданное 14 ноября 1762 года на освящение построенных уже Прокопьевской (в селе Монастырском) и Николаевской (в Мунгатском остроге) церквей:

«Великому Господину преосвященнейшему Павлу Митрополиту Тобольскому и Сибирскому от Кузнецкого духовного правления.

Покорнейшее доношение. Сего 1762 года ноября 14 дня поданным в здешнее духовное правление Монастырского села Прокопьевской, Мунгатской слободы Николаевской церкви общинников Василия Фалина, Матвея Гвятиковкина. С прихожан лучшими людьми доношениями объявили, что де как Прокопьевская, так и Николаевская церкви строением совершенно приведены и утварью довольствованы. Того ради вашему преосвященству сим покорнейшим доношением представляется, не повелено ли будет вышеобъявленные Прокопьевскую и Николаевскую церкви по чиноположению церковному с присланными соды освящёнными антиминсами освятить и наше доношение учинить милостивое определение.

Вашего преосвященства всеняжайший раб и послушник города Кузнецка Соборной Преображенской церкви священник Яков Лепёхин».

Так что, по моему убеждению – выбитое на камне упоминание о каком-то там, мнимом Царском Указе, есть не что иное, как самая обыкновенная туфта, родившаяся в головах у кого-то из прокопьевских «историков и краеведов».

Не могу обойти стороной и усечение имени

самого Святого, сказано: «Святой праведный Прокопий». Правильно же – «Святой праведный Прокопий Христа ради юродивый, Устюжский». Во-первых, потому, что есть ещё один «Святой праведный Прокопий Устьянский (Устьянский)». Так что имя святого должно быть полным, чтобы не вводить в заблуждение прокопчан и гостей нашего города.

Справка из Википедии:

Святой Блаженный Прокопий Устюжский чудотворец Христа ради юродивый, родом из Любека.

Юродство (от ст.-слав. оуродъ, юродъ – «дурак, безумный») – намеренное старание казаться глупым, безумным. В православии юродивые – слой странствующих монахов и религиозных подвижников. Целями мнимого безумия (юродства Христа ради) объявляются обличение внешних мирских ценностей, сокрытие собственных добродетелей и навлечение на себя поношений и оскорблений.

Во-вторых, отсекая вторую часть названия нашего святого, мы не сообщаем читателям важную составляющую его «автобиографии» – то, что святой наш – юродивый. Толковые словари Русского языка, разъясняют: «праведный – благочестивый, безгрешный, соответствующий религиозным правилам; юродивый – чудачковатый, обладающий даром прорицания (церковное)».

Так что, получается, что одну часть «титула» нашего «Святого праведного Прокопия» мы принимаем, а о второй его части – говорить, всем тем, кто остановится возле нашего памятника, не желаем!

Зачем портить «красивую историю»?

То, что по нашему мнению, должен знать случайно подехавший человек к нашему обелиску – на камне выбито, а большего знать проезжему и не нужно! Так получается?

Поэтому есть необходимость поговорить ещё немного – чего ради, и с какого времени мы так возлюбили нашего Святого Прокопия Устюжского?

В книге «Прокопьевск», автором которой является кемеровчанин Н.П. Шуранов (доктор военно-исторических наук), выпущенной Кемеровским книжным издательством в 1964 году, в самом начале в качестве исторической справки сказано:

«В 16 – 17 веках в Западную Сибирь стали проникать русские – купцы, беглые крестьяне, представители церкви. В 1648 году церковники основали неподалеку от Кузнецка Рождественский монастырь. Работающие на него крестьяне и поселились рядом, на правом берегу речки Абы. Возникшая деревня стала называться Монастырской. Постепенно деревня разрасталась и позднее была переименована в село Прокопьевское».

Эта книга и это выражение, из этой книги, на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до 1990-х годов, являлись в Прокопьевске классическими поскольку другого носителя информации не было. Выражение перепечатывали из одной книги в другую почти без изменений и без указания автора выражения.

Я свои познания ранней истории Прокопьевска тоже начинал с этой книги и с этого выражения. В 1992 году – впервые, этим вопросом – сопоставив название города с именем какого-то Святого Прокопия, задался прокопьевский краевед Михаил Шабалин в своей статье «Имя города святое», опубликованной в городской газете «Шахтёрская правда».

«Церковь деревни Монастырской освящена именем великомученика за веру Христову Святого Прокопия. Отсюда имена и села, и церковного прихода, и волости».

Конечно, горожан интересует, кто такой Святой Прокопий, которого местные жители чтит три с лишним века подряд. 21 июля – День Великомученика Прокопия.

«Святой великомученик Прокопий, до крещения Неаний, родом из Иерусалима, жил и пострадал при императоре Диоклитиане», – сообщалось в статье, и как считал Михаил Шабалин.

Хотя, сегодня, мне известны имена четырёх святых Прокопиев:

1 – Святой великомученик Прокопий (годы жизни прил. 284 – 305 г.г.);

2 – Святой праведный Прокопий Христа ради юродивый, Устюжский (умер в 1303 г.);

3 – Святой блаженный Прокопий Христа ради юродивый, Вятский (умер в 1628 г.);

4 – Святой праведный Прокопий Устьянский (Устьянский), мощи которого явились в Вологодской губернии, на берегу реки Усьи, приблизительно в 1600 году, в гробу из ивовых веток.

29 января 1998 года в «Шахтёрской правде» опубликована статья «От святого Прокопия село Прокопьевское», автором статьи является сельский учитель Прокопьевского района – историк и краевед Владимир Шабалин (однофамилец Михаила Шабалина).

«Село Прокопьевское основано русскими служилыми людьми и казаками в 1650 году и потому является одним из старейших русских поселений Кузбасса. Название, видимо, связано с христианским религиозным праздником Днём Святого Прокопия, который отмечается 21 июля. Скорее всего, именно в этот день был заложен первый дом будущего города Прокопьевска».

273 года населённый пункт имел статус сельского поселения, то есть числился заимкой, деревней, наконец, с появлением церкви – селом. Некоторое время вольные хлебопашцы и охотники села Прокопьевского были приписаны к

статье «Великая святая», автором которой является журналист Светлана Деникина:

«Бывший епископ Прокопьевский Амвросий, а ныне Владыка Амвросий Бронницкий, викарий Московской епархии передал в дар собору Рождества Иоанна Предтечи икону святого праведного Прокопия Устюжского с частицей камня, на котором во время своего жития в городе Великий Устюг молился святой Прокопий. Интересно и то, что икона написана не обычным иконописцем, а самим владыкой Максимилианом, Архиепископом Вологодским и Великоустюжским в знак особого почитания великого святого».

Именем праведника Прокопия Устюжского назван наш город, его именем когда-то была названа церковь, находящаяся во въезде в город со стороны Кузнецка. Она была разрушена большевиками, а священнослужитель увезён на подводе в неизвестность. А ныне нам предстоит возродить не только бывший храм, но и наши души, осквернённые грехом. И поможет нам в этом святая, привезённая в город накануне празднования Дня города и памяти святого праведника Прокопия – 21 июля.

Святая нашего города – икона Прокопия Устюжского – была вынесена для поклонения в день празднования святых первоверховных Петра и Павла и будет находиться в главном соборе города Прокопьевска – соборе Рождества Иоанна Предтечи».

В книге «Православные храмы Кузбасса» изданной в городе Кемерово в 1996 году, в раз-

Рождественскому монастырю города Кузнецка. В тот период село называлось Монастырским. Однако, вольнолюбивые прокопчане не приняли этого имени, и старое коренное название было им возвращено».

11 августа 2000 года в «Шахтёрской правде» опубликован фотоснимок фотокорреспондента газеты Николая Бабарицкого (с запечатлённым на нём моментом открытия и освящения прокопьевской церкви Великомученика Пантелеимона, в виде рекламы – с указанием расчётных счетов по которым можно отправлять денежные пожертвования на строительство названного храма), с припиской:

«К 350-летию села Монастырского».

У самых истоков».

9 августа в престольный праздник Великомученика и Целителя Пантелеимона во вновь построенной церкви, носящей имя святого, на улице Прокопьевская состоялась Божественная литургия и Крестный ход с иконой, свечами и песнопениями. С этого священного места – бывшего села Монастырского, где стоял храм во имя Святого Прокопия Христа ради юродивого Устюжского Чудотворца, – 350 лет назад начинался наш город.

А поскольку церковь святого Прокопия уже была открыта в посёлке Красный Углекоп, то на этом месте с благословения владыки Софрония была основана церковь Великомученика Пантелеимона».

17 июля 2008 года в «Прокопьевской газете» опубликована небольшая информационная

деле «Несохранившиеся храмы», в пункте № 30, сказано:

«Село Монастырское (город Прокопьевск) – церковь деревянная, на каменном фундаменте, крытая железом, однопрестольная во имя праведного Прокопия Устюжского чудотворца. Построена в 1872 году. Земли при ней нет».

Состав прихода на 1914 год: с. Монастырское; деревни: Лучшева, Зенкова, Смышляева; улус Керлегешский. Благочиние 14».

В, не единожды называвшейся уже выше, книге «Кемеровская и Новокузнецкая епархия РПЦ» – на странице 204, в пункте 4, сказано:

«г. Прокопьевск (центр города). Церковь деревянная вмч. и целителя Пантелеимона. Пантелеимоновская церковь была заложена в 1996 году на месте разрушенного в 1937 году деревянного храма св. вмч. Прокопия Устюжского (называя святого Прокопия – «св. вмч.» – святой великомученик, здесь допущена ошибка, поскольку наш святой не являлся «великомучеником»), Христа ради юродивого, построенного в 1871 – 1872 годах».

Первый деревянный Прокопьевский храм в селе Монастырском (ныне город Прокопьевск) был построен в 1763 году на землях Кузнецкого Христорождественского монастыря. Храм был закрыт в 30-е годы».

Несмотря на то, что в процитированной информации из книги «Кемеровская и Новокузнецкая епархия РПЦ» наконец-то было сказано, что церковью в селе Монастырском (Проко-

плевском) было две. Всё же, в общей информации, не совсем понятно - сколько же церквей было в селе: две отдельных друг от друга церкви, или вторая являлась продолжением первой (скажем, вторая - перестроенная первая)? Поэтому обратимся к официальному государственному документу «ТОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ» Список населённых мест по сведениям 1859 года», изданный Центральным Статистическим Комитетом Министерства внутренних дел, Санкт-Петербург 1868 год.

Страница 98. Томская губ. - V. Округ кузнецкий. - участок - 1. По тракту от г. Кузнецка в г. Томск отходящему от Барнаульского тракта при д. Бунгурской: № п/п1987; название населённого пункта - Монастырская (деревня); расстояние до окружного города - 31 верста; число дворов в населённом пункте - 29; число жителей в населённом пункте - мужского пола/женского пола - 90/84; наличие в населённом пункте церкви или часовни - нет.

№ п/п1988; название населённого пункта Прокопьевское (село); расстояние до окружного города - 32 версты; число дворов в населённом пункте 21; число жителей в населённом пункте - мужского пола/женского пола - 68/72; наличие в населённом пункте церкви или часовни - церковь правосл.

Таким образом, видим, что на 1859 год село Прокопьевское и деревня Монастырская являлись - двумя разными между собой населёнными пунктами. Хотя по данным Миллера Г.Ф. - в 1734 году Монастырская деревня являлась единым населённым пунктом. Не ясно почему так получилось, возможно, что переселившиеся после 1709 года монастырские крестьяне из монастырской деревни Шарап жили как-то обособленно от первопоселенцев Монастырской деревни (скажем, своим хутором) и объединяться, со вновь образованным селом Прокопьевским, не пожелали.

Кроме этого, расстояние от села Прокопьевского до города Кузнецка - 32 версты, от деревни Монастырской - 31 верста.

Следовательно, деревня Монастырская находится ближе к городу Кузнецку - на одну версту, чем село Прокопьевское (что не изменилось и по настоящее время). Из чего делаем вывод, что село Прокопьевское находилось где-то в районе нынешнего Тулика, где находилась и первая Прокопьевская церковь, построенная в 1762/1763 годах; деревня же Монастырская находилась в районе нынешних городских улиц Прокопьевская и Кайгородова.

В 1859 - 1868 годах никакой церкви в Монастырской деревне ещё не было.

Поскольку церковь во имя Святого праведного Прокопия Христа ради юродивого Устюжского там будет построена только лишь через четыре года, в - 1872 году. Следовательно - тогда же, в 1872 году, в объединённом селе Прокопьевском (или Монастырском) церковью станет две. Две - независимых друг от друга: Прокопьевской церкви и церкви во имя Святого праведного Прокопия Христа ради юродивого Устюжского.

При этом, село, с названием Прокопьевское, до момента постройки новой церкви существовало уже, более 100 лет!

Тогда какое отношение имеет Святой праведный Прокопий Христа ради юродивый, Устюжский - к названию города Прокопьевска? Никакого!

Хотя - вторая, по счёту, прокопьевская церковь, построенная во имя этого Святого, конечно не маловажный в истории города факт. Но, всё же - всё было не так, как это преподносят сегодня заинтересованные лица, в том числе и на вновь сооружённом памятнике.

А, почему - заинтересованные? - ещё немного Вашего терпения:

3 июня 2011 года, в городском Краеведческом музее Прокопьевска, проводилось очередное краеведческое чтение. На которое по чистой случайности пригласили и меня, поскольку к тому времени мной были написаны и опубликованы в «Устьтской россыпи» две статьи на прокопьевскую тему - «Откуда ты росла, земля моя?» (выпуск № 6, ноябрь 2009 года) и «Чьё имя носить, Прокопьевск?» (выпуск № 7, май 2010 года).

Краеведческие чтения были организованы, якобы как презентация очередной вышедшей книги прокопьевских авторов о ранней истории Прокопьевска, то есть на тему, которой уже не один год занимался и я.

В процессе краеведческих чтений и презентации выяснилось, что объявленная книга пока ещё не выпущена, есть только намерения выпустить её и набранный на компьютере материал из её будущего содержания.

Будущую книгу представляла Рахманова Александра Петровна, с которой я не был знакомым ни до презентации, ни после. В соавторстве с ней, как я понял, было ещё несколько человек, так же мне не знакомых.

Собственно говоря - суть презентации, свелась к устному пересказу ведущей содержания будущей книги и показом, ею же, на экране, всем присутствовавшим значительного числа слайдов (или фотографий), как иллюстраций будущей книги.

В том числе, среди представленных иллюстраций, была продемонстрирована и карта Ремезова С.У. В связи с чем, я спросил ведущую: «Где, на карте Ремезова Прокопьевск?»

- Тут, вообще, ничего непонятно, - ответила она и повела своё повествование дальше.

В итоге, прослушав всё сказанное и просмотрев показанное, я резюмировал своё мнение такими словами: сказано и показано много чего, но относится ли всё это к истории нашего города Прокопьевска очень большой вопрос?

Поэтому на вопрос: о чём же была презентуемая книга? Отвечаю кратко: о жизненном пути Святого Прокопия Устюжского.

Поскольку, несколькими годами ранее я тоже занимался этим вопросом, то мне думалось, что в различных книгах «Жития русских Святых» много материала о прошлой земной жизни русских святых, в том числе и Прокопия Устюжского. Несмотря на то, что я читал информацию о святом в разных книгах, тем не менее, эти разные информации мало чем отличались друг от

друга. Представляемый же материал будущей книги о Прокопии Устюжском во многом не соответствовал тем, которые мне довелось читать ранее в книгах о житии русских святых.

В чём именно? Наши «исследователи» (пошли) дальше, чем написано в Святых книгах. Вначале они повели своих читателей в средневековую историю Западной Европы, где тесно увязали Прокопия Устюжского с западноевропейскими мыслителями и философами (отчего мне подумалось: интересная получается картина - недалёкую историю нашего города не знают, поскольку не могут разобраться с двумя церквями закрытыми в нашем городе в 1930-х годах, а то, что было в Западной Европе в 12 - 13 веках знают, как свои пять пальцев!)

... Была рассказана история Камбиллы (Гланда Камбилла Дивонович, в крещении Иван Камбилла (Каббл) Дивонович, якобы один из потомков каких-то западно-европейских королей переселившийся на Русь), от которого и пошёл род царей Романовых. Хотя реальность существования Камбиллы чисто мифическая, в настоящее время историками не подтверждается. Тем не менее, идея многим полуболилась, в том числе и в Прокопьевске (впервые эта гипотеза была придумана и озвучена в 1913 году на

праздновании 300-летия Дома Романовых). Согласно выводов этой гипотезы Гланда Камбилла (объявленный родооснователем царского рода Романовых) и Святой Прокопий Устюжский, якобы являются одним и тем же лицом. Отчего икона святого Прокопия Устюжского и являлась одной из самых почитаемых в царских палатах Дома Романовых.

Всё в том же 2011 году, историк из города Череповца Михаил Мальцев (из той же Вологодской губернии откуда пошла по Руси и святые Прокопий Устюжский с Прокопием Устьянским), вспомнив забытое «открытие» 1913 года, написал статью «Святой праведный Прокопий Устюжский - родоначальник династии Романовых», опубликовал написанное в «Духовно-нравственном воспитании». 2011 год. № 4.

Вероятно, именно этой статьёй и вброшена идея и мысль раскрутки обговариваемого, в нашем городе, названными выше лицами.

Тут-то и мне стало понятным, отчего такая великая любовь у моих земляков к святому Прокопию Устюжскому и отчего же такое великое их почитание его. Поэтому вероятно, и город наш особо отмечен не только царями но и Богом. Оттого, и Указы царские писаны о строительстве маленькой деревянной церквушки в, одному лишь Богу известной, нашей монастырской деревушке с названием Монастырская и прочее.

Вот так-то! Ещё одна красивая история, которую сами придумали, сами в неё поверили, сами же ей и радуемся. Поэтому, как же можно отказываться от такой приятности? От того знать и монумент возвели.

Правда, знающие люди, а такие у нас есть, посещая наш мемориал и читая вырубленные на его каменных плитах надписи, наверное, будут улыбаться, и удивляться от мысли: «Надо же - невероятное, но - очевидное!..»

Словно памятник «Тысячелетие России» - в городе Великий Новгород.

В том же 2011 году увидела свет выпущенная администрацией Прокопьевска книга «Мой Прокопьевск», в которой, так же как и на монументе Святого Прокопия, дана краткая историческая справка города. Прочитав эту информацию, отправил объёмное письмо в администрацию. В письме высказал свои замечания по поводу ошибок в информации изложенной в увидевшей свет книге. Получил ответ, в котором не было ни одного ответа, ни на один вопрос. Универсальный такой ответик, который можно приклеить хоть куда.

Тем не менее - одно положительное, в одном отрицательном, в ответе всё же было, а именно: «Как шло хозяйство в монастыре (имеется в виду Христорождественский монастырь, возле которого появилось село Монастырское - колыбель нашего Прокопьевска) в первый и вообще более ранний период его существования, мы не имеем данных для суждения».

Заключительную часть, названного выражения - «не имеем данных для суждения», понял так: «поэтому пишем, как нам заблагорассудится».

Надеюсь, понял правильно... Иначе как же можно пояснить всё то, о чём и говорилось выше. На что хочется сказать: нет, уважаемые дамы и господа, данные для суждения мы имеем, не так много как хотелось бы, но имеем. Только их нужно знать. А если вы их не знаете, то не думайте, пожалуйста, что и все остальные окружающие вас люди тоже не знают этого. Знают!

Отчего так стыдно и досадно становится за родной город, когда читаете ваши «письмена» - в книгах и на монументах, адресованные потомкам.

Мысли, высказанные мной в этой публикации и изложенная информация, в части касающегося ранней истории города Прокопьевска - не новодел. Высеченная здесь информация, несколько большим объёмом, изложена в небольшой моей книге «Прокопьевск в летописях», вышедшей небольшим тиражом - в 2013 году.

Правда со времени издания книги, по озвученной теме появилось уже и кое-что новое, в этой публикации об этом кратко сказано, в книге же этого нет.

Культура

«ЛиТегга» - ЗЕМЛЯ КУЗНЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«...И сердце бьётся в упоении
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь...»

Более года литературное объединение «ЛиТегга» существует при библиотеке им. Н. В. Гоголя. Объединение начало свою работу под эгидой года литературы в январе 2015 года.

Начиналось все с трех участников, творческих, довольно известных в литературных кругах и, что самое главное, реализовавшихся в литературе и знающих законы прозаического и стихотворного текста Марии Заречной, Дамира Ибрагимова и Дмитрия Семенова. Другими словами, их не надо было учить, просвещать. И трудности возникали уже в зародыше, поэтому были мысли оставить это начинание.

К середине весны корабль поплыл, в нас влился литературно-православный кружок «Славия», участники которого волею судьбы ли, а может просто стечением благоприятных обстоятельств, проводили занятия в том же помещении, но на два часа раньше. Восторженные, стремящиеся к знаниям и к новым впечатлениям женщины, уставшие, быть может, от повседневности и желающие увлечься, «забыться».

Участники литературно-православного кружка «Славия» составили основной костяк литературного объединения «ЛиТегга». На страницах данного номера читатели могут ознакомиться с произведениями участников кружка «Славия». Это Лариса Митюшкина, Светлана Ошуркова.

Светлана Ошуркова в марте этого года ушла из жизни. Она была участницей и городского литературного объединения «Гренада» под руководством Любови Никоновой. Творчество Светланы пронзительное, правдивое, пронизанное ветром непростого бытия. Долгая память Светлане!

К осени «подтянулись» и те, кто приходил зимой, в начале.

Осень расщедрилась на дары - пришли и новенькие пишущие люди, новые имена, новые лица.

Это Светлана Черемисина, Римма Чуднова, Надежда Малофеева, Алексей Медведев, Геннадий Кученков и другие.

Корабль едет от пристани к пристани, от одного поэта к другому, собирая людей, встречи, впечатления.

Мы приглашаем на наш борт всех, кто любит литературу

Елена ОСТРЫХ, руководитель литературного объединения «ЛиТегга».

Эльвира ШЕЛЕСТОВСКАЯ

С литературно-поэтическим творчеством прокопчанки Эльвиры Шелестовской читатели «Усятской россыпи» знакомы, поскольку её стихи ранее в альманахе уже публиковались. Основными темами, на которые пишет автор, это – о любви, о любви к родному городу, о природе и, стихи для маленьких детей... Подборку именно таких своих стихотворений - для детей, в том числе и сатирические, сегодня она и представила на суд читателей «Усятской россыпи».

КОШКА И БЛОШКА

Сидит кошка на окошке,
А на кошке той блоха.
Вот такая вот - потешка,
Вот такая чепуха!

Кошка прыгнула с окошка,
Вместе с ней её блоха.
Посмеялись вы немножко:
Хи-хи-хи иль ха-ха-ха?..

Неразлучны кошка с блошкой,
Кошка с блошкой друзья.
Хоть и ссорятся, немножко,
Блошка – кошке: «Ты – моя!..»

ВЕЛОСИПЕД

Это ни сон, это ни бред –
Купили мне велосипед!
О нём мечтал я так давно!
И вот сегодня, как в кино:
Я вижу руль, два колеса –
Чуть не закапала слеза,
Не верят до сих пор глаза!
Аптечка есть и тормоза,
Звонок, чтобы в него звенеть...
Я рад! И хочется мне петь!

Даю совет: Чтoб жить без бед –
Купите детям «лисапет»!

ПОДАРОК ПАПЕ

Скоро двадцать третье февраля!
Папе, что дарить? – Не знаю я:
Может подарить ему носки? –
Он умрёт, наверно, от тоски.
Можешь подарить одеколон? –
Вряд - ли, сразу, станет счастлив он.
Подарю-ка своего я Мишку,
Или, может эту книжку?...
Всё! Решил - дарю конструктор
«ЛЕГО»!
Ниже подпись: Папе от Олега!

ДОМАШНИЙ АРЕСТ

Сегодня дома целый день –
Не нахожу я места!
Не удалось мне избежать
Домашнего ареста.
Меня хотите вы спросить:
За что такие меры?
«Домашку» сделать я забыл –
Задачку и примеры...

ЗАЙЧОНОК ЗАБОЛЕЛ

Вторую неделю
Болеет зайчонок:
Немытой морковки
Объелся, бесёнок!

Не скачет по лесу,
Лежит в своей норке.
Зайчиха даёт ему
Горькие корки.

Куда подевалась
Зайчонкина прыть?
Теперь будет знать –
Надо овощи мыть!

КРЕВЕТКИ

Мама – креветка и детки – креветки,
После обеда – дремали, в беседке.
Что на обед ели мама и детки?:
Детки, конечно, хотели, конфетки;
Мама мечтала попробовать фрукты,
Но, на обед, были – морепродукты...

ТЕСТО

Почему у мамы тесто –
Пышное, пахучее?
У меня же, получилось –
Липко – приставучее...

ДЕД И ВНУК

Весь дом кувырком:
Кот забился под столом;
Как тайфун, как ураган,
Всюду носится Степан!
Стёпе очень мало лет –
Будет три, сейчас – в обед.
Внук приехал погостить –
Бабу с дедом навестить.
Дед, конечно, стал лошадкой,
Угощал малиной сладкой,
На коленях покачал
И медведем порычал.
Поиграли в саду, в прятки
(Потоптали, малость, грядки).
Повалялись на траве –
Стало жарко голове.
Дома деда взял гитару –
Стали с внуком петь, на пару.
А потом читали сказки –
Кто там закрывает глазки?
Кто уже устал, у нас? –
Надвигается – сон час!

КОТ – СИРОТКА

Жил на свете рыжий кот –
Рваненькие Ушки.
Так случилось, что забрёл
Он к одной старушке.
У старушки волоса
Рыжи были, тоже.
Кот, как будто бы, сказал:
- Мы с тобой.., похожи!
Ты возьми меня к себе.., -
Просит, чуть не плача. -
Буду я в твоей судьбе
Приносить удачу.
Ведь известно – рыжий кот,
Всем приносит счастье.
Наколдую я тебе –
Солнышко, в ненастье.
Там, где я – любовь, уют... -
(Глазки смотрят кротко). -
Дай мне, бабушка, приют...
Я же – кот-сиротка!

ПОЯВИЛСЯ В ДОМЕ

КОТ

Появился в доме кот
И во всю.., обои рвёт!
Не единственный изъясн:
Точит когти о диван,
По коврам бежит вприпрыжку,

Заводную треплет мышку.
Выбегает из засады –
Никакой ему преграды!..
На колени, сразу – прыг! -
Засыпает в тот же миг.
Как проснётся, так вперёд! –
К холодильнику ведёт.
Просит рыбу, молоко...
Знаю, будет нелегко –
Комок шерсти обуздать.
Остаётся только ждать:
Вырастет, устанет –
Угломный станет!

КАРАОКЕ И УРОКИ

Не хочу учить уроки -
Петь хочу, на – Караоке!
Песенку про мамонтёнка
Исполняем мы с сестрёнкой.
Говорю ей: «Оля, пой!
Мы певицы же с тобой».
Вместо шляпы, есть - панамы,
Нам её купила мама.
Залезаем в каблукы.
«Запевай, вон с той строки... -
Микрофон беру я в руку. -
Эта песня, про разлуку... -
Голос мой слегка дрожит,
Кажется, слеза - бежит...
Хватит петь мне в, Караоке.
Всё! – Иду учить уроки!

БУДУЩИЙ ВЕТЕРАНАР

Стать хочу – ветеринаром,
Вот бы поскорей.
Ведь, наверно, недаром,
Я люблю зверей.

Будут у меня лечиться:
Лошадь и баран,
Кошка, пёс, коза, корова,
Куры и кабан...

Всех приму, всех пожалею...
Дам пилюли в срок,
Чтобы каждый из животных –
Выздороветь смог!

ОТВЛЁКСЯ

Я за партую сижу - у окошка,
От урока отвлекусь - хоть немножко:
Пошщу глазами, я - дом Серёжи.
Дом Серёжи у мой, дом,
так похожи!
Посижу и пошщу - все различия,
Увлекусь я этим, до – неприличия.
На меня уж нападает зевота.
Вновь «включаться» мне в урок –
не охота!
Вижу. Села на рябину сорока...
Не заметил, как ушли – все, с урока!

ОХОТА

В позапрошлую субботу,
Собрались мы на охоту...
Взяли – фотоаппарат,
Зверь, такой охоте – рад!

ЖЕРЕБЁНОК

Родился у лошади
Чудный ребёнок -
Ребёнок, конечно,
Хоть – жеребёнок!
Лиловые глазки -
Увидели свет.
Встречал он сегодня -
Свой первый рассвет.
Изящные ножки
Немного дрожат.
На холке волосики
Мило лежат.
Красивый окрас
(Ну, совсем как у мамы!)
Ведь, дочка она!
И они, с мамой – дамы!

ДВА ВОРОБЬЯ

Повстречались на дорожке
Два крикливых воробья –
Делят маленькую крошку,
Слышно лишь:
- Моя!..
- Моя!..
- Первый я её увидел,
Сидя, вон, на ветке той... -
Молвил первый воробьишка, -
Так что это завтрак мой!
- Я давно её приметил,
Прилетев из-за угла, -
Так второй ему ответил, -
Что нам делать? Вот дела!
Расшумелись воробьишки! –
Воевать, так воевать!:
- Ты - ворюшка!
- Ты – ворюшка!
Не желают уступать!
Полетели пух и перья...
Кто на поле брани пал?
Вдруг, неожиданная потеря –
Голубь, крошку ту, склевал!

МИШКА И КНИЖКА

Вот перед вами Мишка,
В руках у него книжка.
Пытается мальчишка
Сказку почитать.
Но, держит вверх ногами,
А вы представте сами –
Читателю такому
Исполнилось лишь пять...

РЫБАК

Сидит на берегу Егор -
Улова нет, с каких уж пор!:
Сидит и час, сидит и два...
Не помогают и слова
О рыбке малой и большой.
- С пустым садком идти домой?
Где ждёт меня с уловом кот -
Уверен он, что здесь клюёт!
Наверно, ходит по ограде –
Весь в предвкушении, рыбки ради!
Меня увидит, запоёт:
- Егор мне Рыбочку несёт!
Без рыбки, я ведь не усну!..
- Добыть придётся... хоть одну!
Я сильно так коту люблю
И рыбку-то, ему - ловлю.

ЛиТерра

Светлана ЧЕРЕМИСИНА

Родилась в Новокузнецке 24 сентября 1962 года. Закончила ГПТУ № 13. Работает поваром в медицинском учреждении. Стихи пишет с 2009 года.

Ночь, словно плеть, где каждый
взмах так беспощаден!
Сдирать покров души и тела
продолжает сметь ей.
Превосходством темноты
был титул леди ладен
И до невидимой крови,
так до рассвета,
Все будет надо мною хлыст ее
свистеть!

Звенит по венам и бушует злая кровь,
Кричит: «Живи!» позымаю
грешной плоти.
И та, ей подчиняясь, словно
жалкий подневольный раб,
Безумным, диким зверем
рыщет на охоте!

Ночь, словно плеть, в ней наши
чувства сплетены в едино.
Но только чувства, не тела...
Меж нами болью непреодолимых
расстояний,
Разлука дикой пропастью легла!

Осень рыжею листвою
город забросала.
Лето нынче удалось, но его так мало!
Прихвачу домой букет ржавых
листьев,
Наброшаю на холсте тонкой кистью.

И холодной зимой в злую вьюгу
Буду осень вспоминать, как подругу.
Буду снова вспоминать лето,
И что помнишь ты меня где-то.

И мечтать, что сбудется
наша встреча,
Может, летним жарким днем
иль в морозный вечер...

Стара, как мир, иллюзия обмана.
И в сотый раз как грохнешься с небес,
Витая в облаках, окутанных туманом.

Вдруг четко понимаешь –
Над тобой опять хохочет бес!

Проникнув в мир твоих желаний,
Он чутко бдит у левого плеча.
И ложной правдою тебя он манит,
Не задрожит рука у палача!

В охоте за твоей душою,
Ему все средства хороши.
Будь в мире ты с самим собою
И не отнять ему твоей души!

А душа, душа моя наивная,
Вот и пригорюнилась ты вновь?
Слезы высохнут и станешь
ты красивее,
Ведь в тебе неиссякаема любовь!

Лунная дорожка серебром полна.
Рыжею лисицей жмурится луна.

Звезды хороводом в сказочном дыму
Говорят, мерцая, что-то, не пойму.

И роняет небо белый, белый снег.
И часы как будто замедляют бег.

Я теперь снегурочка в сказочном лесу!
Меня плавно сани по небу несут...

В небе звезды зажигаю
В небе звезды зажигаю,
Тихо к нам спустилась ночь.
Неизбежная разлука,
Я твоя, наверно, дочь?

Не уйти и не остаться.
Не найти и не расстаться.
Не терять и не беречь.
Нет прощаний, нет и встреч.

Вот такая вот любовь
Получается у нас!
По осколкам наших снов
Жизнь проходит мимо нас...

Сирота Казанская

Без тебя, душа моя, сирота
Казанская.
Между небом и землей - шашкою
казацкою
Без приюта и тепла по миру
шатается.
Все на паперти стоит, слезно
побирается.

Обогрей же кто-нибудь душу
бесприютную.
Не злодейку, не воровку, не девку
распутную.
Ей совсем не надо серебра да злата,
Ведь душа не этим пред Творцом
богата!

Без любви страдает, слезы льет,
тоскует.

Сколько ей кукушка нынче накукует?
Ей к родной душе хочется прижаться.
Чтобы никогда с нею не расстаться!

Сердце

Благодарю тебя,
За то, что ты любить умеешь!
Увы, не каждому дано!
Обидят - ищешь оправданья и
жалеешь.
Им, равнодушным, все равно.

Ты в радости со мною и в беде.
От самого рожденья и до тризны.
Мне хорошо с тобой везде.
Советчик и попутчик мой по жизни.

С тобою в ссоре мы порой.
Но ты обычно побеждаешь.
Мы с тобой друг за друга горой!
Ведь, как никто,
Ты абсолютно все обо мне знаешь.

Ты за любовь в огонь и воду!
Рубцов и ран
В тебе не перечешь...
Благодарю тебя, о, сердце,
За то, что ты у меня есть!

Лариса МИТЮШКИНА**Воспою Бога**

Я знаю – я песчинка
В пустыне Колохари.
Я знаю – я травинка
В России иль в Австралии.

Я знаю, что я каплей
Морскою проливаюсь
И солнцем апельсиновым
Друзьями называюсь.

Я голос их бездонный,
Я ветер - ураган,
Я альбатрос влюблённый
В земной мир, в океан.

Меня благословил Бог
Здесь, в этом мире жить.
Кем не сказал конкретно,
Сказал какою быть.

Чтобы прожить лет много
И с верою в Него,
Воспеть стараюсь Бога
Своим всем существом.

Иконы

Стоят иконы на столе
Мой взгляд во всё вникает.
Евангелия мудрый текст
На подвиг вдохновляет.

Скорее в церковь приходи
И Господу откройся,
Проси очистить от грехов,
Святой водой умойся.

Храм Божий золотом горит
И свечи душу греют.
Молитвы наши и святых
О грешниках радуют.

Венчание

Венец. К нему привёл Творец.
Венец нести не трудно.
Сплетая в нём огонь сердец,
Живите просто, мудро.

Живите хоть за сотню лет
В любви, как Пётр с Февроньей.
Пример с них тот себе возьмёт,
Кто хочет жить достойно.

И Божья Милость вас найдёт
И в Град небесный позовёт.

Мишутка

Внучонку Мишутке два годика было
И мать его бабушка очень любила.
Так славно вехоткой его натирала,
К святым всем и к Богу
в молитве взывала.

Был очень уж маленький
мальчик хорош
И бабушка Бога молила до слёз:
«Здоровья ему, Боже Благодный, дай.
Архангел его, Михаил, защити».

Пусть мальчик растёт, славит
Бога, святых
И будет примером для нас пожилых.
Полезным трудом, пеньем
в храме займётся
И внуком хорошим всегда остаётся.

Молитесь

Я призываю, люди, вас молиться,
Душою чистой к Господу стремиться.
Пред образом стоять не для обряда,
Так Божью Милость призывать
не надо.

В иконе нужно видеть Бога лик,
Чтоб от неё Он к нам в сердца проник.
Звучали б в них слова: «Как Я живи
И заповеди соблюдай Мои».

Псалмы, Евангелие изучай,
Умом и сердцем Бога воспевай».

Проповедь отца Павла

В выходной, как в первый раз,
Свыше всякой меры,
Отца Павла слышим глас
С трепетом и верой.

Как глоток воды живой
Проповедь благая.
Он покажет в ней чего
Мы не ожидаем.

Стих из Библии даёт
Мощный и глубокий.
Мало опыта у нас –
Жизнь так однобока.

Мудрость радостно вкусив
Библии чудесной,
Как спасёнными нам быть
Знаем в день воскресный.

Святость

Ищу я в Церкви Святость.
Ищу и трепещу,
Чтобы людская гадость
Не влезла в жизнь мою.

Чтобы забылись ссоры
И не было бы зла,
И жизнь моя кипучая
С молитвой чтобы шла.

Ни взгляд, ни мысль не портили
Моё чтоб бытиё,
И я с утра до вечера
Всё б слушала Его.

Ученья – наставления
Его во мне звучат.
Так жизнь прожить всю в святости,
Конечно, каждый рад.

Кто каждое мгновение
Святой Дух ощущает,
Кто даже на минуточку
Его не забывает,

Того вся жизнь стрелой летит,
В скорбях даже легка.
Он в Теле Бога хочет быть,
Как правая рука.

Притупятся желания
Другие и мечты.
Однажды спросит он себя:
«Молился много ль ты?»

И много ль веры было?»
Но святость Бог дарил,
О Нём всё говорило
Тому кто в Боге был.

Литературный калейдоскоп

Слово редактора

Вот и пролетел ещё один год после выпуска предыдущего номера «ЛХГА «Усытская россыпь» № 12, увидевший свет в начале мая 2015 года. Выпущен номер под двумя знаменательными лозунгами: «70-летие Победы в Великой Отечественной войне» и «Год российской литературы».

Именно этим двум датам и событиям прошедшего года и посвящался двенадцатый номер литературной газеты-альманаха. Военной теме была посвящена редакционная передовица «Огненное время и его герои».

Несмотря на то, что в опубликованном материале генерала Кожемяко И.И., рассказ вёлся не о событиях на поле брани Великой Отечественной войны, тем не менее, его рассказы о славных адмиралах Российского Военно-Морского (Черноморского) флота: Лазареве М.П., Истомине В.И., Нахимове П.С. и Корнилове В.А. явились очень ценной частью, обозначенной темы номера.

Ярко и захватывающе, основываясь на документальной информации, в том числе и вражеской, о Битве под Москвой поздней осенью 1941 года, и участии в ней нашего земляка - комдива Полосухина В.И., рассказал наш известный кузбасский прозаик Рудин Виль Григорьевич в своей книге-повести «Бородино - испытание боем».

О военных заслугах своего бывшего командира, Героя Советского Союза, генерала Преснякова А.В. во время ВОВ - балтийского военного лётчика-торпедоносца, поведал и я, в своём рассказе - «Торпедоносец Балтики».

Военной же теме, хотя она была показана как бы и на втором плане, был посвящён рассказ «Попутчик» члена Союза писателей России, новокузнецкого прозаика Неунывахина Владимира Максимовича. В рассказе «Солдатские судьбы» поведал читателю о судьбе своих делов, участниках ВОВ и их вкладе в дело ПОБЕДЫ прокопьевский прозаик, газетный журналист Тищенко Евгений Викторович. Военной теме были посвящены рассказы «Чужие крылья» и «Две дольки лимона» Павла Морозова.

Два рассказа «Матюха и генералы» и «Спасибо тебе солдат» главного создателя нашей газеты - Людмилы Александровны Танковой, поднимают тему памяти о подвиге советских солдат.

Не обошли стороной тему ПОБЕДЫ в Великой Отечественной войне, в своих стихах многие наши поэты: «А над рейхстагом вилоось знамя» - Иван Рябин; «Поклон Вам ветераны» - Юрий Гамов; «Бульвар Героев» - Людмила Лукьянцева, которая и в прозаических произведениях «Сыновья пропавшие без вести» и «Укус Горыныча» так же рассказывает о событиях связанных с Великой Отечественной войной.

В номере были опубликованы стихи прокопьевских поэтов - участников Великой Отечественной войны: Григория Маслова и Анатолия Грохова.

Небольшой публикацией в номере было отмечено о творчестве и уходе из жизни известного на всю страну сибирского писателя Валентина Григорьевича Распутина, а также небольшой же публикацией Юрия Баранова «Иван Стаднюк продолжает воевать» (перепе-

чатанной из «Литературной газеты» № 10 (6500) от 10 - 17 марта 2015 года) - о творчестве и, в связи с 95-летием со дня рождения, Ивана Фотиевича Стаднюка.

Интересный рассказ - «Один день», о старинных исторических памятниках нашего края, горного Алтая и мест слияния рек Бии и Катуня, получился у Сергея Загнухина. Да и небольшие рассказы «Услышь меня родная» и «Крепкий орешек» - Ирины Вськовой очень глубокомысленны и интересны.

Памяти и почитанию творчества новокузнецкой поэтессы Любви Алексеевны Никониной посвящена публикация её учеников, коллег и друзей «С высокой силой притяжения...»

Хочется отметить глубину мысли в стихах молодого и талантливого прокопьевского поэта Сергея Гнездилова:

*Ах, какая сегодня метель!
Толи снег, толи яблони белые,
Застылают кипенью постель
Под слова о любви неумелые...»*
(Стихотворение «Метель»).

*«Нет, ни сна не найду, ни места.
Что-то кружится голова...
Лишь черёмуха, как невеста,
Нежно внемлет мои слова.*

*Сладким маревом полночь блазнится.
И домой уж давно пора...
Да какая всем, к чёрту, разница,
Буду здесь дожидать утра!*

*Пусть не хватаются заплутавшего.
Под черёмухой мягки мхи...
И всю ночь у ствола озябшего
Я читать буду ей стихи...»*

(Стихотворение «Черёмуха»).

На мой взгляд, слог и рифмы Сергея Гнездилова чем-то, похожи на Есенинские: «Выткался на озере алый свет зари, а в бору со стопами плачут глухари...»

«У нас, что не Сергей, то - Есенин; что не Есенин, то - Сергей», - вероятно в шутку, высказался Домбай Сергей, главный редактор областного литературного журнала «ОГНИ КУЗБАССА».

Мне же слова земляка, кемеровчанина, хочется применить в отношении творчества и стихотворений прокопчанина Гнездилова Сергея.

Хочется отметить творчество новокузнецкого прозаика Семёнова Дмитрия, пишущего в основном в жанре фантастики. В его произведениях заложен глубокий смысл. В том числе и во вновь опубликованном его фантастическом рассказе «Когда умрут бумажные книги». В нем ненавязчиво, но чётко проходит мысль, что обычные сегодняшние «бумажные» книги скоро «умрут»... И хочешь или не хочешь, но приходится признаваться, что суть сюжета, положенного автором в основу своего произведения, заставляет задумываться всем.

Нельзя обойти увлекательные рассказы о природе, рыбалке и всевозможных жизненных приключениях таштагольца Васюнова Александра Ивановича. Подборку его рассказов, под общим названием «На берегах Маралихи», я прочитал с великим удовольствием. На мой взгляд, в этой публикации, качество авторского слога, в сравнении с предыдущим, значительно повысилось.

О творчестве и поэзии новокузнецкой поэтессы Елены Острых можно говорить много и долго, с её стихами читатели газеты знакомы хорошо, поскольку

они не единожды публиковались на страницах «Усытской россыпи». В представленной подборке «Если есть ты во вселенной...» прослеживается свой особенный слог, на первый взгляд непонятный обычному непосвящённому читателю. Но, если вдуматься и вчитаться в её стихи, то станет понятен их глубокомысленный и философский смысл:

*Ты, забывшая гибель лучших грёз,
Надеешься на хорошее.
Не принимая позы,
Листаешь тетрадь заброшенную,
Читаешь стихи не прощенные.
Мир верен прозе.
Вянут розы стихотворений.
Бесследно исчезают прошлого тени,
За горизонтом не восходят
новые гении.*

*На белоснежности холодной,
На невесомости легчайшей
Отрезок жизни - оттиск, след.
Большое, давнее участие
В течение стихий и лет.
Участие - сон Земли, не больше.
И заматает оттиск снег...
И всё, что будет после - тоже,
Как всё, что было до - навек.*

О годе Российской литературы:

Как было сказано выше, 2015-м в нашей стране прошёл Год Российской Литературы. Что конкретно он дал или принёс Российской литературе?

Судя по содержанию главной литературной газеты страны «Литературная газета» - ничего! Похоже, что общее положение дел в Российской литературе стало ещё более плачевным, о чём говорит и то, что с началом 2016 года «Литературная газета» на половину стала меньше по формату и объёму. Форматом стала - как «Усытская россыпь», объёмом - меньше, более чем в два раза (сужу по первым двум номерам начавшегося 2016 года). Ясное дело, что такое от хорошей жизни не бывает, значит - обстоятельства вынудили.

Чем же ознаменовался Год литературы в Прокопьевске и регионе, который охватывает «Усытская россыпь»?

Прежде всего хочется сказать о символике Годе литературы. Много чего было изобретено. Как эмблема предложены три профиля, двух классиков Русской литературы: Александра Пушкина, Николая Гоголя и Анны Ахматовой. Отчего, у меня лично, возникло недоумение: кто придумал это?

В отношении Пушкина А.С. и Гоголя Н.В. вопросов не возникает. Почему на литературном российском знамени появился профиль именно Анны Ахматовой не понятно: по половому признаку, по разрядке или из-за её страданий, или она классик Русской литературы такой же величины как Пушкин с Гоголем? Есть у нас в Российской литературе Лев Николаевич Толстой, Фёдор Михайлович Достоевский, Чехов Антон Павлович, Некрасов Николай Александрович Михаил Александрович Шолохов, и многие другие российские литературные классики. И вдруг - Анна Ахматова?

Поэтому я понимаю так, что это «явление и веление» нынешнего времени - временное и не вечное.

Хочется рассказать о литературной

жизни и некоторых литературных событиях проходивших в нашем городе и регионе.

15 января 2015 года, в Прокопьевске, в актовом зале Дома общественных организаций города состоялась встреча актива литературной общественности города с активом городского Совета ветеранов. Выступающие говорили о необходимости более тесной совместной работы.

4 декабря 2015 года, под занавес уходящего Годе Российской литературы в помещении Читального зала Центральной городской библиотеки Прокопьевска прошла встреча читателей города с членами прокопьевского литературного клуба «Вдохновение» с презентацией вышедшего очередного клубного поэтического сборника «Вдохновение» № 5. В него вошли стихи двадцати авторов и активных участников работы литературного клуба.

О самом вышедшем сборнике, сказать хочется следующее: выпущен сборник в своём традиционном формате 60х84 мм., объёмом 332 страницы. В связи с приличным объёмом и необычно малым числом представленных в сборнике авторов сказать можно то, что прокопьевские авторы своими публикациями уже насытились, поскольку большинство из них беспрепятственно публикуются и в аналогичных поэтических сборниках Лукьяновой Л.П., в «ЛХГА «Усытская россыпь». Отчего, в выпущенном сборнике, у опубликовавшихся появилась беспрепятственная возможность развернуться во всю свою ширь. Фактически, кто какой материал предоставил руководителю клуба Руденко Любви Геннадьевне, тот материал и был включён в сборник, без каких-либо ограничений. Хочется отметить и то, что качество стихотворений и общий поэтический уровень большинства постоянных членов клуба значительно возрос. О Сергее Гнездилове уже рассказывал, скажу о творчестве Людмилы Заниной и Эльвиры Шелестовской, поскольку, считаю, что они значительно повысили свой поэтический уровень.

Людмила Занина родилась в семье шахтёра. В Прокопьевске окончила среднюю школу и техникум физической культуры. Увлекается хоровым пением. Стихи пишет с раннего детства. Активный член городского поэтического клуба «Вдохновение». В своём творчестве выражает собственные переживания, внося в них философский смысл, глубину мироощущения. Ранее публиковалась в «Усытской россыпи»:

*Когда начинается дождь,
Тоска бьёт в самое сердце.
Куда от тоски мне деться?
И как её превозмочь?*

*Я выход ищу, крича,
Слова улетают в бездну.
Когда мне будет известно,
Как спрятаться от дождя?*

*Мне холодно и темно,
И дождик стучит по крышам.
За окнами серость вижу
И так от неё тяжело...*

О литературном творчестве и стихах Эльвиры Шелестовской, подборка стихотворений которой размещена в этом

номере газеты, много говорить не буду. Скажу лишь то, что, несмотря на кажущуюся простоту слога её стихотворений, поскольку они предназначены для самых маленьких детей, тем не менее - готовя их к публикации в данном номере газеты, я порадовался за автора. Так сильно она подняла свой поэтический уровень, уровень своих стихов, что кроме как радоваться за неё - больше сказать нечего. За исключением лишь того, что раньше детских стихотворений наших авторов я не понимал (даже, ставил их в укор нашей прокопьевской поэтессе Нине Бобрышевой - мол, что вы ерундой занимаетесь). Теперь понимаю, что был не прав, поскольку начал понимать детские стихи.

15 декабря 2015 года в Центральной библиотеке Новокузнецка имени Гоголя состоялось заседание литературного клуба «Литтега», организатором и руководителем которого является Елена Острых, один из постоянных авторов «Усятской россыпи».

На встрече присутствовали Калашников Николай Николаевич (руководитель новокузнецкого литературно-фантастического клуба «Контакт»); Дмитрий Семёнов, Сергей Ерофеев, Сергей Загнунин (наши авторы); новокузнецкий поэт Сергей Озеров и другие любители литературного творчества и поэзии города Новокузнецка.

Встреча была посвящена литературному творчеству Сергея Ерофеева. Сергей в своём выступлении, рассказал не только о своём литературном творчестве, но и об увлечениях историей Горной Шории.

27 декабря 2015 в актовом зале школы №1 Прокопьевска, состоялась литературная встреча Союза любителей поэзии «Кузбасский родник», руководителем которой является Лукьянова Людмила Павловна, учитель школы. Встреча была организована по случаю выхода в свет 19-го поэтического сборника с названием «Любовью дорожить умеете».

В Первой школе Прокопьевска училась когда-то космонавт Воинов Б.В., а скоро она войдёт в историю города и области потому что становится и литературным центром всего Южно-кузбасского региона.

Что можно сказать о самом сборнике? В нем опубликованы стихи 32-х авторов, представляющих четыре южно-кузбасских города: Прокопьевск, Новокузнецк, Осинники и Междуреченск. Есть авторы «старые», есть и новые.

25 октября 2015 года не стало среди нас замечательного нашего товарища и друга Николая Нагорнова (родился в городе Тайга 16 декабря 1970 года), этому трагическому событию посвящался один из главных пунктов проводимой встречи.

В «Усятской россыпи» стихи Николая Нагорнова публиковались два или три раза, но хорошо известен он был многим. Любим Николай был не только благодаря своим стихам, но и как один из организаторов и исполнителей бардовской группы «Трио - «МАНАХ» (Малышкин - Нагорнов - Хворов). Малышкин и Хворов присутствовали на литературной встрече и исполнили кое-что из своего репертуара.

Слушая их выступление, мою голову свербил мысль: «Такие голоса, такие таланты! И фактически никто ничего о них не знает...»

Немного позднее к осиротевшему «трио - дуэту» присоединился Сергей Дёмшин (уроженец Прокопьевска, ныне живущий в Междуреченске), который

исполнил несколько своих песен.

Понравилось собравшимся и пенье бардов междуреченца Сергея Меринова, и прокопчанина Александра Грумика. Общее впечатление от проведённой литературной встречи, смычке «стихов и песен», у всех участников было очень хорошим.

Если пишешь и не работаешь, то...

Когда-то, в конце второй половины 1990-х годов, после увольнения с военной службы из армии, являясь военным пенсионером, я работал в Прокопьевске в редакции газеты «Народовластие». В те годы частым гостем нашей редакции бывал прокопьевский журналист Анатолий Ярмолюк или Анатолий Крымов (так представлялся он нам и подписывался под всеми своими публикациями в разных газетах). Бывало, что и в нашей газете, он публиковал кое-какие свои материалы. В те годы я только начал осваивать газетное дело, а он был уже известным в городе журналистом. Кое-в чём помогал мне. Поэтому относился я к нему очень хорошо и считал его своим хорошим знакомым. Потом лет десять мы с ним не виделись.

Вновь встретились, когда вышли в свет первые три номера «Усятской россыпи». По старой памяти и простоте душевной я рассказал Ярмолюку и о себе, и о вновь созданной газете.

В результате, он написал по моему рассказу и моей газете разгромную статью, которую опубликовал в областной газете «Кузбасс».

Тогда, беседуя со мной и сетуя на свою не очень удавшуюся жизнь, он сказал, что в молодости совершил большую глупость - не выучился и не получил приличную специальность, посредством которой можно было бы достойно жить. Как-то, совершенно случайно, попался мне на глаза афоризм, сказанный нашим современником писателем-сатириком Михаилом Жванецким, приблизительно такого содержания:

«Если пишешь и не работаешь, то - на что жить? Если пишешь и работаешь, то - когда жить?»

Слова, сказанные нашим современным литературным «классиком» полностью соответствуют мысли высказанной когда-то Ярмолюком.

Соответствуют они и нашей сегодняшней литературной жизни и действительности: «Если ты пишешь и не работаешь, то - на что жить?»

Год Российской литературы не поставил знака равенства между работой писателя (или поэта) и работами инженера, врача или учителя. Писательство - не работа, это - хобби.

Во всяком случае, в глубинке, на окраине, каким является наш Кузнецкий край, наша Кемеровская область - точно! От этого, не работающие на производстве, наши талантливые писатели, поэты, или музыканты, не выучившиеся в молодые годы и не получившие какой-то «приличной» специальности (к примеру - инженера..., врача...), по истечению времени вынуждены влачить своё существование, морально унижать себя, работая дворниками, санитарами и прочее, поскольку другой работы им никто не предоставляет.

«На что живёшь?» - спросил я, в перерыве оговариваемой выше встречи, гитариста и барда Сергея Дёмшина: «Такую», - ответил он.

- А не знаешь, где сейчас и чем занимается Ольга Конанчук? - вновь спросил я своего собеседника.

- Почему не знать, знаю: санитаром в

какой-то прокопьевской больнице работает, - ответил мой собеседник.

Ольга Конанчук, талантливейшая прокопьевская поэтесса, «выгребает» где-то человеческие нечистоты. Почти в таком же положении находится сегодня безработная Анастасия Куприк (Русских), член Союза писателей России. Немного в лучшем положении находится молодой и талантливый поэт Сергей Гнездилов, да и многие другие...

В завершение сказанному, не без оснований, хочется высказать своё предположение, что именно по этой причине нет сегодня с нами и Коли Нагорнова - от безденежья и безысходности он свел счёты с жизнью.

Обладая от природы ангельским голосом, музыкальным слухом, прекрасным художественным слогом, жизнь прожить более 45-ти лет не смог.

Такова сегодня судьба творческого человека у нас, на Руси!

В прошедшем году ушёл из жизни - Елин Геннадий Ильич, поэт, художник, педагог. Он родился 5 июля 1932 года на станции Чумышская Новосибирской области. В 1954 году окончил литературный факультет пединститута города Сталинска (Новокузнецк), в 1964 году Красноярское художественное училище. В 1975 принят в Союз художников СССР. Жил и работал в Новокузнецке, творческая художественная мастерская с 1970 года находилась в посёлке Сарбала Новокузнецкого района.

Литературным творчеством начал заниматься в юношеские годы. С 1991 года начал работать над созданием собственного поэтического сборника, который выпустил в 2005 году под общим названием «Художник, напишите мой портрет». В декабре 2011 года, в восьмом номере «Усятской россыпи», была опубликована подборка стихотворений Геннадия Ильича:

Прощание

Любови Андреевне Е.

*Твои глаза, как две печали -
Горели, жгли, себя губя,
Вернуть всё прошлое зывали -
Всю жизнь, на ключья разнеся!
Не жар души в них жарко светит,
А жизни той неверный путь,
И трудно было не заметить
Желанье - ось Земли свернуть.
Но миг прощальный всё расставит:
Уйдёт в забвенье тайный ход,
Вагон плацкартный всех отправит -
И нет путей на разворот!
И долго будет глаз сужаться,
И гневом брови шевелить:
«Как смел ты, той повиноваться,
Меня, оставив, разлюбить?!»
Шло время тягостно и быстро -
по тем часам.
Глаза раскосые катились,
по небесам.*

Редаково

*Что весна, что зима - одинаково!
Лёд души не могу растопить!
Я уеду в деревню Редаково
И в печках стану сердце калить!
Холод душу сковал одиночеством,
Точно «Красин» зажат между льдов.
Не сбьлись никакие пророчества -
Не погибших в войне и не вдов!
Разметалось кустистое дерево,
Видно, корни уперлись в гранит,
Мы не знали, что новое зарево
Тот раскидистый дуб сокрушит.*

*Не видать, что цветёт и порхает,
Собирая нектар и пыльцу:*

*Кто спокойненько дань собирает,
Катит бочку к родному крыльцу!
Упадёт истощённое дерево
И пчела улетит за рубеж,
И роскошную крону от дерева -
Порасхитят, поделят промеж!
Грусть на сердце закована знаково -
Тот же «Красин» и вечные льды.
Я уеду в деревню Редаково
И в печках растоплю эти льды.*

«Если пишешь и работаешь, то - когда жить?» - гласит вторая часть афоризма Михаила Жванецкого. Бесспорна справедливость и этой его части.

Сужу по собственному опыту, поскольку на протяжении двадцати лет пришлось прочувствовать это на себе. Пенсионером стал в 43 года. Потому следующие двадцать лет постоянно работал на разных промышленных предприятиях. В выходные дни и по ночам писал, читал. Отчего жил практически без выходных и проходных. Жизни не было! При этом не оглядывался по поводу каждой потраченной копейки.

Вот такая реальность современной Российской, окраинной литературной жизни и деятельности. В которой, как ни странно, главными действующими лицами, являются пишущие люди имеющие хоть какой-то постоянный доход. То есть, пенсионеры, откладывающие в загибник хоть какую-то копейку на будущее своё литературное детище.

В столицах, наверное, дела обстоят иначе, поскольку там всё же есть солидные издатели. Там можно где-то да найти достойное применение своего труда, пишущему человеку. Но, это - в столицах! Где всевозможные гранты достаются достойным людям.

28 ноября 2015 года по всем нашим телевизионным новостным каналам транслировались встречи Президента страны Путина В.В. с лидерами общественной организации Общероссийского Народного Фронта.

Журналистка какой-то газеты сообщила Президенту страны, что независимые СМИ власти не любят, грантов не дают, пытаются давить.

«Подумаем, как вам помочь!» - ответил Президент. К сожалению неизвестно, что стоит за рамками этой информации. Награждая Расула Гамзатова по случаю его 80-летия, Президент РФ Путин спросил поэта, как и чем живёт сегодня Русская литература? «Если раньше от государства была отделена церковь, то сейчас - литература. Поэтому и положение её угнетённое», - ответил поэт («Л.Г.» № 7(6542) 18 - 24 февраля 2016 г., с.7).

Несмотря на удручающее и плачевное состояние дел в Русской литературе, тем не менее, в прошедшем году авторы, в нашем литературном регионе, в основном поэты, выпустили много своих книг.

Выпущены поэтические сборники: «Я держу в ладонях свет» - Ивана Ивановича Горбаченко (Прокопьевск); «Хронология мысли» - Людмилы Владимировны Ивановой (Прокопьевский район); «В металлическом городе» - Нины Васильевны Лучкиной (Новокузнецк); «Обратная перспектива» - Сергея Владимировича Озерова (Новокузнецк); «О чём же шепчутся берёзки...» - Людмилы Николаевны Ивановой (Новокузнецк); «Стихи разных лет» - Зои Николаевны Гулишевской (Белово).